

Институт психологии Российской академии наук

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2022. ТОМ 2. №1

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:

Гордякова О.В. (Москва), Сварник О.Е. (Москва)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва), Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д. (США, Техас), Демидов А.А. (Москва), Кисельникова Н.В. (Москва), Корнилова Т.В. (Москва), Мазилев В.А. (Ярославль), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О. (Казань), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А. (Москва), Юревич А.В. (Москва)

Институт психология РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.

Электронная почта: scientificnotesipras@gmail.com

Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте
<https://scientific-letters.ru>

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Лебедев А.Н.

К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп 2

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Кретова Л.А.

Возрастные особенности тематического и образного содержания
ностальгических воспоминаний 20

Елисеева Н.Д.

Якутский менталитет: анализ в ракурсе религиозной идентичности 31

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Богданчиков С.А.

Не время для школ: к вопросу о научных школах
в советской психологии 1920-1930-х гг. 43

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Гостев А.А., Смирнова Е.А.

Психологические идеи С.Л. Франка: вклад в изучение
духовно-нравственной сферы человеческого бытия 54

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Волченков Д.

Психология выживания в глобальном обществе риска:
гипотеза об эмиграции на выносливость 68

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Новоселов В.М.

Мудрее дремать и помалкивать об эвтаназии 82

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Розов Н.С.

Модель ритуально-символической детерминации установок,
способностей и забот 89

Социальная психология

К ТЕОРИИ ЦЕННОСТНО-АФФЕКТИВНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

© Лебедев А.Н.

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии личности,
Институт психологии РАН, Москва, Россия,
lebedev-lubimov@yandex.ru

В статье рассматриваются теоретические основы изучения феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп, также приведены некоторые данные исследования, выполненного в рамках предложенных теоретической модели и соответствующей ей методологии. Исследование выполнялось накануне проведения специальной военной операции на Украине. Утверждается, что для разработки теоретической модели необходимо рассмотреть: условия возникновения поляризации в группах, этапы ее развития, виды поляризации, психологические механизмы, функции, закономерности или законы и так называемые идеальные объекты теории. Такое описание представлено в статье. В качестве одной из возможных методик изучения феномена предлагается анализ отношения респондентов к известным мировым политикам и публичным медийным персонам. Показано, что поляризация мнений в России обнаруживается главным образом по отношению к главе государства. В свою очередь, в данной выборке во всех экспериментальных подгруппах и подгруппе относительно нейтрального «условного большинства», основная часть которой женщины, отношение к основной оппозиционной фигуре А.Навального оказывается в целом скорее негативным и не вызывает значительной поляризации мнений респондентов. Особое внимание в исследовании уделяется такой переменной, как рост аффективности поляризации и тенденции к иррациональным суждениям членов поляризованных подгрупп. Это названо в статье «основным законом» ценностно-аффективной поляризации. Также рассматривается роль высших социальных эмоций (чувств стыда, гордости, собственного достоинства) при трансформации ценностной поляризации в поляризацию аффективную.

Ключевые слова: ценностно-аффективная поляризация социальных групп, специальная военная операция на Украине, высшие социальные эмоции, большинство и меньшинство, ингрупповой фаворитизм, социальный эксперимент, идеальные объекты теории

Введение

Пройдет не так много времени и сегодняшние дни станут историей, а события предметом изучения специалистов¹. Независимо от того, что случится в ближайшее время – есть разные сце-

нарии и прогнозы – очевидно, что в мире произошло нечто весьма значительное. За очень короткое время он поделился на «своих» и «чужих», на «друзей» и «врагов» со всеми проявлениями того, что называют в социальной психологии «ингрупповым фаворитизмом» [30; 31]. Принимая во внимание то, каким необоснованным нападкам подвергаются в настоящее время россияне, оказавшиеся по тем или причинам за рубежом, можно сделать вывод о том, что от-

¹ Статья написана по материалам исследования, выполненного до 24 февраля 2022 года. К сожалению, у нас пока нет данных о том, изменилось ли и как именно отношение респондентов к тем явлениям, которые стали предметом данного исследования после начала специальной военной операции России в Украине.

крытые социальными психологами законы повсеместно работают на практике.

Сегодня население нашей страны также разделилось на одобряющих политику правительства и не одобряющих. Тех, кто одобряет и поддерживает, однозначно больше. И тому есть вполне очевидное объяснение. При этом и те, и другие считают себя патриотами. Очевидно, что вопросы патриотизма для большинства людей – не пустой звук, хотя, что такое «истинный патриотизм», все понимают по-разному [1; 2].

Есть все основания полагать, что конкретная позиция каждого гражданина страны по отношению к известным событиям определилась совсем не в момент их возникновения, а оказалась результатом предшествующего этапа формирования его мировоззрения. Такое разделение взглядов людей в социальных группах в психологии называют *психологической поляризацией*. При этом в литературе можно встретить много определений и дополнений понятия поляризации: групповая, ценностная, идеологическая, аффективная и другая. Первым, кто начал экспериментально изучать этот феномен в мировой социальной психологии, как известно, был выдающийся французский социальный психолог С. Московиси. В ряде своих работ он высказывал идею о том, что в больших социальных группах поляризация, в отличие от плюрализма мнений, часто приводит к победе одной из сторон, а это, в свою очередь, зачастую связано с возникновением авторитарного общества [3; 4].

Феномен ценностно-аффективной поляризации и авторитарное общество

Огромное количество экспериментальных социально-психологических исследований подтверждает опасение многих ученых, что практически в любой стране при определённых неблагоприятных условиях, может возникнуть авторитарное общество [4; 6-8; 18; 19; 28; 36]. При этом, как отмечается, в большинстве первоначально демократических стран авторитаризму всегда предшествует поляризация мнений². В частности, это утверждение было проиллюстри-

² В начале XX века это происходило в тех странах, где революционная активность масс свергла монархические режимы.

ровано в социально-психологических исследованиях, получивших название: «The Third Wave» [10; 15; 17].

«Третья волна» – исследования, начало которым положил социальный эксперимент, проведенный американским учителем истории средней школы Ронном Джонсом. С точки зрения многих ученых психологов, эксперимент не является строго научным, носит скорее иллюстративный характер и может быть отнесен к квазиэкспериментам³. Однако по общественному резонансу он не уступает известным социально-психологическим экспериментам таких ярких ученых, как С. Милгрэм, С. Аш, М. Шериф, Л. Фестингер или Ф. Зимбардо.

Эксперимент был проведен над учащимися 10-го класса (дети 16 лет в г. Пало-Альто, штат Калифорния). Весной 1967 года Р. Джонс решил смоделировать поведение немецкого народа в гитлеровской Германии в 30-е годы XX столетия. Он установил жёсткие правила для школьников и создал молодёжную группировку, моделируя ситуацию формирования фашистского мировоззрения у подростков. Основным лозунгом движения стал девиз: «Сила через дисциплину, сила через сообщество, сила через действие, сила через гордость». Одно из требований к ученикам – неприятие тех, кто думает иначе.

При этом, к своему удивлению, он не встретил сопротивления ни учащихся, ни взрослых. Эксперимент должен был проводиться в течение недели, но на пятый день Р. Джонс его прекратил, объяснив учащимся, как легко они поддаются манипуляциям. Он сообщил подросткам, что их послушное поведение в дни проведения эксперимента кардинально не отличается от поступков рядовых граждан нацистской Германии.

Однако движение вышло из-под контроля и начало расти за пределами школьного класса. По свидетельству участников и очевидцев количество последователей исчислялось сотнями. Этот проект был экранизирован и представлен в

³ Следует отметить, что большинство наиболее известных социально-психологических экспериментов как раз относятся к квазиэкспериментам и носят чаще всего иллюстративный характер для подтверждения явлений и закономерностей, которые социальные психологи замечают в реальной жизни.

американском фильме «The Wave» в 1981 году, а также в немецком фильме «Die Well» в 2008 году [29].

Сегодня по очевидным причинам симпатия мировой общественности в целом находится на стороне Украины, однако если бы история распорядилась иначе, то, в соответствии с социально-психологической теорией, Украина, как и любая другая страна, включая Россию, вполне могла бы стать государством не только с авторитарным, но и фашистским режимом, какой когда-то сложился в Италии, Испании, Португалии, Австрии, Румынии, Болгарии, Японии и других странах, в той или иной степени вовлеченных во Вторую мировую войну и воевавших на стороне Германии⁴.

Данное утверждение сегодня для одних людей выглядит очевидным, а для других кощунственным. Однако именно такая противоречивая реакция на это утверждение как раз и является иллюстрацией того механизма поляризации мнений, который психологи начали изучать в конце 60-х годов XX века [20; 21]. И поскольку наука не должна быть национальной или идеологической, мы не можем игнорировать этот тезис, несмотря на возможные негативные упреки со стороны далеких от социальной психологии ученых или обычных граждан.

Большинство патриотично настроенных людей на планете, не разделяющих идеи нацизма, никогда не согласятся с тем, что в их странах при определенных условиях может быть создано авторитарное или даже фашистское общество, поскольку это противоречит их миролюбивым и свободолюбивым убеждениям и создает мощный психологический барьер, препятствующий возможности объективного анализа, происходящего вокруг. Однако Италия, а за ней и Германия в первой половине XX столетия являлись одними из наиболее развитых стран Европы и, тем не менее, не избежали фашизма.

⁴Высказывание: «История не приемлет сослагательного наклонения» является, по меньшей мере, неточным, так как моделирование возможных ситуаций на основе исторического опыта цивилизации, по нашему мнению, вполне обосновано и является научным методом теоретического анализа.

Политические перевороты и иные политические явления чаще всего происходят на фоне ценностно-аффективной поляризации, то есть социально-психологического феномена, который усиливает вражду между представителями поляризованного «меньшинства», стремящегося привлечь на свою сторону политически относительно нейтральное «большинство» [5; 20; 26].

Обычно в любой научной статье, посвященной различным проявлениям психологической поляризации, обязательно есть упоминание имени С. Московиси и его ставшей знаменитой статьи 1969 года, написанной им вместе с аспиранткой М. Завалони в журнале: *Journal of Personality and Social Psychology*. Анализируя известный феномен «сдвига к риску», открытый американским психологом Дж. Стоунером в 1961 году, С. Московиси и М. Завалони высказали предположение о том, что «сдвиг к риску» или «сдвиг к осторожности» при принятии групповых решений являются частным случаем более общего феномена поляризации мнений [20; 21].

Постепенно феномен групповой поляризации приобрел популярность в экспериментальной социальной психологии [32; 33]. Был накоплен значительный эмпирический материал, предлагались различные теоретические модели, объясняющие суть феномена. Одновременно с лабораторными экспериментами в малых социальных группах проводились исследования в больших группах и в различных областях деятельности людей [9; 11; 13; 16; 25].

Сам С. Московиси никогда не говорил, что у него есть какая-то социально-психологическая теория групповой поляризации, так как экспериментальные исследования, которые выполнялись в данном направлении, он не считал для этого достаточными. Российским ученым С. Московиси известен больше как автор теории социальных представлений, однако специалисты неоднократно подчеркивали, что его экспериментальные исследования на малых социальных группах и теоретические выводы по отношению к поляризации больших социальных групп, внесли не менее значительный вклад в развитие мировой социальной психологии, чем его теория социальных представлений [23].

Теоретические основы изучения феномена ценностно-аффективной поляризации

Для того, чтобы получить наиболее полное описание феномена ценностно-аффективной поляризации на уровне некоей теоретической модели, по нашему мнению, необходимо рассмотреть несколько важных моментов. Прежде всего, это: *условия* возникновения поляризации в группе, *этапы* ее развития, *виды, психологические механизмы, функции, закономерности или законы* и так называемые *идеальные объекты* теории.

Говоря о *характеристиках* поляризации, следует отметить, что сам факт ее возникновения не зависит от размеров группы, но особенности поляризации зависят, например, от состава группы, принятых в ней норм поведения людей, их ценностных ориентаций, принципов управления, навыков самоорганизации и др.

В больших социальных группах и в обществе в целом ценностно-аффективная (субъективная) поляризация напрямую зависит от работы средств массовой информации и коммуникации. Она также может быть связана с экономической (объективной) поляризацией общества и часто является ее следствием. В свою очередь, сама ценностно-аффективная поляризация часто оказывается причиной или фактором поляризации политической [12; 14; 34; 35; 37].

Оценить пользу или вред поляризации группы для ее членов достаточно сложно, поскольку в разумных пределах она необходима для обновления и развития, но, при трансформации ценностной поляризации в аффективную, становятся неизбежными конфликты с крайне выраженной агрессией по отношению членов группы друг к другу.

К *условиям* возникновения поляризации следует отнести:

1. Ценностную природу явлений, по отношению к которым формируется поляризация мнений, невозможность найти абсолютные, однозначные или, например, какие-либо объективные аргументы в защиту позиции каждой полярной подгруппы.

2. Наличие оппозиционно настроенных лидеров, которые имеют собственное мнение чаще всего еще до группового обсуждения, что поз-

воляет им инициировать поляризацию мнений, и создают оппозиционное меньшинство.

3. Объективную возможность каждой подгруппы высказывать свою точку зрения публично, а на этапе аффективной поляризации – делать это в любой, даже социально неприемлемой или оскорбительной и конфликтной форме.

4. Негативную активацию высших социальных эмоций (чувств), прежде всего – чувства собственного достоинства, страдающего в результате унижения или нанесенного оскорбления, а также чувств стыда или гордости.

Можно выделить несколько *этапов* развития поляризации. Первоначально, на этапе *свободной дискуссии и рациональных решений* происходит обмен любыми аргументами, в диалогах присутствует четкая логика, мнения равнозначны (плюрализм мнений), группа способна принимать наиболее приемлемые для совместной деятельности решения на основе компромисса и взаимодополнения. Однако на этом этапе в группе уже могут присутствовать отдельные люди, у которых ранее сформировались некие противоположные мнения по поводу тех или иных явлений, имеющих ценностную природу. В этом случае, например, с целью изучения данного феномена или для решения практических задач, можно говорить о *потенциальной поляризации*. На практике изучение установок членов группы в дальнейшем может помочь предотвратить трансформацию ценностной поляризации в аффективную.

На этапе *ценностных суждений* мнения раздваиваются, в дискуссиях на первый план могут выходить личности, у которых ранее уже сформировалось мнение по обсуждаемым вопросам или близким к ним и которое они сообщают группе. Происходит обмен аргументами, доказывающими «правоту» занятой позиции, точки зрения, формируются две небольшие подгруппы людей, имеющих противоположное мнение. Какие-либо аффективно окрашенные выступления, направленные на конкретных людей, унижающие или оскорбляющие их достоинство отсутствуют.

На этапе *аффективной* поляризации возникает негативный эмоциональный фон, члены группы относятся друг к другу свысока, крити-

куют другу друга, постепенно появляются взаимные оскорбления, обмен мнениями выходит из-под контроля. Сторонами выдвигаются и защищаются только те аргументы, которые подтверждают заявленную и озвученную точку зрения [24; 27].

В результате аффективного противостояния и «победы» одной из подгрупп может возникать *латентная* стадия поляризации. В этом случае члены подгруппы «нейтрального большинства», не имеющие своей собственной позиции или меняющие ее в зависимости от ситуации, переходят на сторону «победителя». Такая «победа» в условиях обмена суждениями, имеющими ценностную природу, является весьма условной и может быть достигнута, например, путем манипуляции групповым мнением, шантажа, подкупа, угрозы или применением силы.

Следовательно, опираясь на выделенные этапы, в теории можно говорить о *видах* психологической поляризации: *потенциальная, ценностная, аффективная, латентная*.

Психологические механизмы поляризации могут быть описаны на основе анализа когнитивно-аффективных явлений в группе. Первоначально С.Московиси рассматривал групповую поляризацию как феномен сугубо когнитивный, однако сегодня мы приходим к выводу, что наиболее правильно и практически необходимо учитывать именно ее аффективную составляющую, поскольку переход от противоположных мнений (ценностная поляризация) к взаимным оскорблениям, унижающим достоинство противников, является одним из наиболее очевидных причин многочисленных внутригрупповых конфликтов, а в глобальном плане – даже гражданских войн [22].

Изучая феномен поляризации, С. Московиси пришел к выводу, что в условиях значительной поляризации мнений противники практически никогда не меняют свою точку зрения, поэтому *на практике наиболее эффективная стратегия поведения* – это борьба за голоса тех, кто относится к группе «нейтрального большинства». Такой принцип оказывается единственно правильным, поскольку трата сил на изменение точки зрения оппонентов с оскорбленным самолюбием бесперспективна. Разумеется, наилуч-

шим способом добиться компромисса в такой ситуации является признание собственной неправоты и принесение извинений, однако, как показывает практика, в большинстве случаев в условиях аффективной поляризации оппоненты на это не способны⁵.

В структуре межличностных отношений в группе ценностно-аффективная поляризация выполняет некоторые важные конструктивные и деструктивные *функции*. В частности, ценностная поляризация расширяет знания членов группы друг о друге, способствует выявлению лидеров, а также – осознанию проблем и тем для совместного анализа, более полному пониманию внутригрупповых противоречий. К деструктивным функциям аффективной поляризации следует отнести формирование «образа врага», негативно воздействующего на психику участников конфликтной ситуации, стресс, истощение индивидуальных и групповых ресурсов, иррациональность мышления и принимаемых решений, конфликты, конформизм «побежденных», переход открытой поляризации в опасную латентную форму и пр.

Таким образом, поляризация не возникает неожиданно и сразу, она накапливается постепенно и определяется размерами группы: чем больше группа, тем медленнее развивается поляризация. Иногда на поляризацию большой группы уходят годы, поэтому ее можно изучать, контролировать ее динамику, а также прогнози-

⁵ В отдельных случаях людей с противоположным мнением все-таки удается убедить изменить свою точку зрения и даже мировоззрение. Например, в социальных сетях многие блогеры неоднократно выкладывали видеоматериалы, утверждая, что некоторые известные медийные персоны «под влиянием значительных гонораров или приобретения более высокого социального статуса, должности и пр.» высказывали позицию, противоположную первоначально озвученной, не беспокоясь о «потере лица». В частности, предметом такого осуждения оказались известные телеведущие В. Соловьев и Д. Киселев. Однако, поскольку такая трансформация произошла в течение длительного времени (годы и десятилетия), здесь абсолютно невозможно определить, что именно послужило ее причиной. Возможно, у этих людей действительно изменились взгляды на многие социально-экономические и политические явления в обществе и корыстные интересы здесь ни при чем.

ровать развитие. Все это связано с целым рядом факторов, в частности, с состоянием каналов коммуникации, обеспечивающих обмен информацией и ее достоверность. Тем не менее, в экстремальных ситуациях поляризация становится слишком очевидной и процессы перехода ценностной поляризации в аффективную происходят стремительно по принципу «эффекта бабочки», «домино» и пр.

В связи с тем, что говорилось выше, можно сформулировать некий «основной закон» ценностно-аффективной поляризации: «По мере роста аффективности отношений в группе в условиях поляризации мнений снижается уровень рациональности мышления членов поляризованных подгрупп (меньшинства) – аргументация в защиту собственной позиции становится доминирующей и иррациональной». В этом случае сознание оппонентов перестраивается: любая информация, любое событие в соответствии с возникшей установкой логически встраивается в цепочку суждений для подтверждения собственной позиции, защищаемого тезиса, все аргументы оппонентов отвергаются или игнорируются независимо от их содержания.

Данное явление может быть заметно внешнему наблюдателю (эксперту) или представителям «нейтрального большинства» внутри группы, но оно абсолютно не очевидно для ее поляризованного «меньшинства». Закономерность оказывается крайне важной и для эмпирического изучения феномена поляризации в конкретных условиях, и для практики, поскольку динамика и связь переменных (аффективность – иррациональность) могут быть операционализированы. В больших социальных группах это проявляется в виде роста взаимных оскорблений в средствах массовой коммуникации и информации (телевидение, пресса, интернет и пр.).

Эмпирически изучая феномен поляризации, мы также пришли к выводу: для нее характерно то, что мнения и ценностные суждения у подгрупп поляризованного меньшинства оказываются хорошо скоррелированными, а средние значения таких суждений в этих группах очень часто значительно различаются. Это создает условия для разработки надежных и валидных методик, которые позволяют проводить репрезента-

тивные исследования на основе лабораторных экспериментов. В таком случае можно не только моделировать и изучать мышление и поведение представителей значительных по размерам поляризованных групп, но и прогнозировать динамику ценностно-аффективной поляризации и мировоззрения людей в обществе в целом.

К *идеальным объектам* теоретической модели ценностно-аффективной поляризации можно отнести характер распределения людей в поляризованной и нейтральной подгруппах.

Теоретически (гипотетически) такое распределение в целом (в идеале) должно быть нормальным. При этом, в соответствии с концепцией С. Московиси, поляризованные подгруппы должны составлять меньшинство, а условно нейтральная подгруппа – большинство в генеральной совокупности ее членов. Однако это только в теории, поскольку эмпирические распределения всегда отличаются от теоретического, то есть *идеального*. В случае поляризации это происходит по ряду причин. Любое эмпирическое исследование на практике будет проводиться в определенный момент времени ее развития, в частности, при переходе ценностной поляризации в аффективную. То есть любое исследование неизбежно столкнется с неравномерной, неустойчивой во времени, нелинейной динамикой, а практика – с необходимостью мониторинга.

Кроме того, в реальности, чем больше генеральная группа, тем медленнее идет процесс ее поляризации, а значит биполяризация (отсутствие нейтральной подгруппы) – явление скорее теоретически возможное, но на практике, особенно в больших социальных группах, встречается крайне редко. Кроме того, переход поляризации в латентную форму делает биполяризацию невозможной.

Специфика ценностной поляризации в том, что на этапе ее трансформации в аффективную любое точечное эмпирическое распределение индивидов по поляризованным подгруппам окажется неравным вследствие того, что на практике мнения людей будут зависеть от большого количества мало контролируемых факторов, например, деятельности СМИ и эффективности их влияния на аудиторию, доступ-

ность каналов обмена информацией, социального влияния индивидов друг на друга и даже от явлений хаоса второго уровня.

Однако рассматриваемая нами теоретическая модель, в рамках которой могут быть созданы методы анализа данного феномена, позволяют: 1) подробно описать структуру и содержание ценностных суждений поляризованных групп на малых выборках в хорошо контролируемых условиях для адекватного переноса результатов на большие выборки (аналитическая функция науки); 2) объяснить, мотивацию устойчивых полярных комплексов ценностных суждений и механизм их формирования (объяснительная функция науки); 3) прогнозировать поведение членов любых по численности поляризованных подгрупп на практике (прогностическая функция науки).

Эмпирическое исследование феномена ценностной поляризации и условий ее трансформации в поляризацию аффективную

С 2012 года нами проводились исследования феномена аффективно-ценностной поляризации в разных условиях. В проведенном исследовании в 2022 году была предпринята попытка решить две задачи:

1. Разработать методику определения ценностной поляризации сознания отдельных индивидов с целью выделения поляризованных подгрупп (условное меньшинство) и на относительно нейтральную подгруппу (условное большинство).

2. Оценить отношение российских граждан с разной ценностной поляризацией сознания к ряду социально важных событий.

Метод

Исследование проводилось на платформе Google Forms. В исследовании приняло участие 163 человека в возрасте от 18 до 54 лет (23 – мужчины; 140 – женщины)⁶. Среди респондентов 23 человека отнесли себя к атеистам, 58 – к агностикам и 82 – к верующим. Все респонденты – учащиеся бакалавриата и магистратуры

⁶ Следует обратить внимание на то, что большинство респондентов в нашем исследовании – женщины.

первого года обучения Московского института психоанализа. Среди участников исследования, уже имеющих высшее образование, в относительно равных долях оказались представители таких профессий, как практикующие психологи, педагоги, экономисты, юристы, инженеры, менеджеры, представители малого и среднего бизнеса, работники культуры, медицинские работники, другие.

Респондентам предлагался список известных политиков и журналистов, к которым нужно было выразить свое общее отношение по шкале от -2 – негативно до +2 – позитивно. Результаты оценок представлены в таблице 1.

Также участникам исследования предлагался перечень событий (20 событий, таблица 2), к которым нужно было выразить свое отношение по шкале от -2 – негативно до +2 – позитивно и субъективно оценить вероятность его наступления в ближайшие 5-7 лет, где -1 – маловероятно, +1 – вполне вероятно.

Результаты оценок респондентами известных политиков и журналистов сравнивались в группах: пол, возраст, религиозность (верующие, атеисты и агностики). В группы по возрасту респонденты были разделены в соответствии периодизацией теории поколений Хоува-Штрауса. В первую группу были отнесены респонденты 18-20 лет «поколения Z» (2001-2010 г.р.), во вторую – респонденты 21-37 лет «поколение Y» (1984-2000 г.р.) и в третью – 38-57 лет «поколение X» (1964-1983 г.р.).

Результаты исследования и их анализ

Как видно из таблицы 1, в целом наиболее позитивное отношение российских граждан в данной выборке получили министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, бывший канцлер Германии Ангела Меркель и Борис Немцов. Самые негативные оценки – депутат Государственной думы РФ Владимир Жириновский, журналист российского ТВ Владимир Соловьев и руководитель СССР Иосиф Сталин. Следует отметить, что оценки отношения людей к политическим фигурам во многом зависят от преобладающих источников получения информации, их активности и содержания материалов, отражающих события в реальном времени.

Различия к оцениваемым персонам в группах верующих, атеистов и агностиков были обнаружены по отношению к президенту Эмануэлю Макрону, бывшему президенту США Барак Обама и президенту РФ Владимиру Путину.

Так, Э. Макрона и Б. Обаму хуже оценивают атеисты, а верующие и агностики – более позитивно. В.Путина негативно оценивают атеисты и агностики и существенно более позитивно верующие.

Таблица 1. Результаты исследования отношения респондентов к политическим и публичным медийным фигурам, рассматриваемые как критерий деления выборки на поляризованное «условное меньшинство» и нейтральное «условное большинство»

ранг		среднее значение оценок
1	Лавров Сергей (министр иностранных дел РФ)	0,66
2	Меркель Ангела (бывший канцлер Германии)	0,40
3	Немцов Борис (политический деятель РФ)	0,37
4	Обама Барак (бывший президент США)	0,33
5	Макрон Эммануэль (президент Франции)	0,24
6	Путин Владимир (президент РФ)	0,21
7	Джонсон Борис (премьер министр Великобритании)	0,02
8	Токаев Касым-Жомарт (президент Казахстана)	-0,05
9	Навальный Алексей (политический деятель РФ)	-0,08
10	Скабеева Ольга (журналист российского ТВ)	-0,08
11	Си Цзиньпин (председатель КНР)	-0,10
12	Шейнин Артем (журналист российского ТВ)	-0,14
13	Захарова Мария (официальный представитель МИД РФ)	-0,15
14	Песков Дмитрий (пресс секретарь президента РФ)	-0,18
15	Горбачев Михаил (президент СССР)	-0,21
16	Ленин Владимир (политический деятель СССР)	-0,27
17	Симоныян Маргарита (журналист российского ТВ)	-0,33
18	Киселев Дмитрий (журналист российского ТВ)	-0,35
19	Байден Джо (президент США)	-0,36
20	Ельцин Борис (бывший президент РФ)	-0,44
21	Зюганов Геннадий (депутат гос.думы РФ)	-0,44
22	Зеленский Владимир (президент Украины)	-0,45
23	Лукашенко Александр (президент Беларуси)	-0,48
24	Жириновский Владимир (депутат гос.думы РФ)	-0,50

Мужчины и женщины по-разному относятся к М. Горбачеву, Б. Джонсону, А. Навальному, В. Путину и Си Цзиньпину. Женщины хуже относятся к М. Горбачеву, А. Навальному и Си Цзиньпину, а мужчины более негативно оценивают Б. Джонсона и В. Путина.

В группах разного возраста различия в оценках получили Д. Байден, Б. Джонсон, А. Навальный и В. Путин. К Д. Байдену, Б. Джонсону и А. Навальному позитивное отношение у людей в возрасте 18-20 лет и негативное у людей 38-54 года. К В.Путину негативное отношение у мо-

лодежи 18-20 лет (это люди, которые родились и выросли при В. Путине, и никогда не видели другого президента, не считая Д. Медведева) и

более позитивное у людей среднего и старшего возраста.

Таблица 2. Перечень ряда *реальных и нереальных, но теоретически возможных* социально важных событий для изучения их оценки представителями ценностно полярных групп

1	Повышение пенсионного возраста граждан РФ (мужчины до 67, женщины 65 до лет)
2	Понижение пенсионного возраста граждан РФ (мужчины до 60, женщины до 55 лет)
3	Принятие закона о праве любого президента РФ переизбираться на любой срок, включая его пожизненное правление
4	Присоединение ЛНР и ДНР к России
5	«Цветная» революция в России
6	Введение в школьную программу «Закона Божьего»
7	Введение в школьную программу уроков военно-патриотического воспитания
8	Принятие закона о введении смертной казни за особо тяжкие преступления
9	Принятие закона об уголовной ответственности за нетрадиционные сексуальные отношения
10	Принятие закона, в соответствии с которым правоохранительные органы имеют право фиксировать любую информацию о любом человеке и использовать ее в суде
11	Принятие закона о запрете любой рекламы алкогольной продукции
12	Принятие закона о запрете оскорбительных высказываний о конкурентах в политической рекламе, а также сюжеты, нарушающие моральные нормы поведения
13	Принятие закона, в соответствии с которым жилплощадь и имущество лиц, приговоренных к смертной казни за особо тяжкие преступления может быть выставлены на продажу или передана ближайшим родственникам
14	Принудительная вакцинация населения от любых вирусных инфекций, вызывающих эпидемию или пандемию
15	Принятие закона о конфискации имущества лиц, осужденных за преступления, связанные с терроризмом или его пропагандой
16	Принятие закона о бесплатном проезде пенсионеров в городском транспорте на всей территории РФ
17	Принятие закона о конфискации имущества лиц, осужденных за преступления, связанные с коррупцией
18	Запрет на бесплатное обучения иностранным языкам в средней школе
19	Принятие закона о запрете оборота иностранной валюты на территории РФ
20	Принятие закона о недопустимости владения депутатами Государственной Думы РФ собственностью за пределами РФ

В результате первичного анализа отношения к известным политикам и журналистам был сделан вывод о том, что фигура В.В.Путина оценивается во всех исследуемых группах поразному. Так как Президент РФ является центральной фигурой, формирующей отношение россиян к внешним и внутренним процессам в стране, был сделан вывод о том, что поляризация населения в отношении к разным событиям и ситуациям в РФ может происходить по шкале «За Путина – Против Путина» (то есть группы делятся на «лояльных» и «нелояльных»).

Большинство респондентов в нашей выборке высоко оценивает Президента Российской Федерации, что согласуется с официальными данными социологических центров и отражает реальное распределение мнений населения России (например, ВЦИОМ). Учитывая сложившуюся ситуацию, можно предположить, что такое распределение мнений россиян сохранится и в ближайшем будущем. Однако прогнозирование динамики этого показателя на достаточно длительный срок является крайне затруднительным.

Анализ отношения к публичным политическим и медийным фигурам, по нашему мнению, может рассматриваться как наилучший на сегодняшний день метод определения ценностной поляризации людей в больших социальных группах. Он позволяет выделить лояльные и нелояльные власти подгруппы, как правило, это меньшинство выборки, и группу нейтральных респондентов (изменчивое большинство).

В дальнейшем нами был проведен анализ того, какие персоны из предлагаемого списка лучше оцениваются в группах «лояльных» (48% респондентов), «нелояльных» (29% респондентов) и «нейтральных» (23% респондентов). Группа респондентов «лояльные» наиболее позитивное отношение продемонстрировала по отношению к министру иностранных дел РФ Сергею Лаврову (1 ранг), пресс секретарю президента РФ Дмитрию Пескову (2 ранг) и бывшему президенту США Бараку Обаме (3 ранг). В группе «нелояльные» самое позитивное отношение получено к Борису Немцову (1 ранг), бывшему канцлеру Германии Ангеле Меркель (2 ранг) и Алексею Навальному (3 ранг).

В группе «лояльных» хуже всех оценивается президент Украины Владимир Зеленский (25 ранг), президент США Джо Байден (24 ранг) и Алексей Навальный (23 ранг). В группе «нелояльных» хуже всех относятся к журналисту российского ТВ Владимиру Соловьеву (25 ранг), президенту Белоруссии Александру Лукашенко (24 ранг) и депутату Государственной Думы РФ Владимиру Жириновскому (23 ранг). Примечательно, что все указанные выше персоны в обеих группах оцениваются хуже, чем Иосиф Сталин. В обеих группах он занял 22 место.

На рис. 1 и 2 представлены графики отношения к В. Путину и А. Навальному (как основному представителю оппозиции в сознании респондентов) у людей разного возраста и религиозности. Так, на рисунке 1 видно, что с увеличением возраста респондентов отношение к В. Путину улучшается, но незначительно, а к А. Навальному ухудшается. Представители поколений X и Z по-разному относятся к этим персонам. Молодежь менее позитивно относится к В. Путину и более позитивно к А. Навальному, чем респонденты более старшего возраста.

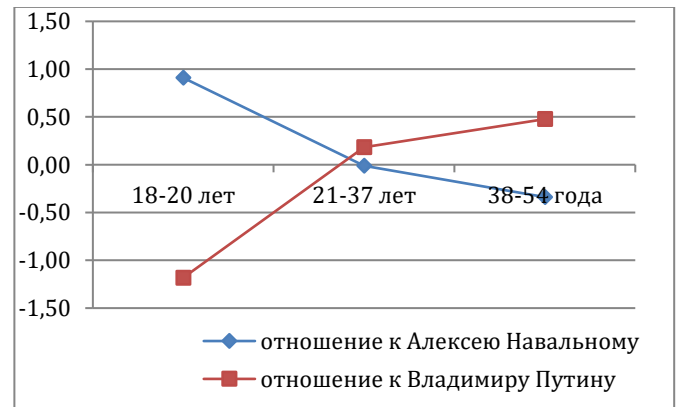

Рис. 1. Оценки, характеризующие отношение респондентов разного возраста к В. Путину и А. Навальному

На рисунке 2 показано, что атеисты менее позитивно относятся и к Президенту РФ, и к А.Навальному. Верующие негативно относятся к А. Навальному и позитивно к Президенту РФ. Агностики, менее позитивно оценивают В. Путина и более позитивно А. Навального.

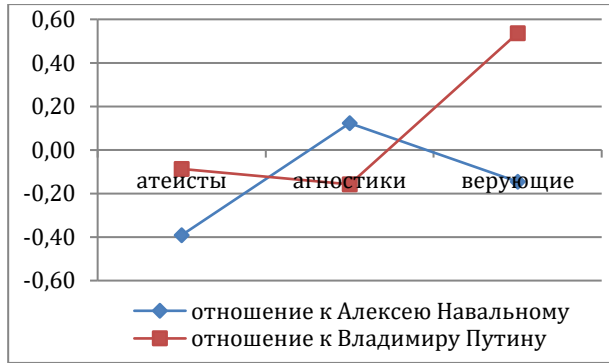

Рис. 2. Оценки, характеризующие отношение респондентов с различным уровнем религиозности к В. Путину и А. Навальному

В результате анализа отношений респондентов к различным возможным событиям в России были получены статистически значимые различия (по критерию Стьюдента) в группах «лояльные» – «нелояльные».

Так, различия были получены при оценке следующих событий: Присоединение ЛНР и ДНР к России ($t=4,622; p<0,001$); Введение в школьную программу уроков военно-патриотического воспитания ($t=5,256; p<0,001$); Принятие закона о введение смертной казни за особо тяжкие преступления ($t=3,114; p<0,001$); Принятие закона о конфискации имущества лиц, осужденных за преступления, связанные с терроризмом или его пропагандой ($t=4,559; p<0,001$). Ко всем этим событиям в группе «нелояльных» относятся негативно, а в группе «лояльных» относятся позитивно (рис. 3).

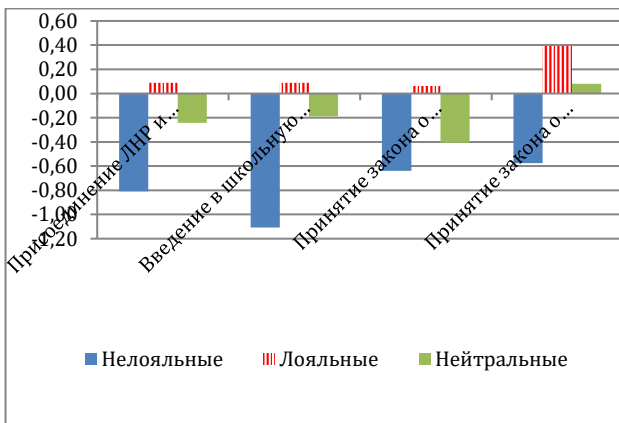

Рис. 3. Оценки предлагаемых событий респондентами нейтральной и поляризованных групп

Вероятность реализации этих событий в действительности, а именно: «Введение в школьную программу уроков военно-патриотического

воспитания» и «Принятие закона о конфискации имущества лиц, осужденных за преступления, связанные с терроризмом или его пропагандой» в обеих группах оценивается как вполне вероятное, а два других события как маловероятные.

Что касается группы «нейтральных», то в первых трех ситуациях их оценка ближе группе «нелояльных», то есть они оценивают эти события как негативные. В ситуации «Принятия закона о конфискации имущества лиц, осужденных за преступления, связанные с терроризмом или его пропагандой» группа «нейтральных» ближе в оценках группе «лояльных», то есть они оценивают ее как позитивную.

В исследовании нами также были получены некоторые дополнительные данные о различных оценках социально важных событий относительно к фактору поляризации. Так, например, в группах атеистов и верующих были обнаружены значимые различия в оценках только двух событий: «Введение в школьную программу уроков военно-патриотического воспитания» ($t=2,751; p<0,01$) и «Введение в школьную программу Закона Божьего» ($t=4,689; p<0,001$). Оба события оцениваются группой атеистов как негативное, а группой верующих как позитивное. Вероятность реализации введения патриотического воспитания в школе оценивается как вполне вероятное, а Закона Божьего как маловероятное в обеих группах. Оценка двух этих событий в группе агностиков ближе к оценкам атеистов (рис. 4).

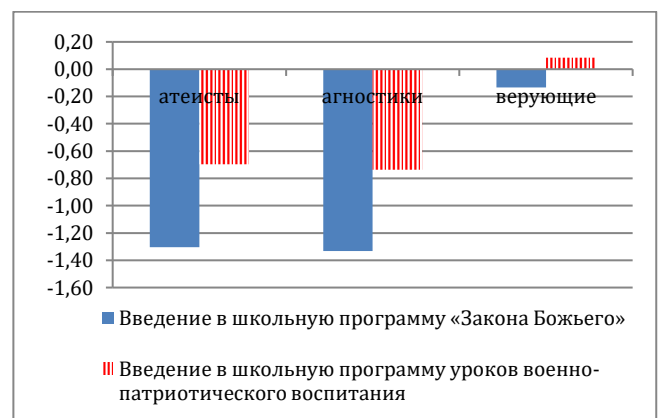

Рис. 4. Оценки предлагаемых событий в группах верующих, атеистов и агностиков

Были обнаружены статистически значимые различия в отношении к событиям в группах разного возраста. Так, например, в группах 18-20 год и 21-37 лет обнаружены значимые различия в отношении следующих событий: «Принятие закона, в соответствии с которым правоохранительные органы имеют право фиксировать любую информацию о любом человеке и использовать ее в суде» ($t=2,061$; $p<0,04$). Старшие респонденты оценивают это событие более негативно, чем молодежь 18-20 лет. То есть более молодые люди (поколение Z) намного спокойнее относятся к фиксации и использованию цифровой информации о себе.

Группа респондентов 21-37 ($t=2,168$; $p<0,03$) и 38-57 лет ($t=2,229$; $p<0,03$) оценивает «Принятие закона о запрете любой рекламы алкогольной продукции» как более правильное, чем молодежь 18-20 лет. Это вполне объясняется возрастными особенностями и потребностями респондентов, наличием и отсутствием у них семьи и детей в разных возрастных группах и как следствие – сформированности определенных моральных и этических норм.

Молодые респонденты оценивают «Принятие закона, в соответствии с которым жилплощадь и имущество лиц, приговоренных к смертной казни за особо тяжкие преступления может быть выставлены на продажу или передана ближайшим родственникам» намного более позитивно, чем респонденты поколения X ($t=3,756$; $p<0,001$) и поколения Y ($t=3,426$; $p<0,004$).

Группа поколения Z оценивает «Принудительную вакцинацию населения от любых вирусных инфекций, вызывающих эпидемию или пандемию» более негативно, чем поколение Y ($t=2,467$; $p<0,02$). Это может быть связано с тем, что молодые люди намного легче, а часто вообще бессимптомно переносят вирусные заболевания, поэтому у них не сформирован страх за свое здоровье и здоровье близких.

«Запрет на бесплатное обучение иностранным языкам в средней школе» респонденты старших групп оценивают крайне негативно, в отличие от более молодых. Различия с группой 21-37 лет $t=3,218$; $p<0,002$, а с группой 37-57 $t=2,454$; $p<0,01$. Это может быть связано со стереотипами старшего поколения о том, что если в

школе не выучишь язык, то потом будет сложнее. У молодежи к этому возможному нововведению иное отношение: в связи с цифровизацией жизни молодежь больше вовлечена в коммуникацию на иностранном языке в интернет пространстве, играх и др.

«Принятие закона об уголовной ответственности за нетрадиционные сексуальные отношения» оценивается поколением Z намного более негативно, чем поколением X ($t=2,005$; $p<0,05$).

Поколение Y хуже относится к идее «Повышения пенсионного возраста граждан РФ (мужчин до 67, женщин до 65 лет)», чем поколение X ($t=2,429$; $p<0,01$). То есть, более старшие респонденты 38-57 лет, (которые по возрасту ближе к пенсионному) хотят поработать подольше. Возможно, данный результат определяется тем, что в исследовании принимали участие в основном представители профессий, не связанных с тяжелым физическим трудом.

К идее «Снижения пенсионного возраста граждан РФ (мужчин до 60, женщин до 55 лет)» лучше отнеслись респонденты поколения Y (21-37 лет), чем поколения X ($t=3,440$; $p<0,001$). То есть, поколение Y не стремится продлевать свой трудоспособный возраст. По-видимому, поколению Y (миллениалы) психологически свойственно «оттягивать переход во взрослую жизнь».

К идее «Присоединения ЛНР и ДНР к России» поколение Y относятся хуже, чем респонденты поколения X ($t=2,019$; $p<0,05$). Это может быть вызвано ностальгией старшего поколения по стране, в состав которой входили союзные республики.

Женщины относятся более позитивно, чем мужчины к идеям «Принятия закона о конфискации имущества лиц, осужденных за преступления, связанные с терроризмом или его пропагандой» и «Принятия закона о бесплатном проезде пенсионеров в городском транспорте на всей территории РФ» ($t=1,851$; $p<0,05$ и $t=3,642$; $p<0,001$).

Подводя итоги, можно утверждать, что в условиях ценностно-аффективной поляризации чаще всего не бывает абсолютно правых или абсолютно заблуждающихся. В наиболее острой фазе иррациональность мышления проявляют

обе стороны. В результате оскорбленного чувства собственного достоинства или напряженного ожидания такого оскорбления сознание представителей каждой полярной группы начинает работать неадекватно. Люди становятся нечувствительными к противоречиям в собственных утверждениях и аргументах, но при этом тщательно и эффективно выискивают такие противоречия у соперников. В аффективном состоянии они вовсе не стремятся к поиску истины, хотя так утверждают. Они лишь подбирают аргументы в подтверждение своей позиции и для окружающих, и для себя лично.

Логика перестает играть какую-либо роль в формулировках, а манипуляции и подтасовки выходят на первое место, но при этом практически не осознаются ни теми, ни другими. И все это сопровождается утверждениями, в основе которых лежит явное, но не всегда публично признаваемое желание унижить оппонента, что, в свою очередь, приносит каждой стороне невероятное удовольствие.

Основная особенность конфликта поляризации – это потеря рационального начала, утрата способности логически мыслить, оценивать аргументы оппонента, а в случае необходимости признавать свою неправоту, нежелание идти на компромисс, так как компромисс здесь означает потерю достоинства. И чем дольше длится такое противостояние, тем значительнее уровень его аффективности. При анализе диалогов, дискуссий, споров в аффективно поляризованных группах это легко обнаруживается с помощью контент-анализа.

В результате проведенного исследования было также установлено: группа «лояльных» респондентов более позитивно оценивает следующие события: «Повышение пенсионного возраста граждан РФ (мужчины до 67, женщины до 65 лет)»; «Принятие закона о возможности любого президента РФ переизбираться на любой срок, включая его пожизненное правление»; «Присоединение ЛНР и ДНР к России»; «Введение в школьную программу «Закона Божьего»»; «Введение в школьную программу уроков военно-патриотического воспитания»; «Принятие закона о введении смертной казни за особо тяжкие преступления»; «Принятие закона о

конфискации имущества лиц, осужденных за преступления, связанные с терроризмом или его пропагандой». Группа «нелояльных» оценивает эти события негативно.

Такие события как «Принятие закона об уголовной ответственности за нетрадиционные сексуальные отношения»; «Принудительная вакцинация населения от любых вирусных инфекций, вызывающих эпидемию или пандемию», «Цветная революция в России» и «Принятие закона о запрете оборота иностранной валюты на территории РФ», «Принятие закона о запрете оскорбительных высказываний о конкурентах в политической рекламе», а также сюжеты, нарушающие моральные нормы поведения, в целом, оцениваются как негативные в обеих группах.

К идее о «Принятии закона о недопустимости владения депутатами Государственной Думы РФ собственностью за пределами РФ» положительно относятся все участники исследования. В группе «нелояльных» эта идея оценивается очень положительно, а в группе «лояльных» оценки стремятся к оценкам «нейтральной» подгруппы.

В больших социальных группах во многих случаях конфликты между людьми можно прогнозировать на основе анализа ценностной поляризации и высших социальных эмоций, в частности, чувств стыда, гордости, собственного достоинства или социального страха, поскольку именно эти эмоциональные переживания наиболее точно характеризуют чувственную сферу представителей поляризованных групп.

В целом проведенное исследование не только иллюстрирует, но и подтверждает возможность изучения аффективно-ценностной поляризации, на основе предложенной теоретической модели. Для повышения статуса модели и ее трансформации в полноценную психологическую теорию, по нашему мнению, необходимы не только многочисленные эмпирические исследования, подтверждающие основные положения концепции, но и разработка соответствующего математического аппарата, обладающего значительными описательными и прогностическими возможностями, что может быть выполнено в дальнейшем.

Заключение

Сегодня на бытовом уровне в целом сложно описать и оценить ситуацию поляризации и прогнозировать её последствия, которые, несомненно, произойдут и в самом ближайшем будущем. Любого гражданина России по внешнему виду сегодня невозможно отнести к тем, кто поддерживает проведение специальной военной операции на Украине и не поддерживает. Среди тех и других есть люди разной профессии, с разным образованием или доходом, хотя именно сложившаяся ситуация является центральным событием сегодняшних дней и создает условия для трансформации ценностной поляризации мнений в поляризацию аффективную.

Сегодня часто можно столкнуться с двумя эмоциональными реакциями: все, кто не поддерживают операцию, как правило, демонстрируют отрицательные эмоции, а те, кто поддерживают, – положительные. Первые пессимисты, они говорят, что «все будет плохо». Вторые оптимисты, их речи и слова часто сопровождаются позитивным настроением и военно-патриотическим пафосом.

Чаще всего те, кто поддерживал власть и политику Президента РФ до спецоперации, приняли ее с воодушевлением, а кто не поддерживал, отнеслись к ней крайне негативно. Поскольку поддержка власти в целом по стране в последние годы была значительной и до спецоперации поляризация мнений колебалась примерно между 60:40 («за» и «против», не выделяя относительно нейтральную и ценностно-неустойчивую группу), то в первые недели после начала спецоперации соотношение оценивалось экспертами приблизительно как 70:30⁷. Однако, как объяснить такой рост воодушевления и патриотизма в стране? Можно ли это объяснить лишь активной деятельностью правительственных средств массовой информации и пропагандой, с одной стороны, и ограничительными мерами Роскомнадзора по отношению к социальным сетям, с другой? Можно ли это объяснить, например, защитной реакцией населения на санкции стран Запада и травлю россиян, резко усилившуюся в мире после начала спецопера-

⁷ Как известно, пресс-секретарь Президента РФ Д.С.Песков в СМИ назвал соотношение: 75:25.

ции? На эти вопросы в настоящее время нет точного ответа. Однако время покажет...

Литература

1. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения. 2016. Т.1. №1. С.23-40. URL: <http://soc-economy-psychology.ru/engine/documents/document197.pdf> (дата обращения 29.02.2022)
2. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Чувство патриотизма и типы патриотического поведения в поляризованном обществе // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2017. №1(45). С. 92-97.
3. Московиси С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011.
4. Московиси С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
5. Abramowitz A.I., Saunders K.L. Is polarization a myth? // Journal of Politics. 2008. V.70. № 2. P. 542-555.
6. Asch S.E. Effects of Group Pressure on the Modification and Distortion of Judgments // In Guetzknow H. Ed. Groups, Leadership and Men. Pittsburgh, PA, Carnegie Press. 1951. P.177-190.
7. Asch S.E. Group forces in the modification and distortion of judgments// In S.Asch, Social psychology. Prentice-Hall, Inc. 1952. P.450-501.
8. Asch S.E. Studies of independence and conformity: A minority of one against a unanimous majority//Psychological monographs: General and applied.1956. V.70. №9. P.1-70.
9. Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J.M. Cross-Country Trends in Affective Polarization. // NBER Working Paper. 2020. № w26669. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318> (дата обращения 11.09.2021)
10. Dawson J. The Wave shows how to turn children into Nazis. Sunday Times.2008. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/the-wave-shows-how-to-turn-children-into-nazis-mfnbb39h2rk>

11. Doise W. Individual and social identities in intergroup relations // *European Journal of Social Psychology*. 1988. V.18. P.99-111.
12. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. Affective polarization, local contexts and public opinion in America. // *Nature Human Behaviour*. 2021. V.5. P.28-38.
13. Druckman J.N., Peterson E., Slothuus R. How Elite Partisan Polarization Affects Public Opinion Formation // *American Political Science Review*. 2013. V.107. № 1. P.57-79.
14. Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S. The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States // *Annual Review of Political Science*. 2019. V.22. №1. P.129-146.
15. Jones R. No Substitute for Madness. A Teacher, His Kids and The Lessons of Real Life. Covelo, California: Island Press, 1981.
16. Jungkunz S. Political Polarization During the COVID-19 Pandemic // *Frontiers in Political Science*. 2021. DOI: 10.3389/fpos.2021.622512
17. Klink B. The Third Wave presents inside look at Fascism. The Cumberley Catamount. 1967. V.11. №14. P.3. (News article in Cumberley student newspaper, following the Third Wave Rally, including details regarding the rally and names of some individuals involved).
18. Milgram S. Behavioral study of obedience // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. №67. P.371-378.
19. Milgram S. Some conditions of obedience and disobedience to authority // *Human relations*. 1965. №18(1). P.57-76.
20. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1969. V.12. №2. P.125-135.
21. Moscovici S., Mugny G., van Avermaet E. (Eds.). *Perspectives on minority influence*. New York: Cambridge University Press. 2008.
22. Moscovici S., Pérez J.A. A study of minorities as victims // *European Journal of Social Psychology*. 2007. №37(4). P.725-746.
23. Myers D. *Social psychology*. Boston: McGraw-Hill College, 1999.
24. Nevryuev A., Gagarina M. After the discussion, I am even more confident in my point of view: An overview of studies of group polarization // *Review of Business and Economics Studies*. 2020. V.8. №3. P.6-12.
25. Peterson E., Kagalwala A. When Unfamiliarity Breeds Contempt: How Partisan Selective Exposure Sustains Oppositional Media Hostility // *American Political Science Review*. 2021. V. 115. № 2. P.585-598.
26. Rogowski J.C. Voter Decision-Making with Polarized Choices // *British Journal of Political Science*. 2018. V.48. № 1. P.1-22.
27. Schulz-Hardt S., Frey D., Lüthgens C., Moscovici S. Biased information search in group decision making // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. №78(4). P.655-669.
28. Sherif M. *Social judgment: assimilation and contrast effects in communication and attitude change*. Westport, Conn.: Greenwood Press. 1980.
29. Strasser T. *The Wave*. New York: Dell Publishing Co. 1981.
30. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // In W.G. Austin, S. Worchel (Eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole. 1979. P.33-47.
31. Tajfel H., Turner J. *The social identity theory of intergroup behavior* // *Psychology of Intergroup Relations*. 2nd edn. Eds. S. Worchel, W. Austin. Chi.: Nelson-Hall, 1986.
32. Van S., Lyn M. Extreme members and group polarization // *Social Influence*. 2009. №4(3). P.185-199.
33. Vinokur A., Burnstein E. Effects of partially shared persuasive arguments on group induced shifts: A group problem-solving approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. №29(3). P.305-315.
34. Wagner M. Affective Polarization in Multiparty Systems // *Electoral Studies*. 2021. V.69. P.102-199.
35. Wagner M., Russo L. *Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences*. 2021. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463>
36. Zimbardo F. *Influencing Attitudes and Changing Behavior* (2nd ed.). Reading, MA: Addison Wesley, 1977.

37. Zingher J., Flynn M.E. The Effect of Elite Polarization on Mass Attitudes and Behaviors: 1972-2012 // *British Journal of Political Science*. 2014. DOI: 10.2139/ssrn.2462876

Статья поступила в редакцию 29.02.2022

ON THE THEORY OF VALUE-AFFECTIVE POLARIZATION OF SOCIAL GROUPS

©Aleksandr N. Lebedev

Sc.D. (psychology), leading research officer, laboratory of psychology of personality,
Institute of psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lebedev-lubimov@yandex.ru

The theoretical foundations of the socio-psychological phenomenon of value-affective polarization study are discussed in the article. Some research data based on the proposed theoretical model and its corresponding methodology also provides. The study was carried out on the eve of a special military operation in Ukraine. It is argued that for the most complete description of the phenomenon of value-affective polarization and the development of a theoretical model, it is necessary to consider: the *conditions* for the emergence of polarization in groups, the *stages* of its development, *types* of polarization, *psychological mechanisms, functions, trends, patterns or laws* and the so-called *ideal objects* of theory. This description is presented in the article. As one of the possible methods of studying the phenomenon, an analysis of the respondents' attitude to well-known world politicians and public media personalities is proposed. It is shown that the polarization of opinions in Russia is found mainly in relation to the head of state. In turn, in all experimental subgroups and the relatively neutral «conditional majority» subgroup in this sample, the majority of which are women, the attitude towards the main opposition figure of A. Navalny turns out to be generally quite negative and does not cause significant polarization of respondents' opinions. Important attention is paid to the connection of the increase in affectivity of polarization with the tendency to irrational judgments. This is called in the article the «basic law» of value-affective polarization in social groups. The role of higher social emotions (feelings of shame, pride, self-esteem) in the transformation of value polarization into affective polarization is also considered.

Keywords: value-affective polarization of social groups, special military operation in Ukraine, higher social emotions, majority and minority, in-group favoritism, social experiment, ideal objects of theory.

REFERENCES

1. Lebedev, A.N., Gordyakova, O.V. (2016). Teoreticheskie i metodologicheskie voprosy izucheniya patriotizma kak social'nogo chuvstva i social'no orientirovannogo povedeniya [Theoretical and methodological issues of studying patriotism as a social feeling and socially oriented behavior]. V.1. №1. P.23-40. URL:<http://soc-economy-psychology.ru/engine/documents/document197.pdf> (data obrashcheniya 29.02.2022)
2. Lebedev, A.N., Gordyakova, O.V. (2017). CHuvstvo patriotizma i tipy patrioticheskogo povedeniya v polyarizovannom obshchestve [A sense of patriotism and types of patriotic behavior in a polarized society] // *Novoe v psichologopedagogicheskikh issledovaniyah* [New in psychological and pedagogical research]. №1(45). P. 92-97.
3. Moskovisi, S. (2011). Vek tolpy. Istoricheskij traktat po psichologii mass [The age of crowds. Historical Treatise on Mass Psychology]. Moscow: Akademicheskij proekt.

4. Moskovisi, S. (1998). *Mashina, tvoryashchaya bogov [The machine that creates the gods]*. Moscow: Centr psihologii i psihoterapii.
5. Abramowitz, A.I., Saunders, K.L. (2008). Is polarization a myth? // *Journal of Politics*. V.70. №2. P. 542-555.
6. Asch, S.E. (1951). Effects of Group Pressure on the Modification and Distortion of Judgments // In Guetzknow H. Ed. *Groups, Leadership and Men*. Pittsburgh, PA, Carnegie Press. P.177-190.
7. Asch, S.E. (1952). Group forces in the modification and distortion of judgments // In S.Asch, *Social psychology*. Prentice-Hall, Inc. P.450-501.
8. Asch, S.E. (1956). Studies of independence and conformity: A minority of one against a unanimous majority // *Psychological monographs: General and applied*. V.70. №9. P.1-70.
9. Boxell, L., Gentzkow, M., Shapiro, J.M. (2020). Cross-Country Trends in Affective Polarization. // NBER Working Paper. № w26669. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318> (дата обращения 11.09.2021)
10. Dawson, J. (2008). The Wave shows how to turn children into Nazis. *Sunday Times*. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/the-wave-shows-how-to-turn-children-into-nazis-mfnbb39h2rk>
11. Doise, W. (1988). Individual and social identities in intergroup relations // *European Journal of Social Psychology*. V.18. P. 99-111.
12. Druckman, J.N., Klar, S., Krupnikov, Y., Levendusky, M., Ryan, J.B. (2021). Affective polarization, local contexts and public opinion in America. // *Nature Human Behavior*. V.5. P.28-38.
13. Druckman, J.N., Peterson, E., Slothuus, R. (2013). How Elite Partisan Polarization Affects Public Opinion Formation // *American Political Science Review*. V.107. № 1. P. 57-79.
14. Iyengar, S., Leikes, Y., Levendusky, M., Malhotra, N., Westwood, S. (2019). The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States // *Annual Review of Political Science*. V.22. №1. P. 129-146.
15. Jones, R. (1981). *No Substitute for Madness. A Teacher, His Kids and The Lessons of Real Life*. Covelo, California: Island Press.
16. Jungkunz, S. (2021). Political Polarization During the COVID-19 Pandemic // *Frontiers in Political Science*. DOI: 10.3389/fpos.2021.622512
17. Klink, B. (1967). *The Third Wave presents inside look at Fascism*. The Cubberley Catamount. V.11. №14. P.3. (News article in Cubberley student newspaper, following the Third Wave Rally, including details regarding the rally and names of some individuals involved).
18. Milgram, S. (1963). Behavioral study of obedience // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. № 67. P.371-378.
19. Milgram, S. (1965). Some conditions of obedience and disobedience to authority // *Human relations*. №18(1). P.57-76.
20. Moscovici, S., Zavalloni, M. (1969). The group as a polarizer of attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. V.12. №2. P.125-135.
21. Moscovici, S., Mugny, G., van Avermaet E. (Eds.). (2008). *Perspectives on minority influence*. New York: Cambridge University Press.
22. Moscovici, S., Pérez, J.A. (2007). A study of minorities as victims // *European Journal of Social Psychology*. №37(4). P. 725-746.
23. Myers, D. (1999). *Social psychology*. Boston: McGraw-Hill College.
24. Nevryuev, A., Gagarina, M. (2020). After the discussion, I am even more confident in my point of view: An overview of studies of group polarization // *Review of Business and Economics Studies*. V.8. №3. P.6-12.
25. Peterson, E., Kagalwala, A. (2021). When Unfamiliarity Breeds Contempt: How Partisan Selective Exposure Sustains Oppositional Media Hostility // *American Political Science Review*. V. 115. № 2. P. 585-598.
26. Rogowski, J.C. (2018). Voter Decision-Making with Polarized Choices // *British Journal of Political Science*. V. 48. № 1. P. 1-22.
27. Schulz-Hardt, S., Frey, D., Lüthgens, C., Moscovici, S. (2000). Biased information search in group decision making // *Journal of Personality and Social Psychology*. №78(4). P. 655-669.
28. Sherif, M. (1980). *Social judgment: assimilation and contrast effects in communication and attitude change*. Westport, Conn.: Greenwood Press.

29. Strasser, T. (1981). *The Wave*. New York: Dell Publishing Co.
30. Tajfel, H., Turner, J.C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict // In W.G. Austin, S. Worchel (Eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole. P. 33-47.
31. Tajfel, H., Turner, J. (1986). The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations*. 2nd edn. Eds. S. Worchel, W. Austin. Chi.: Nelson-Hall.
32. Van, S., Lyn, M. (2009). Extreme members and group polarization // *Social Influence*. № 4(3). P. 185-199.
33. Vinokur, A., Burnstein, E. (1974). Effects of partially shared persuasive arguments on group induced shifts: A group problem-solving approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. №29(3). P. 305-315.
34. Wagner, M. (2021). Affective Polarization in Multiparty Systems // *Electoral Studies*. V.69. P. 102-199.
35. Wagner, M., Russo, L. (2021). Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463>
36. Zimbardo, F. (1977). *Influencing Attitudes and Changing Behavior* (2nd ed.). Reading, MA: Addison Wesley.
37. Zingher, J., Flynn, M.E. (2014). The Effect of Elite Polarization on Mass Attitudes and Behaviors: 1972-2012 // *British Journal of Political Science*. DOI: 10.2139/ssrn.2462876

The article was received 29.02.2022.

Психология личности

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕМАТИЧЕСКОГО И ОБРАЗНОГО СОДЕРЖАНИЯ НОСТАЛЬГИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

© Кретова Л.А.

соискатель ученой степени кандидата наук в лаборатории психологии личности,
ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ИП РАН),
исполнительный директор Ассоциации понимающей психотерапии,
Москва, Россия,
lola.kretova@gmail.com

В статье рассматриваются отличия тематического содержания ностальгических воспоминаний горожан в различных возрастных группах, а также содержание зрительных или иных образов, конституирующих ностальгическое воспоминание. В основе представленного исследования лежит предположение о том, что тематическое содержание значимых ностальгических воспоминаний у людей, принадлежащих к той или иной группе, связано с экзистенциальными задачами, решаемыми на определенном этапе жизни, при этом независимо от своего тематического содержания, ностальгические воспоминания респондентов всех возрастных групп конституируются образами, связанными с природой. Исследование проводилось методом онлайн-опроса (n=174). Опросник Nostalgia Inventory (K. Vachso) был модифицирован в соответствии с поставленными исследовательскими задачами. Включение в опросник тем природы и загородного мира показало свою актуальность: эти ностальгические переживания обладают особой ценностью для среднего и старшего возраста. Результаты исследования показали, что для молодости ностальгические воспоминания являются поддерживающим и формирующим ресурсом, для среднего возраста – источником критического самоотнесения, вызовом к аутентичности, для пожилого – способом «собирания» жизни воедино; таким образом воспоминания становятся переживанием – работой, придающей жизни направленность и осмысленность. Предположение о том, что, независимо от своего тематического содержания, ностальгические воспоминания респондентов всех возрастных групп конституируются образами, связанными с природой, подтвердилось. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что благотворное воздействие ностальгического воспоминания на психологическое благополучие человека связано с бытийностью природных образов, конституирующих ностальгические воспоминания.

Ключевые слова: ностальгия, ностальгические воспоминания, ностальгическое переживание, ностальгические образы, загородный жизненный мир, природа, этапы жизни

Введение

Ностальгическое переживание издавна притягивает внимание гуманитарных исследователей. Как переживание ностальгия впервые упоминается в «Одиссее» Гомера, как понятие – в работе Хофера в 1688 году, где описывается переживание тоски по дому у наемных швейцарских солдат. За трехсотлетнюю историю понятие и по-

нимание ностальгии претерпело значительные, порой кардинальные изменения, однако, многие исследователи ностальгии и поныне обращаются к Хоферу и Гомеру как к некоему опытному первоначалу, с которым невозможно прервать контакт. Кристин Батчо, автор наиболее полного обзора становления понятия ностальгии в психологии, отмечает, что парадоксальное опи-

сание психологии у Эббингауза как имеющей долгое прошлое, но короткую научную историю, актуально и для ностальгии [14].

Ностальгия – мощнейшее переживание, которое присутствовало в человеческом опыте задолго до того, как ему было дано имя, и которое за столетнюю историю своего предметного существования в психологической науке исследовалось и как физическое и психическое заболевание, и как «горько-сладостный» процесс индивидуации, и как психогенетический фактор. Исследования и концепции XX века отчетливо являют тесное переплетение исторических, социальных, культурных процессов в обществе, тенденций в академической психологической науке и новых взглядов на ностальгическое переживание. Ностальгия исследуется в контексте психологии развития, в сопряженности с глобальными, политическими, экономическими, в частности, с миграционными процессами; привязанность к родным местам, «тоска по дому» получает у психологов совершенно противоположные оценки с точки зрения благополучия личности и общества. В целом во второй половине XX века ностальгия рассматривается в ракурсе изучения памяти, идентичности, взаимодействия когнитивных и аффективных процессов.

В последние годы интерес к исследованиям ностальгии в психологии вновь оживился, что связано с изменениями социальной и психологической реальности человека. Значительное число эмпирических исследований посвящено проблематике идентичности и самовосприятия: благотворному влиянию ностальгического переживания на аутентичность [27], самоопределение [29], непрерывность самовосприятия [16; 20], самооценку [18]. Ученые отмечают позитивное воздействие ностальгии на отношения человека с окружающим миром, ее роль в социально-эмоциональном совладании, позитивной устойчивости человека среди других людей, просоциальном поведении [17; 23; 28]. Психологи не теряют из виду изначальный посыл своего внимания к ностальгии как к феномену «тоски по дому», обращая внимание на средовые факторы, на фактор территориальности,

психологической «вписанности» человека в родной ландшафт [2; 5]. Существует и обратная связь, когда в исследованиях благотворного влияния средовых факторов открывается их связанность с ностальгическими воспоминаниями [26].

Одновременно ученые констатируют, что понятие ностальгии, оставаясь целостным в своем восприятии, становится все более разнонаправленным, многозначным. «Миграционный» дискурс в изучении ностальгии, обращенный к необходимости «преодоления тоски по прошлому» получил развитие в 1990-х годах [3; 10]; сейчас такой подход оценивается скорее критически. Наряду с индивидуальной рассматривается и социальная ностальгия [8; 14]. Продолжает развиваться значимая для конца прошлого столетия тенденция рассматривать ностальгию как теплые чувства к прошлому, которое наполнено счастливыми радостными воспоминаниями – дом перестает быть единственным предметом ностальгического переживания [18; 21; 25]. Исследуется и такой феномен, как «ностальгия без памяти», когда ностальгические переживания не имеют под собой действительной основы, а скорее представляют собой тоску по значимым позитивным аспектам жизни [9].

Представление о ностальгическом переживании как о «вписанном в ландшафт», сопряженном с его образами, представляется нам наиболее перспективным. Нельзя также не согласиться с авторами, которые склонны обращаться к позитивным аспектам ностальгии, рассматривать ее связанность с идентичностью, памятью, когнитивно-аффективными процессами, подчеркивать экзистенциальную направленность ностальгического переживания [9; 27].

Наше основное исследование было посвящено изучению различий тематического содержания ностальгических переживаний у приверженцев городской и загородной/сельской жизни. В то же время полученный эмпирический материал позволил сопоставить особенности тематического и образного содержания у взрослых респондентов, принадлежащих разным возрастным группам.

В качестве исследовательских гипотез были выдвинуты следующие:

1. Тематическое содержание ностальгических воспоминаний в возрастных группах различается.

2. Независимо от своего тематического содержания, ностальгические воспоминания респондентов всех возрастных групп конструируются образами, связанными с природой.

Метод

Исследование проводилось методом анонимного опроса, включавшего несколько разделов («Ностальгия», «Суверенность», «Удовлетворенность жизнью»). Участникам было предложено оценить возможные ответы на следующий вопрос: «Если считать, что ностальгические воспоминания – это воспоминания о радостных, светлых моментах жизни, что миновали безвозвратно: с чем эти воспоминания связаны для вас в наибольшей степени?». Для ответов были сформулированы двадцать тем, значимость которых оценивалась респондентами по девятибалльной шкале Ликерта (использовался видоизмененный опросник К. Batcho “Nostalgia Inventory”) [15]. Отдельный вопрос о ностальгии был направлен на изучение зрительных (или иных) образов, сопряженных с ностальгическими воспоминаниями: «Какой из приведенных зрительных образов связан с вашими воспоминаниями о светлых моментах вашей жизни в наибольшей степени?». Участники могли выбрать вариант ответа из предложенных или могли дать собственный ответ в произвольной форме.

Для получения представления о возрастных отличиях содержания ностальгических переживаний использовался метод сравнения средних и непараметрический критерий Манна-Уитни. Обработка полученных данных проводилась в программе SPSS Statistics. При оценке возрастных отличий принимались во внимание направленность основного исследования, а также полученные ранее результаты.

Изучая ответы на вопрос о ностальгических образах, была проведена дополнительная категоризация данных (контент-анализ), оценка и интерпретация частоты встречаемости той или иной категории в ответах респондентов.

Результаты

В исследовании согласились участвовать 174 человека (141 женщина, 33 мужчины). Из них 32,8% отнесли себя к приверженцам городской жизни (группа 1); 40,2% – к тем, кого загородная жизнь привлекает, но переезд не планируется (группа 2); 25,9% – к тем, кто переехал за город или планирует переезд (группа 3). Два респондента – сельские жители – были исключены из обработки данных, связанной с анализом различий между группами горожан. Большинство респондентов составили жители России (88,6%), преимущественно из Москвы и Московской области (67,9%). Среди групп наибольшую представленность получила выборка респондентов среднего и старшего возраста (таблица 1).

Таблица 1. Возрастные и гендерные характеристики сравниваемых групп

Возраст/пол респондентов	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группы 1+2+3
16-30 лет	14,03	5,71	4,44	8,14
30-45 лет	28,07	38,57	17,78	29,65
45-65 лет	40,36	52,86	68,89	52,91
65 и более лет	17,54	2,86	8,89	9,3
женщины	89,47	84,29	66,7	81,40
мужчины	10,53	15,71	33,3	18,60

Значимые ностальгические воспоминания
Анализ средних показал ожидаемое превалирование значимости ностальгических воспомина-

ний различного тематического содержания в группе респондентов пожилого возраста (65+). Для респондентов 16-30 лет наиболее актуальны

воспоминания о значимом взрослом, о поездках и путешествиях, в группе 30-45 лет – воспоминания о загородном мире и природе. Показатели в возрастной группе 45-65 лет не дают оснований выделить определенную тему, а в возрастной группе 65+, напротив, респондентами выделяется несколько тем: ностальгические воспоминания, связанные с природой, трудом/творчеством оцениваются как максимально значимые; также респонденты этой группы подчеркивают ценность воспоминаний о загородном ми-

ре, доме, любимом человеке, поездках и путешествиях, семье (таблица 2).

Сравнительный анализ уровней показателей в выборках (H -критерий Краскелла-Уоллиса) указывает на то, что различия между ними определяют такие темы ностальгических воспоминаний как «загородный мир» ($H = 8,784$; $p = 0,032$) и «я в детстве и юности» ($H = 7,591$; $p = 0,055$). Попарное сравнение выборок дает представление о значимости различий между ними (таблица 3).

Таблица 2. Сравнение средних показателей значимости тем ностальгических воспоминаний в возрастных выборках респондентов

Содержание/темы значимых ностальгических воспоминаний	итого	16-30 лет		30-45 лет		45-65 лет		65+ лет	
	\bar{x}	\bar{x}	Me	\bar{x}	Me	\bar{x}	Me	\bar{x}	Me
Ваша семья	6.76	6.00	7.00	6.78	7.00	6.74	7.00	7.74	7.00
Значимый взрослый	6.60	7.29	8.00	6.51	7.00	6.62	6.00	6.13	7.00
Музыка, песни	6.21	6.43	6.00	6.20	7.00	6.20	7.00	6.13	7.00
Безмятежность	5.68	5.79	7.00	6.22	7.00	5.45	5.00	5.25	5.00
Мир вокруг на даче, в деревне	6.41	5.14	4.50	7.06	8.00	6.10	7.00	7.31	8.00
Человек, которого вы любили	6.25	5.50	5.50	5.88	6.00	6.40	7.00	7.19	8.00
Друзья	6.14	6.29	7.00	6.43	7.00	6.03	6.00	5.69	5.00
Ваши занятия, труды, творчество	6.41	6.57	7.00	5.98	6.00	6.45	7.00	7.44	8.50
Вы в детстве и юности	5.64	5.21	5.50	6.29	7.00	5.30	5.00	5.94	5.50
Природа, времена года	6.86	5.93	6.00	7.27	8.00	6.67	7.00	7.44	8.50
Фильмы, книги	6.36	5.93	5.50	6.18	7.00	6.45	7.00	6.81	7.50
Игрушки	4.05	3.43	4.00	4.45	5.00	4.04	4.00	3.38	3.00
Ваши лучшие чувства, мечты	6.20	6.57	7.00	6.59	7.00	5.87	6.00	6.50	7.00
Годы учебы	5.26	6.00	6.00	5.06	5.00	5.18	5.00	5.75	5.00
Поездки и путешествия	6.77	7.14	8.00	6.76	7.00	6.69	7.00	6.94	8.00
Праздники	4.93	4.71	5.00	5.24	5.00	4.77	5.00	5.06	5.50
Как прежде была устроена жизнь	4.94	4.79	4.50	5.20	5.00	4.66	5.00	5.94	6.50
Домашние животные	5.09	4.93	6.00	5.49	6.00	4.74	5.00	6.00	6.00
Церковь, религиозная община	3.44	3.57	3.00	3.57	2.00	3.37	2.00	3.38	3.00
Ваш дом	5.99	5.29	5.00	6.12	7.00	5.84	6.00	7.06	8.00
Среднее в группе		5.62		5.96		5.68		6.13	

Примечание: (в таблице выделены показатели значимости тем ностальгических воспоминаний, где $Me\ группа \geq 8.00$, и средние значения ≥ 7.00)

Таблица 3. Оценка различий показателей значимости тем ностальгических воспоминаний между возрастными выборками (U-критерий Манна-Уитни)

Группы	Переменные	p	U Манна-Уитни
16-30 лет < 30-45 лет	Природа, времена года	0,042	233,0*
30-45 лет < 45-65 лет	Мир, окружавший на даче или в деревне	0,016	1809,0*
30-45 лет > 45-65 лет	Вы в детстве и юности	0,007	1732,0**
45-65 лет < 65 и более	Как было раньше	0,031	495,5*
45-65 лет < 65 и более	Ваш дом	0,028	490,5*
16-30 лет < 65 и более	Любимый человек	0,038	63,0*
16-30 лет < 65 и более	Природа, времена года	0,05	66,0*

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

Здесь также видно «появление» ностальгических воспоминаний о загороде и природе в возрасте 30-45 лет и «скачок» значимости воспоминаний о том, каким человек помнит себя в детстве или юности. Для выборки 65 лет и более обретают важность воспоминания «как было раньше», о своем доме, о любимом человеке, воспоминания, связанные с природным миром.

Участники исследования имели возможность самостоятельно добавить ту тему, содержание ностальгического воспоминания, которое не было приведено в опросе, но является важным для них. Были добавлены 23 темы, среди которых 19 являются уточненными вариантами предложенных нами тем, а 4 не позволяют сделать вывод о том, являются ли они уточняющими или уникальными (долгожданная беременность, секс, сны, запахи).

Образы ностальгических воспоминаний

С учетом ответов, добавленных участниками опроса в произвольной форме, было получено 191 вербальное обозначение образов, которые участники связывают с переживанием ностальгии (таблица 4). Наряду со зрительными воспоминаниями («свет в окнах», «костер», «поле ржи»), участники упомянули слуховые («шум дождя на крыше дачи», «соловьиная трель») и ольфакторные («запах ранней весны», «рыбный запах моря») воспоминания. Образы, лексически равные предложенным, были включены в соответствующие группы; отличные образы, связанные с природой или городом, были объединены.

Из полученных результатов следует, что ностальгические образы, связанные с природой, составляют 95,3% среди выбранных респондентами; «городские» ностальгические образы составили всего 2,1%.

Таблица 4. Группы значимых ностальгических образов, процентное соотношение

Группы образов	Частота	Процент
Солнечный свет, отсветы, закат/восход	60,0	31,4
Облака в небе, небо	41,0	21,4
Ночные звезды	28,0	14,7
Деревья	22,0	11,5
Природа (прочее)	20,0	10,5
Море или река	11,0	5,8
Город	5,0	2,6
Ошибки в ответах	4,0	2,1
Итого	191	100,0

Обсуждение результатов

Выдвигая предположение о том, что тематическое содержание ностальгических воспоминаний в различных возрастных группах различается, мы исходили из результатов исследований ностальгии у молодых и пожилых людей [9; 14], а также опирались на собственные исследования ностальгического переживания и загородного жизненного мира [4, 6]. Гипотеза №1 о том, что на разных возрастных этапах актуализируются (обретают весомость) ностальгические воспоминания определенного тематического содержания, подтвердилась.

Ностальгические воспоминания, связанные с человеком, который поддерживал, проявлял заботу, представляются закономерными в опыте молодых людей, переживающих отделение от родного дома, становление самостоятельности. Ностальгия по «поездкам и путешествиям» может быть связана как с ушедшей беззаботностью детства, так и с событиями, которых не было (реконструируемых когнитивно) [9]. Отсутствие романтической ностальгии по любимому человеку, столь характерной для молодежи прежних поколений, вполне соответствует результатам современных исследований, подчеркивающих тренд практицизма и невлюбленности в отношениях юношей и девушек [11].

Актуализация воспоминаний «о том, каким я был в детстве или юности», о природе, о мире, который окружал на даче или в деревне, на наш взгляд, связана с обострением вопроса о своей идентичности и аутентичности, с характерными для среднего возраста верификацией и критикой ранее избранной направленности жизни, особым вниманием к бытийности. Согласно результатам основного исследования [4], ностальгия о загородном/природном мире составляет главное различие в значимых воспоминаниях приверженцев городской и загородной жизни. В группе бывших горожан респонденты возраста 45-65 лет представлены максимально (68,89%), что также может указывать на решение вопроса о своей бытийности, подлинности в контексте ностальгического опыта загородной жизни, связывание прошлого, настоящего и будущего.

В пожилом возрасте весомость счастливых, «горько-сладостных» ностальгических воспоминаний, самых разных по своему тематическому содержанию, нарастает. Они как будто «подхватывают» всю жизнь, ее счастливые моменты и утраты (дом, семья, любимый человек, труд и творчество, увиденный мир).

Таким образом, если для молодости ностальгические воспоминания могут становиться поддерживающим и формирующим ресурсом, то для среднего возраста это скорее источник критического самоотнесения, вызов к аутентичности, а для пожилого – способ собрать воедино все лучшее, совладание с конечностью жизни. Воспоминания становятся переживанием, придающим жизни направленность и осмысленность.

Результаты исследования опровергают представление о том, что ностальгия – это тоска по ушедшему времени или эпохе (с ее негативной коннотацией), о несбывшихся надеждах, о том, «как было раньше». В то же время полученные данные указывают на то, что праздники, церковная и общинная жизнь (пункты опросника *Nostalgia Inventory*), на сегодняшний день практически исчезли из ностальгических воспоминаний наших соотечественников.

Опросник *Nostalgia Inventory* был модифицирован нами в соответствии с исследовательскими задачами. Включение тем природы и загородного мира показало свою актуальность: эти ностальгические переживания обладают особой ценностью для среднего и старшего возраста. Это также предполагает достоверность полученных ответов: тематика ностальгии эмоционально значима для респондентов, а связанные с ней вопросы не вызывают эффекта социальной желательности.

Гипотеза №2 о том, что ностальгические воспоминания респондентов всех возрастных групп конституируются образами, связанными с природой, также нашла подтверждение. Природа – солнечный свет, вода, деревья, звуки дождя, запах хлеба – становится чувственной тканью для ностальгических воспоминаний (городские места или объекты сцепляются с ностальгией значительно реже). Таким образом, позитивное воздействие ностальгического воспоминания на

психологическое благополучие человека включает в себя благотворность природы и природных мест, подтверждаемую большим количеством исследований в области психологии среды [1; 7; 12; 13, 19; 22; 24].

Ограничения. Выборка респондентов в данном исследовании позволяет составить представление о ностальгических переживаниях взрослых горожан, главным образом жителей Москвы, Петербурга, Московской и Ленинградской областей. Мы не задавались целью получить выборки респондентов, сбалансированные в гендерном или возрастном отношении, или равную представленность в группах приверженцев городской и загородной/сельской жизни. Это дало нам возможность оценить добровольную вовлеченность респондентов (кто в большей или меньшей степени проявил интерес к исследованию и захотел ответить на вопросы анкеты). Собранные данные о ностальгических переживаниях актуальны для настоящего времени. Исследование не позволяет ответить на вопрос об устойчивости того или иного переживания у одного человека на протяжении его жизни, равно как и об исторической устойчивости и изменчивости большинства из представленных в исследовании тем ностальгических воспоминаний.

Выводы

1. Тематическое содержание ностальгических воспоминаний в возрастных группах различается. Доминирующие темы соответствуют задачам личностного становления и экзистенциальным задачам, решаемым на определенном возрастном этапе. Значимость отдельных тем в возрастной группе может быть обусловлена социальным трендом и утратить (обрести) актуальность для других поколений.

2. Независимо от своего тематического содержания, ностальгические воспоминания респондентов всех возрастных групп «бытийны» – конституируются образами, связанными с природой.

3. Ностальгические переживания способствуют внутренней работе человека, гармонизируют опыт, помогают принимать решения о своей жизни, способствуют экзистенциальной исполненности.

Литература

1. Андрина Т., Ангиал Н. Мудрость: связь с природой помогает понимать жизнь // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т.16. №1. С. 108-126.
2. Галкова О.В., Петров А.В., Глазунов В.В. Ландшафт, память, наследие и идентичность (историографический обзор) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 5. С. 247-257.
3. Зинченко А.В. Ностальгия: диалог знания и памяти // Культурно-историческая психология. 2009. №2. С. 77-85.
4. Кретова Л.А., Воловикова М.И. Ностальгическое переживание, суверенность и удовлетворенность жизнью у приверженцев городской и загородной жизни // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т.19. №1. С. 76-92.
5. Кретова Л.А. Восприятие природы: чувство Родины и духовно-нравственные аспекты // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления / Отв. ред. Н.В. Борисова, М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 587-594.
6. Кретова Л.А. Смыслообразующий опыт загородной жизни бывших горожан: бытийный контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т.11. Вып. 3. С. 265-283.
7. Нартова-Бочавер С.К., Мухортова Е.А., Ирхин, Б.Д. Взаимодействие с миром растений как источник позитивного функционирования человека // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. №2. С. 151-169.
8. Новиков Е.В. Нравственный смысл ностальгии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05. М: МГУ, 2009.
9. Сапогова Е.Е. Экзистенциально-психологические аспекты переживания «ностальгии без памяти» // Проблемы современного образования. 2019. № 2. С. 28-45.

- 10.Фенько А.Б. Психология ностальгии // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 3. С. 93-116.
- 11.Хорошилов Д.А., Мельникова О.Т. Проблема обобщения и экстраполяции качественных данных (на примере исследования индивидуальных и коллективных переживаний) // Вопросы психологии. 2019. №4. С. 1-10.
- 12.Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев С.Н., Семькин Г.И. Связь с природой: вклад в душевное благополучие. / В кн. Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. РГУ имени А.Н. Косыгина, 16 июня 2017 г. М.: ФГБОУ ВО «РГУ имени А.Н. Косыгина», 2017. С. 764-767.
- 13.Altman I., Low S.M. Place attachment. New York: Plenum Press, 1992.
- 14.Batcho K.I. Nostalgia: The Bittersweet History of a Psychological Concept // History of Psychology. 2013. V. 16. P. 165-176.
- 15.Batcho K.I. Nostalgia: A psychological perspective // Perceptual and Motor Skills. 1995. № 80. P. 131-143.
- 16.Batcho K.I., Nave A.M., DaRin M.L. A retrospective survey of childhood experiences // Journal of Happiness Studies. 2011. V.12. P. 531-545.
- 17.Batcho K.I. Nostalgia: Retreat or support in difficult times? // The American Journal of Psychology. 2013. V. 126. P. 355-367.
- 18.Cheung W.Y., Wildschut T., Sedikides C., Hepper E.G., Arndt J., Vingerhoets A.J. Back to the future: Nostalgia increases optimism // Personality and Social Psychology Bulletin. 2013. V.39. №11. P. 1484-1496.
- 19.Clayton S., Irkhin B.D., Nartova-Bochaver S. K. Environmental Identity in Russia: validation and relationship to the concern for people and plants // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2019. V. 16. №. 1. P. 85-107.
- 20.Iyer A., Jetten J. What's left behind: Identity continuity moderates the effect of nostalgia on well-being and life choices // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. V.101. №1. P. 94-108.
- 21.Kaplan H.A. The psychopathology of nostalgia // The Psychoanalytic Review. 1987. V.74. P. 465-486.
- 22.Kaplan R., Kaplan S. The experience of nature: A psychological perspective. New York: Cambridge University Press, 1989.
- 23.Li Y. Nostalgia Promoting Pro-Social Behavior and Its Psychological Mechanism // Open Journal of Social Sciences. 2015. V.3. P. 177-186.
- 24.Proshansky H., Fabian A., Kaminoff R. Place-identity: Physical world socialization of the self // Journal of Environmental Psychology. 1983. V. 3. P. 57-83.
- 25.Reid C.A, Green J.D., Wildschut T., Sedikides C. Scent-evoked nostalgia // Memory. 2015. V. 23. № 2. P. 157-166.
- 26.Scannel L., Gifford R. The experienced psychological benefits of place attachment. // Journal of Environmental Psychology. 2017. V. 51. P. 256-269.
- 27.Sedikides C., Wildschut T., Arndt J., Routledge C. Self and Affect: The Case of Nostalgia. // Affect in social thinking and behavior: Frontiers in social psychology. / In J.P. Forgas (Ed.). New York: Psychology Press. 2006. P. 197-215.
- 28.Stephan E., Wildschut T., Sedikides C., Zhou X., He W., Routledge C., Cheung W.-Y., Vingerhoets A.J.J.M. The mnemonic mover: Nostalgia regulates avoidance and approach motivation // Emotion. 2014. V.14 (3). P. 545-561.
- 29.Vess M., Arndt J., Routledge C., Sedikides C., Wildschut T. Nostalgia as a Resource for the Self // Self and Identity. 2012. V.11. № 3. P. 273-284.

Статья поступила в редакцию 20.02.2022.

AGE-RELATED FEATURES OF THEMATIC AND IMAGINATIVE CONTENT OF NOSTALGIC MEMORIES

© **Lola A. Kretova**

PhD Applicant at Institute of Psychology Russian Academy of Sciences,
Managing Director at Russian Association for Co-experiencing Psychotherapy,
Moscow, Russia,
lola.kretova@gmail.com

The article examines the differences in the thematic content of nostalgic memories of townspeople in different age groups, as well as the imaginative content constituting nostalgic memories. The presented study is based on the assumption that the thematic content of significant nostalgic memories is associated with existential goals that need to be solved at a certain stage of life. Regardless of their thematic content, nostalgic memories of respondents of all age groups are constituted by images associated with nature. The data was collected through online survey (n=174). The Nostalgia Inventory questionnaire (K. Batcho) has been modified; the themes related to nature were included in the questionnaire and had shown its relevance especially for middle and older age. The results of the study showed that for youth nostalgic memories become a supportive and formative resource, for middle age people a source of critical self-reflection, a challenge to authenticity, for the elderly a way of "gathering" life together. Thus, memories become an experience – the work that provides life direction and meaningfulness. The assumption that, regardless of its thematic content, nostalgic memories of respondents of all age groups are constituted by images associated with nature has been confirmed. Our findings allow concluding that the beneficial effect of nostalgic memories on the psychological well-being of a person is associated with the existence of the images of nature that constitute nostalgic memories.

Keywords: nostalgia, nostalgic memories, nostalgic experience, nostalgic images, country lifeworld, nature, experiencing, stages of life

REFERENCES

1. Andringa, T., Angial, N. (2019). Mudrost': svyaz' s prirodoj pomogaet ponimat' zhizn' [*The Nature of Wisdom: People's Connection to Nature Reflects a Deep Understanding of Life*] // Psihologiya. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki [*Psychology. Journal of Higher School of Economics*]. V. 16. №1. P. 108-126.
2. Galkova, O.V., Petrov, A.V., Glazunov, V.V. (2020). Landshaft, pamyat', nasledie i identichnost' (istoriograficheskii obzor) [*Landscape, Memory, Heritage and Identity (Historiographical Overview)*]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [*Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relations*]. №5. V.25. P. 247-257.
3. Zinchenko, A.V. (2009). Nostalgija: dialog znaniya i pamyati [*Nostalgia: A Dialogue between Knowledge and Memory*] // Kulturno-istoricheskaya psikhologiya [*Cultural Historical Psychology*]. № 2. P. 77-85.
4. Kretova, L.A., Volovikova, M.I. (2022). Nostal'gicheskoe perezhivanie, suverenost' i udovletvorennost' zhizn'yu u priverzhencev gorodskoj i zagorodnoj zhizni [*Nostalgic Experience, Sovereignty and Satisfaction with Life among the Adherents of Urban and Country Life*] // Psihologiya. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki [*Psychology. Journal of Higher School of Economics*]. V.19. № 1. P. 76-92.
5. Kretova, L.A. (2020). Vospriyatie prirody: chuvstvo Rodiny i dukhovno-nravstvennye aspekty

- [*Perception of nature: a sense of homeland and spiritual and moral aspects*] // Individual'noe, natsional'noe i global'noe v soznanii sovremennogo cheloveka: novye idei, problemy, nauchnye napravleniya. Borisova N.V. (Eds.), [*Individual, national and global in the consciousness of modern man: new ideas, problems, scientific directions*]. Moskva: Institut psikhologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the RAS]. P. 587-594.
6. Kretova, L.A. (2021). Smysloobrazuyushchiy opyt zagorodnoy zhizni byvshikh gorozhan: bytiynny kontekst [*The meaning-forming experience of country life for former city dwellers: The existential context*] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya [*Bulletin of Saint Petersburg University. Psychology*]. V. 11. Issue 3. P. 265-283.
 7. Nartova-Bochaver, S.K., Mukhortova, E.A., Irkhin, B.D. (2020). Vzaimodeistvie s mirom rastenii kak istochnik pozitivnogo funktsionirovaniya cheloveka [*Interaction with the plant world as a source of positive human functioning*] // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [*Counseling Psychology and Psychotherapy*]. V. 28(2). P. 151-169.
 8. Novikov, E.V. (2009). Nравstvennyy smysl nostalgii: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.05. [*The moral meaning of nostalgia, Dissertation of the Candidate of philosophical sciences*]. Moskva: MGU [Moscow: Moscow State University].
 9. Sapogova, E.E. (2019). Ekzistentsialno-psikhologicheskiye aspekty perezhivaniya "nostalgii bez pamyati" [*Existential-psychological aspects of "nostalgia without memory" experience*] // Problemy sovremennogo obrazovaniya [*The problems of modern education*]. № 2. P. 28-45.
 10. Fenko, A.B. (1993). Psikhologiya nostalgii [*Psychology of nostalgia*] // Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal [*Moscow journal on psychotherapy*]. № 3. P. 93-116.
 11. Khoroshilov, D.A., Melnikova, O.T. (2019). Problema obobshcheniya i ekstrapolyatsii kachestvennykh dannyykh (na primere issledovaniya individualnykh i kollektivnykh perezhivaniy) [*The Problem of Generalization and Extrapolation of Qualitative Data (on the Example of the Study of Personal and Collective Experience)*] // Voprosy psikhologii [*Questions of psychology*]. №4. P. 1-10.
 12. Chistopol'skaya, K.A., Enikolopov, S.N., Nikolaev, E.L., Semykin, G.I. (2017). Svyaz' s prirodoy: vklad v dushevnoe blagopoluchie [*Connection with nature: contribution to mental well-being*] / Perspektivy psikhologicheskoi nauki i praktiki: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno prakticheskoi konferentsii [*Perspectives of Psychological Science and Practice: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference*]. Moskva: RGU im. A.N. Kosygina [Moscow: Russian State University named after A.N. Kosygin]. P. 764-767. (in Russian)
 13. Altman, I., Low, S.M. (1992). Place attachment. New York: Plenum Press.
 14. Batcho, K.I. (2013). Nostalgia: The Bittersweet History of a Psychological Concept // History of Psychology. V.16. P. 165-176.
 15. Batcho, K.I. (1995). Nostalgia: A psychological perspective // Perceptual and Motor Skills. №80. P. 131-143.
 16. Batcho, K.I., Nave, A.M., DaRin, M.L. (2011). A retrospective survey of childhood experiences // Journal of Happiness Studies. V.12. P. 531-545.
 17. Batcho, K.I. (2013). Nostalgia: Retreat or support in difficult times? // The American Journal of Psychology. V. 126. P. 355-367.
 18. Cheung, W.Y., Wildschut, T., Sedikides, C., Hepper, E.G., Arndt, J., Vingerhoets, A.J. (2013). Back to the future: Nostalgia increases optimism // Personality and Social Psychology Bulletin. V.39. №11. P. 1484-1496.
 19. Clayton, S., Irkhin, B.D., Nartova-Bochaver, S.K. (2019). Environmental Identity in Russia: validation and relationship to the concern for people and plants // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. V. 16. №. 1. P. 85-107.
 20. Iyer, A., Jetten, J. (2011). What's left behind: Identity continuity moderates the effect of nostalgia on well-being and life choices // Journal of Personality and Social Psychology. V.101. №1. P. 94-108.

21. Kaplan, H.A. (1987). The psychopathology of nostalgia // *The Psychoanalytic Review*. V.74. P. 465-486.
22. Kaplan, R., Kaplan, S. (1989). *The experience of nature: A psychological perspective*. New York: Cambridge University Press.
23. Li, Y. (2015). Nostalgia Promoting Pro-Social Behavior and Its Psychological Mechanism // *Open Journal of Social Sciences*. V.3. P. 177-186.
24. Proshansky, H., Fabian, A., Kaminoff, R. (1983). Place-identity: Physical world socialization of the self // *Journal of Environmental Psychology*. V. 3. P. 57-83.
25. Reid, C.A, Green, J.D., Wildschut, T., Sedikides, C. (2015). Scent-evoked nostalgia // *Memory*. V. 23. № 2. P. 157-166.
26. Scannel, L., Gifford, R. (2017). The experienced psychological benefits of place attachment. // *Journal of Environmental Psychology*. V. 51. P. 256-269.
27. Sedikides, C., Wildschut, T., Arndt, J., Routledge, C. (2006). Self and Affect: The Case of Nostalgia. // *Affect in social thinking and behavior: Frontiers in social psychology*. / In J.P. Forgas (Ed.). New York: Psychology Press. P. 197-215.
28. Stephan, E., Wildschut, T., Sedikides, C., Zhou, X., He, W., Routledge, C., Cheung, W.-Y., Vingerhoets, A.J.J.M. (2014). The mnemonic mover: Nostalgia regulates avoidance and approach motivation // *Emotion*. V.14 (3). P. 545-561.
29. Vess, M., Arndt, J., Routledge, C., Sedikides, C., Wildschut, T. (2012). Nostalgia as a Resource for the Self // *Self and Identity*. V.11. №3. P. 273-284.

The article was received 20.02.2022.

ЯКУТСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ: АНАЛИЗ В РАКУРСЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© Елисева Н.Д.

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологи и социальной работы Института психологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия, eliseeva_n_d@mail.ru

В статье приведены результаты исследования якутского менталитета через призму религиозной идентичности. ИмPLICITные и социальные представления рассматриваются как психологические категории, отражающие особенности менталитета. По результатам исследования выявлено, что существуют общие черты характера – выносливость и сдержанность в социальных представлениях и честность в имPLICITных представлениях. Выявлено, что социальные представления православных содержат амбивалентные характеристики. В имPLICITных представлениях язычников нравственность включает социальный и природный мир. ИмPLICITные представления православных ограничиваются социальным миром.

Ключевые слова: якутский менталитет, социальные представления, имPLICITные представления, идентичность, православные, язычники, атеисты

Введение

Научные факты, получаемые в кросс-культурных исследованиях, в современном мире имеют все большее применение на практике при анализе социального поведения. Одним из факторов, обуславливающих данную тенденцию, является социально-психологическая ситуация в обществе связанная с увеличением миграционного потока между странами с традиционно различными религиозными воззрениями. Таким образом, изучение различных аспектов психологии религии приобретают все большую актуальность. В этом свете, острую практическую значимость приобретают исследования взаимодействия людей, имеющих различные религиозные идентичности, проживающих в одной стране, регионе, городе и т.д.

Следует отметить, что фокус исследований часто направлен на влияние мировых религий: буддизма, христианства и мусульманства на психологическое состояние больших групп. При этом, исследователи отмечают, что влияние на менталитет религиозных воззрений всегда является многослойным и многофакторным процессом. Данный факт обусловлен историей

формирования и становления религиозных воззрений в конкретном обществе. К примеру, современное кыргызское общество, которое сегодня определяется как мусульманское, имеет долгий исторический путь от анимизма, зороастризма, шаманизма, тотемизма, тенгрианства, буддизма и мусульманства, что сказалось на особенностях менталитета [1]. На формирование китайского менталитета влияние оказали конфуцианство, даосизм и буддизм [12].

Следует отметить также, что исследований, направленных на изучение развития мировых религий в новых культурных и социальных условиях, в психологии практически нет. Размышляя о будущем психологии религии Якоб Бельзен пишет: «Необходимо осознать полиморфизм явлений, которые называют религиозными, а также принять во внимание множественность подходов, способствующих их пониманию. Действительно, необходимо сделать многое. Помимо того, что уже перечислено, нам необходимо осознать потребность и неизбежное стремление культуры пробуждать, содействовать и структурировать человеческие индивидуальность и функционирование» [8]. Таким

образом, подчеркивается «живой» эволюционный характер религиозных учений.

В нашей работе, религиозная идентичность не рассматривается с точки зрения анализа влияния этических постулатов религиозных воззрений на личность или группу. Религиозная идентичность вызывает интерес в связи с тем, что религия является фактором, формирующим менталитет [16]. Ключевым понятием в определении менталитета, с нашей точки зрения, является выделение определенных параметров, способных отражать его актуальные содержательные характеристики. Анализ теоретических концепций и теорий менталитета показывает, что к компонентам менталитета наиболее часто относят: язык, этническую идентичность, представления, поведенческие стереотипы, социальные установки, коллективный опыт, коллективные эмоции [5; 16; 31; 33].

При изучении особенностей якутского менталитета, мы опираемся на социальные и имплицитные представления, исходя из их особенностей улавливать содержательные характеристики актуального психологического состояния общества [3; 22]. Исходя из постулата о том, что менталитет отличается глубиной и шириной рассматриваемых психологических явлений, вслед за Е.А. Таршис [31] и Т.П. Емельяновой [14], мы рассматриваем представления как возможный способ исследования качественных изменений в якутском менталитете, происходящих под влиянием глобальных процессов, протекающих в современном обществе. Обыденное знание обуславливает способность человека воспринимать окружающий мир, делать выводы, чтобы придать смысл вещам или объяснить ситуацию.

Якутия является поликонфессиональным регионом, в котором представлены христианство, мусульманство, буддизм и другие религиозные учения. Традиционной религией коренных народов Якутии является шаманизм. Православие коренные народы приняли в XVII веке. Коренные народы Якутии отнеслись к новой вере доброжелательно. Но, как и во многих других регионах, православие здесь не пустило глубоко свои корни. Русские путешественники

писали, что не православный батюшка, а шаман являлся подлинным хозяином душ.

Среди жителей региона сегодня распространено традиционное религиозное учение коренных народов Якутии. Для более ясного представления поясним понятие «кут-сюр», используемое при объяснении души человека в учении Айыы. Так, например, И.С. Портнягин пишет: «Кут это – дух, душа. Человек имеет три души: салгын-кут – воздух-душа, буор-кут – земля-душа, ийэ-кут – мать-душа. Они вместе олицетворяют тело, ум и физическую силу. Сюр, в свою очередь, понимается как жизненная сила, наследуемая от предков. Она является основой жизни и связывает воедино физическое, психическое и психологическое здоровье человека» [25, с.36]. На уровне целого сообщества, можно считать, что кут-сюр отражает его духовность.

В исследовании мы исходим из предположения о том, что социальные и имплицитные представления, вне зависимости от религиозной идентичности, имеют одинаковые элементы. Целью работы является исследование социальных и имплицитных представлений о якутском менталитете православных и язычников, проживающих в одном регионе – Якутии. Объектом исследования являются жители Якутии в возрасте 14-81 года. Предмет исследования – социальные и имплицитные представления о якутском менталитете.

Методика исследования

Программа эмпирического исследования составлена с учетом анализа якутского менталитета в социогуманитарных науках. В основу лег ассоциативный метод для исследования социальных представлений о «якутском характере» с последующим прототипическим анализом, предложенным П. Вержесом. С помощью прототипического анализа выявляются ядро и периферия социальных представлений. Ядро это константная часть социальных представлений, она имеет связь с коллективной памятью, а периферия определяет зону потенциального развития социальных представлений в современном обществе. В интерпретации структуры социальных представлений по П. Вержесу важным

является анализ ядра, левого верхнего квадрата, а также близкого к ядру и первой периферии, правый верхний и левый нижний квадраты. Элементы, попавшие в данную зону, являются потенциальной зоной и могут в дальнейшем перейти в ядро или в зону ближайшей к ядру периферии [15].

Также применялась анкета, направленная на исследование имплицитных представлений о нравственном человеке и нравственном поступке, основанная на методическом приеме Н.Аzuma и К.Кashiwagi [34], адаптированная

Н.Л. Смирновой для выявления образа умного человека [29] и М.И. Воловиковой и Л.Л. Дикевич для выявления имплицитных представлений о нравственном («порядочном») человеке [10]. Для обработки полученных результатов были использованы критерий Манна-Уитни и факторный анализ.

Исследование проводилось с 2001 по 2019 год. Всего в исследовании приняли участие 2285 человек. Распределение выборки представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение выборки исследования

Параметр исследования	Кол. чел.	Распределение по религиозной идентичности	
		язычники	православные
Социальные представления о якутском характере	1 060 чел.	425 чел.	325 чел.
Имплицитные представления о нравственном человеке	1225 чел.	600 чел.	364 чел.

Результаты исследования

Результаты исследования социальных представлений. В результате проведенного исследования было обнаружено, что ядро социальных представлений имеет одинаковые для всех групп элементы. Это – выносимые и сдержанные (см. таблица 2). Помимо этих элементов в группе православных имеется элемент – добрые; в группе верующих в Айыы имеются следующие элементы: находчивые, общительные, скромные и сильные. В периферийных частях социальных представлений наблюдаются большие различия. Элементы периферии имеют положительную и отрицательную модальность. Анализ результатов по религиозной идентичности выявил различие в периферийной части социальных представлений – более негативная картина складывается у тех, кто оп-

ределяет себя как православные. В их ассоциациях выявлены отрицательные черты – «некультурные» и «злые». Более позитивные и богатые элементами социальные представления о характере жителей Якутии у тех, кто определил себя как верующие в Айыы.

Результаты имплицитных представлений о нравственном человеке. На основе свободного описания нравственного человека, которого респонденты знают лично, было выделено 158 дескрипторов. Из них, была составлена анкета из 49 утверждений. С целью определения скрытых переменных, объясняющих обыденные представления о нравственном человеке, полученные результаты были подвергнуты факторному анализу. Результаты факторного анализа в группах с различной религиозной идентичностью представлены в таблице 3.

Таблица 2. Структура социальных представлений по этническому и религиозному критериям

Критерии для сравнения	Ядро	Зона ближайшей периферии	Зона первой периферии
Православные	выносливые; добрые; сдержанные	оказывающие взаимоподдержку; некультурные	злые; образованные; замкнутые
Верующие в Айыы	выносливые; общительные; находчивые; сдержанные; скромные; сильные	добрые; трудолюбивые; гостеприимные; следуют традициям; смелые	сильные духом; суровые; дети природы; спокойные

В результате анализа в сравниваемых группах выявлено различное количество факторов. В группе верующих в Айыы – 4 фактора (64% от общей совокупности дескрипторов), в группе православных – 3 фактора (меньше половины – 45%).

В группе верующих в Айыы первый фактор (30,24%) собрал дескрипторы, объясняющие бережливое отношение нравственного человека к природе. Важным является то, что забота о природе связана с самоуважением. Второй фактор (12,93%) раскрывает заботу о себе, которая объединяет духовную (скромность), когнитивную (умеет управлять своими временем), физическую (забота о здоровье) уровни организации личности. Третий фактор (10,87%) раскрывает коммуникативные способности нравственного человека.

Четвертый фактор (9,78%) раскрывает нравственного «человека» с позиции чистоты и прямолинейности отношений с людьми.

В группе православных, как уже отмечалось выше, получены три фактора. Первый фактор (23,91%) раскрывает нравственного человека с точки зрения его профессиональных достижений. Второй фактор (11,91%) собрал большое количество разнообразных дескрипторов, которые все вместе раскрывают отношение к семье. Третий фактор (10,04%) раскрывает нравственного человека как порядочную и сильную личность. При этом, внутренняя сила человека сопряжена с честностью.

Таблица 3. Результаты факторного анализа имплицитных представлений о нравственном человеке

Дескрипторы	Верующие в Айыы				Православные		
	1	2	3	4	1	2	3
Не ломает деревья, не загрязняет озера и т.д.	0,910						
Не кричит в лесу, горах и т.д.	0,836						
Не обижает животных	0,702					0,603	
Уважающий себя	0,657						
Заботится о своем здоровье		0,858				0,745	
Умеет правильно организо-		0,763					

вать свое время							
Скромный		0,707					
Приветливый			0,853				
Находит общий язык с людьми независимо от возраста			0,830				
Не злопамятный				0,850			
Не злословит за спиной				0,700			0,767
Умный					0,802		
Хороший специалист/ученик					0,749		
Образованный					0,719		
Рассудительный					0,651		
Культурный					0,600		
Жалостливый						0,636	
Не злоупотребляет алкоголем						0,630	
Хороший родитель/сын/дочь						0,626	
Не показывает людям слабые стороны своего характера							0,806
Не ворует							0,685
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: промакс с нормализацией Кайзера.							
а. Вращение сошлось за 5 итераций.				а. Вращение сошлось за 5 итераций.			

Обсуждение результатов исследования

Прототипический анализ П. Вержеса выявил наличие стабильного ядра социальных представлений во всех группах. Жителей Якутии объединяют общие черты характера – выносливость и сдержанность. Исследователи связывают выносливость с условиями проживания, в первую очередь с природными условиями [16; 17], а также современными социально-политическими условиями [4]. Сдержанность Г.М. Андреева относит к наиболее часто встречающимся особенностям национального характера [7]. При этом, Г.У. Стефаненко считает, что сдержанность не является характерной чертой русского характера [30]. В то же время, исследователи указывают на то, что сдержанность может формироваться социальными условиями, к примеру, ограниченным кругом социальных контактов [26], или, когда человек старается долгое время сохранить равновесие между разными видами деятельности, стремиться сохранить энергию, то есть при

условиях дефицита ресурсов [21; 28]. Данные факторы – ограниченность контактов, тяжелые условия, требующие энергосбережения, – характерны для региона Якутии. Таким образом, мы видим, что и выносливость и сдержанность являются чертами характера, обусловленными условиями жизни. При этом, если выносливость как черта характера свойственна для России в целом, то сдержанность имеет ограничения, и на наш взгляд более характерна для Якутии.

Вместе с тем, анализ показывает, что в сравниваемых группах существует вариативность элементов, представленных в социальных представлениях. Верующие в Айыы имеют только положительные представления о своих земляках, а православные включают и отрицательные черты характера. Способность видеть только положительные черты характера, верующими в Айыы, на наш взгляд, обусловлена тем, что до сих пор исследователи относят якутскую культуру к коллективисткой, в которой индигруппа оценивается как более положительная

[20, 24]. При объяснении факта наличия отрицательных компонентов в структуре социальных представлений православных, можно обратиться к практическому объяснению. Выбор религии в современной Якутии является свободным. Крещение во многих случаях (если, семья-род не придерживается четкой линии) происходит в осознанном возрасте, и обусловлен как правило, жизненными обстоятельствами. Отсюда, можно предположить, что представление о мире и о людях здесь обусловлено не религиозным воззрением, а является проявлением особенностей личности. Данное суждение является гипотетическим, т.к. вопросы анкеты не позволяют делать выводы о том, каким был жизненный путь респондентов. Исследование по данному направлению имеет перспективу в дальнейшем.

Анализ имплицитных представлений дополняет результаты, полученные при исследовании социальных представлений. Образ нравственного человека помогает глубже рассмотреть предмет исследования. В.А. Кольцова считает, что духовно-нравственные характеристики являются системообразующими характеристиками менталитета русского народа [18]. Если же рассматривать другие концепции менталитета, то мы также увидим, что основой или ядром менталитета являются духовно-нравственные ценности, ценностно-смысловые значения, ценностно-нормативные категории и др. [9; 13; 23]. Акцент на духовно-нравственные качества при изучении менталитета или понятий близких к нему, особенно ярко раскрывается в трудах отечественных психологов, истоки которого лежат в русской философской мысли (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Ф.М. Достоевский и др.).

Проведенное исследование показало, что нравственного человека, по имплицитным представлениям верующих в Айыы, отличает прямолинейность и честность в отношениях с людьми, забота об окружающем природном мире, которая исходит из самоуважения. Также можно отметить, что нравственный человек в этой группе отличается разнообразием интересов.

В группе православных нравственный человек раскрывается с точки зрения внутренней

силы, выражения себя в обществе, как в семейных, так и в профессиональных ролях. Здесь нравственному человеку предъявляется требование к честности и способности сопереживать.

Таким образом, общим в образе нравственного человека является честность. Честность согласно русскому толковому словарю Д.Н. Ушакова понимается как: «правдивый, прямой и добросовестный, свободный от всякого лукавства» [32, с. 922]. Честность как характерная черта российского менталитета была выявлена во многих психологических исследованиях. «Для русской души характерны простодушие и честность, искренность и широкий «всеоткрытый» ум, кротость, сочувствие угнетенному, милосердие, всепрощение и широта взглядов [19, с. 270]. К.А. Абульханова, А.Н. Славская отмечали также, что: «...(честность) было одним из важнейших достояний межличностных отношений наших людей, оставшимся еще со времен войны (вопреки навязываемым советской идеологией идеям подозрительности, бдительности, поиска врага)» [4, с. 157]. В ряде работ отмечается, что честность – наиболее часто встречающаяся характеристика русских, и в наше время является олицетворением совести [6; 11]. Отсюда, можно предположить, что честность является исторически сложившимся критерием нравственности личности в российском обществе.

Вместе с тем, существуют существенные различия в понимании нравственного человека. Эти различия расставляют акценты в представлениях о мире. Верующие в Айыы понимают под нравственностью бережливое отношение к природе, а православные – профессиональное самовыражение, что было выявлено в результате факторного анализа. В группе верующих в Айыы, первый фактор объясняет 30,24% от общей совокупности, в группе православных 23,4%.

Здесь, на наш взгляд, раскрывается постулат учения Айыы о единстве и неразрывности связи человека с природным миром – зависимость психического и психологического здоровья человека от его отношения к природе. Традиционное религиозное мировоззрение здесь основывается на неизменном круговороте

развития бытия, в котором целостность природы и человека неразрушима. Неуважительное отношение к природе – бездумное уничтожение животных и растений, издевательства и т.д. – считаются грехом. В таком случае, невидимая духовная нить, связующая человека с высшими духами – Айыы, обрывается, и тогда джай – физический и/или психический недуг, проникает в душу человека [25].

Вместе с тем, основным фактором наличия общего в имплицитных представлениях о нравственности, на наш взгляд, является общность ценностей провозглашаемых разными религиозными воззрениями. Например, такие этические постулаты учения Айыы как: «Держись за правду – будь справедливым; не убивай, не разрушай; сохраняй чистоту своего жизненного пути, своей души; не жадничай, не воруй; не будь злопамятным, не зачинай распри; не распространяй дурные привычки, порок; не спеши – поступай обдуманно; не распутничай; не бойся трудностей, будь целеустремленным; уважай старших, пользуйся их опытом; держи в чистоте, и порядке двор, свое хозяйство; не убивай и не разрушай бессмысленно; оберегай свой кут-сюр (духовность и нравственность); не завидуй другим; не совершай плохих поступков, не допускай разврата; будь целеустремленным, не бойся трудностей; береги честь смолоду; будь здоровым, крепким, выносливым; отличайся чистоплотностью, душевностью, щедростью; закаляй тело, укрепи нервную систему; развивай природный ум, будь откровенным, душевно восприимчивым, открытым; люби жизнь и стань жизнестойким; живи и работай ради молодежи; приумножай богатство народа, разнообразь свою жизнедеятельность и др.» [2, с. 10], имеют много общего с другими религиозными воззрениями мира.

Заключение

В результате проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что существует общее и различное в социальных и имплицитных представлениях о якутском менталитете в группах с разной религиозной идентичностью. Общее обусловлено внешними условиями и единством

нравственных ценностей православия и учения Айыы.

Социальные представления показывают, что православные, проживающие в Якутии, адаптируясь к суровым условиям региона, интегрируют в свою систему представлений о мире качества личности, необходимые в этих условиях. Здесь, речь идет о компоненте «сдержанный» в социальных представлениях православных. Имплицитные представления о нравственном человеке позволили нам определить круг значимых субъектов взаимодействия человека в этом мире. Язычники, верующие в Айыы, включают в этот круг природный мир, в то время как для православных этот список ограничивается миром людей.

Таким образом, на основе полученных результатов можно отметить, что представители разных религиозных воззрений (в нашем случае православные и язычники), проживающие в одинаковых условиях: климатических, географических и исторических, адаптируются к этим условиям. Но на нравственные идеалы единые условия проживания не оказывают существенного влияния. На наш взгляд, субъекты, по отношению к которым человек проявляет свою нравственность, определяют его мировоззрение и более точно раскрывают особенность религиозного воззрения.

Литература

1. Абдырахманов Т.А., Сыйырбеков А.С. Влияние эпического менталитета кыргызов на их религиозность // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. №2 (10). 2018. С. 67-75.
2. Абрамова М.А., Неустроев Н.Д. Гуманистические представления в культуре народов Якутии. М.: Изд-во «Academia», 2003.
3. Абульханова К.А., Воловикова М.И. Исследование личностных особенностей и детерминант социальных представлений // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч.2. М.: Изд-во «Институт Психологии РАН», 2002. С. 71-85.

4. Абульханова К.А., Славская А.Н. Менталитет и правовое сознание российской личностью. Выпуск 2. // *Историогенез и современное состояние российского менталитета*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 125-170.
5. Акопов Г.В., Давыдкина Л.В., Семенова Т.В. Ментальность как групповое сознание. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015.
6. Акоюн Т.А. Детско-родительские отношения как фактор формирования этнической идентичности в национально-смешанных семьях. Автореф. канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2003.
7. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2001.
8. Бельзен Я. Будущее психологии религии // *Религиоведческие исследования*. 2013. №7-8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-psihologii-religii> (дата обращения: 10.02.2022).
9. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
10. Воловикова М.И., Гренкова Л.Л. Современные представления о порядочном человеке // *Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 93-111.
11. Воловикова М.И., Мустафина Л.Ш. Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
12. Гладских Д.С. Влияние основных философско-религиозных учений Китая на современный менталитет китайцев // *Молодежный вестник Санкт-Петербургского института культуры*. №2 (14). 2020. С. 100-102.
13. Гринева С.В. Менталитет и ментальность современной России. Невинномысск: Невинномысский ТИ, 2003.
14. Емельянова Т.П. Кросскультурная психология: проблемы и тенденции развития // *Психологический журнал*. Т. 25. №1. 2004. С.61-69.
15. Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
16. Журавлев А.Л., Кольцова В.А. Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования. Выпуск 2. // *Историогенез и современное состояние российского менталитета*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С.7-38.
17. Козлов Д.С., Дианова Н.Ф. Русский характер и национальный менталитет России // *Modern Science*, 2020. № 5-1. С. 470-473.
18. Кольцова В.А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // *Историогенез и современное состояние российского менталитета*. М.: Изд-во: «Институт психологии РАН», 2015. С. 5-18.
19. Кольцова В.А., Холондович Е.Н. Воплощение духовности в личности и творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
20. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Старый сад, 1998.
21. Марфусалова А.Д. Мудрость экотрадиций северян. Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2002.
22. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // *Психологический журнал*. Т. 16. №1. 1995. С. 3-15.
23. Пищик В.И. Психологические характеристики «нового поколения»: гомогенность VS гетерогенность // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Педагогика и психология. 2021. Т. 18. №1. С. 42-63.
24. Попова Д.А., Нафанаилова М.С. Ценности мужчин саха в глобализирующемся мире // *Этническая психология и современные реалии: сборник материалов II Международной научной интернет-конференции (Якутск, 11-14 апреля)*. г. Якутск – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2016. С. 76-79.
25. Портнягин И.С. Этнопедагогика «Кут-сур». М.: Изд-во «Academia», 1999.
26. Резников Е.Н. Психологический облик русских (на материале исследования жителей Костромской области). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
27. Саввинов А.С. «Кут-сур» как форма якутской ментальности // *Международная жизнь*.

- Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1995. С. 104-108.
28. Санжаева Р.Д. Этнопсихология бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2020.
29. Смирнова Н.Л. Образ умного ребенка: исследование имплицитных концепций // Современная личность: социальные представления, мышление, развитие в норме и патологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 18-25.
30. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», «Академический проект», 1999.
31. Таршис Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. Изд. 2. М.: Изд-во «Книжный дом Либроком», 2012.
32. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М.: ООО «Хит-книга», 2017.
33. Харитоновна Е.В. Соотношение понятий «менталитет» и «ментальность» // Историко-генез и современное состояние российского менталитета. М.: Изд-во: «Институт психологии РАН», 2015. С. 226-237.
34. Azuma H., Kashiwagi K. Descriptors for an intelligent person: A Japanese study // A Japanese Psychological Research. 1987. V. 29. № 1. P.17-26.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022.

YAKUT MENTALITY: ANALYSIS FROM THE PERSPECTIVE OF RELIGIOUS IDENTITY

© Nataliya D. Eliseeva

PhD, Associate Professor of the Department of Psychology and Social Work of the Institute of Psychology of the North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia,
eliseeva_n_d@mail.ru

The article presents the results of a study of the Yakut mentality through the prism of religious identity. Implicit and social representations are considered as psychological categories reflecting the peculiarities of the mentality. According to the results of the study, it was revealed that there are common character traits – endurance and restraint in social representations and honesty in implicit representations. It is revealed that the social representations of the orthodox contain ambivalent characteristics. In the implicit representations of the pagans, morality includes the social and natural world. The implicit representations of the Orthodox are limited to the social world.

Keywords: Yakut mentality, social representations, implicit representations, identity, Orthodox, pagans, atheists

REFERENCES

1. Abdyrahmanov T.A., Syjrbekov A.S. (2018). Vliyanie epicheskogo mentaliteta kyrgyzov na ih religioznost' [The influence of the epic mentality of the Kyrgyz on their religiosity] // Vestnik SVFU im. M.K. Ammosova. Seriya: Eposovedenie [Bulletin of the northeastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: epic]. №2 (10). P. 67-75.
2. Abramova M.A., Neustroev N.D. (2003). Gumanisticheskie predstavleniya v kul'ture narodov YAkutii [Humanistic ideas in the culture of the peoples of Yakutia]. M.: Izd-vo «Academia» [Moscow: Publ. «Academia»].

3. Abul'hanova K.A., Volovikova M.I. (2002). Issledovanie lichnostnyh osobennostej i determinant social'nyh predstavlenij [The study of personality traits and determinants of social representations] // Sovremennaya psihologiya: sostoyanie i perspektivy issledovaniy [Modern psychology: state and prospects of research]. Part 2. M.: Izd-vo «Institut Psihologii RAN» [Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. P. 71-85.
4. Abul'hanova K.A., Slavskaya A.N. (2016). Mentalitet i pravovoe soznanie rossijskoj lichnostiyu. Vypusk 2 [The mentality and legal consciousness of the Russian personality, release 2] // Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta [Historiogenesis and the current state of the Russian mentality]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. P. 125-170.
5. Akopov G.V., Davydkina L.V., Semenova T.V. (2015). Mental'nost' kak gruppovoe soznanie [Mentality as a group consciousness]. Samara: Izd-vo PGSGA [Samara: publ. Samara State Socio-Pedagogical University].
6. Akopyan T.A. (2003). Detsko-roditel'skie otnosheniya kak faktor formirovaniya etnicheskoy identichnosti v nacional'no-smeshannyh sem'yah [Child-parent relations as a factor in the formation of ethnic identity in ethnically mixed families]. Avtoref. kand. psihol. nauk [Ph. D. (Psychology) Thesis]. Sankt-Peterburg.
7. Andreeva G.M. (2001). Social'naya psihologiya [Social psychology]. M.: Izd-vo «Aspekt Press» [Moscow: Publ. «Aspekt Press»].
8. Bel'zen YA. (2013). Budushchee psihologii religii [The future of the psychology of religion] // Religiovedcheskie issledovaniya [Religious studies]. №7-8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/budushee-psihologii-religii> (data obrashcheniya: 10.02.2022).
9. Volovikova M.I. (2005). Predstavleniya russkih o npravstvennom ideale [Russian ideas about the moral ideal]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences].
10. Volovikova M.I., Grenkova L.L. (1997). Sovremennye predstavleniya o poryadochnom cheloveke [Modern ideas about a decent person] // Rossijskij mentalitet: voprosy psihologicheskoy teorii i praktiki [Russian mentality: issues of psychological theory and practice]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. P. 93-111.
11. Volovikova M.I., Mustafina L.SH. (2016). Predstavleniya o sovesti v rossijskom mentalitete [Ideas about conscience in the Russian mentality]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences].
12. Gladskih D.S. (2020). Vliyanie osnovnyh filozofsko-religioznyh uchenij Kitaya na sovremennyj mentalitet kitajcev [The influence of the main philosophical and religious teachings of China on the modern mentality of the Chinese] // Moloдеzhnyj vestnik Sankt-Peterburgskogo instituta kul'tury [Youth bulletin of the St. Petersburg institute of culture]. №2 (14). P. 100-102.
13. Grineva S.V. (2003). Mentalitet i mental'nost' sovremennoj Rossii [The mentality and mentality of modern Russia]. Nevinnomyssk: Nevinnomysskij TI.
14. Emel'yanova T.P. (2004). Krosskul'turnaya psihologiya: problemy i tendencii razvitiya [Cross-cultural psychology: problems and development trends] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]. V. 25. №1. P. 61-69.
15. Emel'yanova T.P. (2016). Social'nye predstavleniya: istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya [Social representations: history, theory and empirical research]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences].
16. Zhuravlev A.L., Kol'cova V.A. (2016). Rossijskij mentalitet kak predmet psihologicheskogo issledovaniya: sushchnostnye harakteristiki i faktory formirovaniya. Vypusk 2 [Russian mentality as a subject of psychological research: essential characteristics and formation factors, release 2] // Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta [Historiogenesis and the current state of the Russian mentality]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. P. 7-38.

17. Kozlov D.S., Dianova N.F. (2020). Russkij harakter i nacional'nyj mentalitet Rossii [*Russian character and national mentality of Russia*] // *Modern Science*. № 5-1. P. 470-473.
18. Kol'cova V.A. (2015). Rossijskij mentalitet kak predmet social'no-psihologicheskogo issledovaniya [*Russian mentality as a subject of socio-psychological research*] // *Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta* [*Historiogenesis and the current state of the Russian mentality*]. M.: Izd-vo: «Institut psihologii RAN» *Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. P. 5-18.
19. Kol'cova V.A., Holondovich E.N. (2013). Voploshchenie duhovnosti v lichnosti i tvorchestve F.M. Dostoevskogo [*The embodiment of spirituality in the personality and work of F. M. Dostoevsky*]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [*Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*].
20. Lebedeva N.M. (1998). Vvedenie v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psihologiyu [*Introduction to ethnic and cross-cultural psychology*]. M.: Staryj sad [*Moscow: Publ. Staryj sad*].
21. Marfusalo A.D. (2002). Mudrost' ekotradicij severyan [*The wisdom of eco-traditions of northerners*]. YAKUTSK: Izd-vo YAF SO RAN [*Yakutsk: Publ. Yakut Branch of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*].
22. Moskovichi S. (1995). Social'nye predstavleniya: istoricheskij vzglyad [*Social representations: a historical perspective*] // *Psihologicheskij zhurnal* [*Psychological journal*]. V. 16. №1. P. 3-15.
23. Pishchik V.I. (2021). Psihologicheskie karakteristiki «novogo pokoleniya»: gomogenost' VC geterogenost' [*Psychological characteristics of the "new generation": homogeneity VC heterogeneity*] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Pedagogika i psihologiya* [*Bulletin of the Peoples' friendship university of Russia. Series: Pedagogy and psychology*]. V. 18. №1. P. 42-63.
24. Popova D.A., Nafanailova M.S. (2016). Cennosti muzhchin saha v globaliziruyushchemsya mire [*Values of Sakha men in a globalizing world*] // *Etnicheskaya psihologiya i sovremennye realii: sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchnoj internet-konferencii* (Yakutsk, 11-14 aprelya) [*Ethnic psychology and modern realities: collection of materials of the II International Scientific Internet Conference* (Yakutsk, April 11-14)]. Yakutsk – Novosibirsk: Izd-vo CRNS. P. 76-79.
25. Poptnyagin I.S. (1999). Etnopedagogika «Kyt-syp» [*Ethnopedagogy «Kut-syr»*]. M.: Izd-vo «Academia» [*Moscow: Publ. «Academia»*].
26. Reznikov E.N. (2014). Psihologicheskij oblik russkih (na materiale issledovaniya zhitelej Kostromskoj oblasti) [*The psychological appearance of russians (on the basis of a study of residents of the Kostroma region)*]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [*Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*].
27. Savvinov A.S. (1995). «Kyt-syp» kak fopma yakytskoj mental'nosti ["*Kut-syr*" as a form of the Yakut mentality] // *Mezhdynapodnaya zhizn'* [*International life*]. Yakutsk: Izd-vo YANC SO PAN [*Yakutsk: Publ. Yakut National Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*]. P. 104-108.
28. Sanzhaeva R.D. (2020). Etnopsihologiya buryat [*Ethnopsychology of the buryats*]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gos. un-ta [*Ulan-Ude: Publ. Buryat State University*].
29. Smirnova N.L. (2000). Obraz umnogo rebenka: issledovanie implicitnyh koncepcij [*The Image of the Smart Child: Exploring Implicit Concepts*] // *Sovremennaya lichnost': social'nye predstavleniya, myshlenie, razvitie v norme i patologii* [*Modern personality: social representations, thinking, development in norm and pathology*]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [*Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. P. 18-25.
30. Stefanenko T.G. (1999). Etnopsihologiya [*Ethnopsychology*]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», «Akademicheskij proekt» [*Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, «Academic project»*].
31. Tarshis E.YA. (2012). Mental'nost' cheloveka: podhody k koncepcii i postanovka zadach issledovaniya. Izd. 2 [*Human mentality: approaches to the concept and setting research objectives. Ed. 2*]. M.: Izd-vo «Knizhnyj dom Librokom» [*Moscow: Publ. «Book publishing house Librokom»*].
32. Ushakov D.N. (2017). Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya redakciya [*Great*

- dictionary of Russian language. Modern edition*. M.: OOO «Hit-kniga» [Moscow: Hit Book LTD.].
33. Haritonova E.V. (2015). Sootnoshenie ponyatij «mentalitet» i «mental'nost'» [*Correlation between the concepts of "mentality" and "mentality"*] // *Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta* [*Historiogenesis and the current state of the Russian mentality*]. M.: Izd-vo: «Institut psihologii RAN» » [Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. P. 226-237.
34. Azuma H., Kashiwagi K. (1987). Descriptors for an intelligent person: A Japanese study // *A Japanese Psychological Research*. V. 29. № 1. P. 17-26.

The article was received 25.01.2022.

История психологии

НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ШКОЛ: К ВОПРОСУ О НАУЧНЫХ ШКОЛАХ В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ 1920-1930-х гг.

© Богданчиков С.А.

к.пс.н., Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия
bogdanchsa@gmail.com

В статье ставится вопрос о научных школах в отечественной психологической науке 1920-1930-х гг. Дается краткая характеристика девяти школ: Г.И. Челпанова, В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, М.Я. Басова, К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе и Харьковской школы. Делается вывод о необходимости дальнейшего изучения данного периода на уровне научных школ и в целом.

Ключевые слова: история советской психологии, научные школы, период 1920-1930-х годов, Г.И. Челпанов, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, М.Я. Басов, К.Н. Корнилов, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе

*– А был ли мальчик?
– Мальчика не было, была девочка.
Студенческий фольклор*

Постановка проблемы

Сколько было научных школ в советской психологии (психологической науке в СССР) в период 1920-1930-х гг.? Вопрос далеко не праздный, особенно если мы хотим получить адекватное представление об истории отечественной психологической науки советского периода в целом.

При ближайшем рассмотрении выясняется, что при ответе на этот вопрос нам надо учитывать как минимум два принципиально важных обстоятельства: во-первых, какой исходный смысл мы будем вкладывать в понятие «научная школа»; во-вторых, какими конкретными фактами (сведениями, первоисточниками) по данному вопросу мы располагаем.

При таком подходе различные ответы на поставленный вопрос у спорящих сторон следует объяснять либо тем, что используются различные трактовки понятия «научная школа», либо тем, что спорящие стороны располагают различным набором фактов. Впрочем, не будем сбрасывать со счетов и третий, «синтетический» ва-

риант, когда налицо и то, и другое – и трактовки разные, и факты не совпадают.

Неискушенному уму может показаться, что решение вопроса состоит в том, чтобы, задав с самого начала как можно более четкое определение понятия «научная школа», затем с помощью этого понятия скрупулезно рассмотреть все имеющиеся факты (подвести их под понятие). Однако здесь всё не так просто.

Во-первых, где гарантии, что наше исходное определение, будучи априорным, является правильным? Во-вторых, где гарантии, что, вооружившись даже абсолютно правильным определением, мы будем располагать полным набором фактов (иметь всю необходимую информацию)? В-третьих, даже поклявшись иметь дело с фактами и только с фактами, мы, вспомнив о принципиально неустранимой «нагруженности» любого факта теорией, должны как-то учитывать, что в фактах, с которыми мы имеем дело, в неявном виде уже исходно заложено определенное понимание научной школы. В итоге мы снова оказываемся в начальной точке своего исследования...

Каков же выход? Практика показывает, что «тоннель надо рыть с двух сторон», то есть двигаться не прямолинейно и односторонне, а циклично и двусторонне: задав определенное понятие научной школы, приступить к работе с фактами, затем, если оно того требуют, скорректировать исходное понятие и т.д. Самое главное требование заключается в том, что в любой момент, на любом этапе нашего исследования мы должны ясно понимать, с какой совокупностью фактов мы имеем дело и каким определением научной школы руководствуемся.

В данной статье мы решили пойти чисто эмпирическим путем: не вдаваясь в терминологические тонкости и фактологические нюансы, предпринята попытка хотя бы в самом первом приближении определиться с исходным списком научных школ в советской психологии 1920-1930-х гг.

В ходе работы с первоисточниками и на основе изучения историографии вопроса [1-9; 11; 13-16] было обнаружено девять научных школ в советской психологии 1920-1930-х гг. В каждой из них нас интересовали следующие вопросы: 1) персональный состав (лидер школы, его ученики и последователи); 2) хронология (генезис, этапы развития школы); 3) теория (концепция, программа, методы, проблемы); 4) социальный институт (учреждение, организация, на базе которой функционирует школа – кафедра, факультет, институт и т.п.); 5) степень изученности школы.

В совокупности эти сведения должны подтвердить правомерность выделения нами девяти научных школ в советской психологии 1920-1930-х гг.

Школа Г.И. Челпанова

Школа Г.И. Челпанова (В.А. Артемов, П.П. Блонский, Н.Ф. Добрынин, Н.И. Жинкин, К.Н. Корнилов, С.В. Кравков, П.А. Рудик, Н.А. Рыбников, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, П.А. Шеварев, Г.Г. Шпет, А.М. Щербина, В.М. Экземплярский и др.) сложилась в русской дореволюционной психологии благодаря целенаправленной теоретической, научно-организаторской и педагогической деятельности Г.И. Челпанова (1862-1936), которая функционировала под его непо-

средственным руководством в течение примерно тридцати лет (с конца 90-х гг. XIX в. до второй половины 20-х гг. XX в.) сначала в Киевском, а затем в Московском университете. Научная школа разрабатывала философские, методологические, теоретические, экспериментальные и прикладные проблемы психологии с позиций традиционной эмпирической (интроспективной) психологии сознания В. Вундта и Э. Титченера.

Как показывает изучение первоисточников [1-9; 11; 14; 15], в развитии школы Г.И. Челпанова можно выделить три периода. В течение первого периода (1897-1912) школа Г.И. Челпанова сформировалась как научно-образовательная. Значение второго периода (1912-1923) состояло в том, что к началу 1920-х гг. школа Г.И. Челпанова сформировалась как «школа – исследовательский коллектив», о чем свидетельствуют такие признаки, как наличие общепсихологической концепции и научно-исследовательской программы, высокий научный и социальный статус лидера, сплоченный и устойчивый коллектив единомышленников, мощная материальная база (Психологический институт), свой журнал «Психологическое обозрение», характерный для школы общий стиль научной деятельности, множество разнообразных публикаций, выход в область прикладных и практических проблем.

Однако в 1920-е гг. школа Г.И. Челпанова вследствие целенаправленной деструктивной политики Советского государства прекратила свое существование. Уже в начале 1920-х гг. идеалистическая психология была официально запрещена как предмет преподавания. Переломным в истории школы Г.И. Челпанова стал 1923 г.: в ноябре 1923 г. Г.И. Челпанов был отстранен от должности директора института и уволен на пенсию. В этом смысле можно сказать, что в конце 1923 г. школа Г.И. Челпанова организационно прекратила свое сосуществование. Однако, как показывает изучение судьбы школы Г.И. Челпанова, она (как и вся субъективная психология в России) не исчезла мгновенно, полностью и бесследно, а продолжала существовать и бороться, на всем протяжении 1920-х гг. отстаивая свое право на существование и дальнейшее развитие. Это выражалось, прежде всего, в профессио-

нальной деятельности Г.И. Челпанова и его учеников. Перестав функционировать в 1920-е гг. в качестве научно-образовательного и научно-исследовательского учреждения, школа Г.И. Челпанова тем не менее оказала существенное влияние на последующее развитие психологии в СССР, прежде всего благодаря Психологическому институту и сформированным в школе высокопрофессиональным научным кадрам со сложившимися традициями, принципами и навыками научной работы.

Школа В.М. Бехтерева

Школа В.М. Бехтерева (В.Н. Мясищев, А.Л. Шнирман, В.Н. Осипова, В.П. Протопопов, Г.Н. Сорохтин, Б.Г. Ананьев, А.В. Дубровский, Н.М. Щелованов, А.В. Ярмоленко и др.) возникла благодаря В.М. Бехтереву (1857-1927) и функционировала под его руководством в течение примерно двадцати лет на базе разветвленной сети учебных и научно-исследовательских учреждений – Психоневрологического Института (1908), Института мозга (1918), Психоневрологической Академии (1921) и др. Теоретико-методологической основой школы явилась рефлексология – разработанное В.М. Бехтеревым учение, в котором центральной была задача объективного изучения поведения и психической деятельности с помощью рефлексов («простых» и «сочетательных»), протекающих с участием головного мозга и в совокупности образующих так называемую «соотносительную деятельность».

Значение В.М. Бехтерева и его школы для отечественной психологии – и в целом, и для периода 1920-х гг. в особенности – трудно переоценить. В.М. Бехтерев – одна из центральных и ключевых фигур в советской психологии 1920-х гг. Почти с самого начала, когда большевики пришли к власти, он стал их на стороне. Это позволило развивать рефлексологию и идейно, и организационно: появилась рефлексология социальная, генетическая, патологическая и т.д. Период 1920-х гг., несомненно, можно считать высшей ступенью развития рефлексологии. На протяжении 1920-х гг., вплоть до последних дней жизни В.М. Бехтерев выступал как неутомимый организатор науки и плодовитый ученый. Однако после его смерти и последовавшей в

1929-1930-х гг. «рефлексологической дискуссии» рефлексология как научное направление вскоре прекратила свое существование.

Историческое значение школы В.М. Бехтерева состоит в том, что в качестве естественнонаучного направления она явилась значимым фактором развития психологии в России, а затем в СССР в первой трети XX в. и в последующем, послужив, что немаловажно, основой для возникновения Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы (Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев и др.).

Школа И.П. Павлова

При выяснении вопроса о том, какую именно роль играла школа И.П. Павлова – выдающегося русского физиолога, создателя учения о высшей нервной деятельности в 1920-1930-е гг. для советской психологии, важно учитывать три обстоятельства. Во-первых, это была прежде всего физиологическая школа, которая, однако, по многим вопросам работала на стыке физиологии с психологией и психофизиологией. Во-вторых, речь должна идти о влиянии на психологию не столько И.П. Павлова (1849-1936), его деятельности, идей и трудов, сколько всей его школы – его сотрудников, учеников, единомышленников (Л.А. Орбели, К.М. Быков, Г.П. Зеленый, А.Г. Иванов-Смоленский, А.К. Ленц, Н.А. Подкопаев, В.В. Савич, Ю.П. Фролов, Д.С. Фурсиков и др.). В-третьих, важно учитывать, насколько полно сами психологи в 1920-1930-е гг. проявляли интерес к учению И.П. Павлова, к идеям его школы, знали эти идеи, учитывали их.

Для развития советской психологии большое значение в 1920-е гг. имели работы И.П. Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных» (1923) (второе, третье и четвертое издания вышли в 1924, 1925 и 1928 гг.) и «Лекции о работе больших полушарий головного мозга» (1927), а также многочисленные статьи и выступления самого И.П. Павлова, его учеников и сотрудников. Однако, фактически к концу 1930-х гг. психологическая составляющая в системе воззрений школы И.П. Павлова была сведена к минимуму.

Школа М.Я. Басова

Школа М.Я. Басова (Р.С. Абельская, Е.Д. Герке, Е.Я. Голант, Е.И. Зейлигер-Рубинштейн, М.А. Левина, В.С. Мерлин, А.И. Неклюдова, О.В. Неопиханова, Л.Н. Философова и др.) – одна из ведущих научных школ в структуре психологической науки в СССР в период 1920-1930-х гг. Данная школа сложилась и функционировала под руководством Михаила Яковлевича Басова (1892-1931) на протяжении 1920-х гг. на базе Психоневрологической академии и Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. По своим философским, мировоззренческим и идеологическим ориентирам школа М.Я. Басова относится к новаторскому направлению в отечественной психологической науке 1920-х гг. – марксистской психологии. На протяжении 1920-х гг. профессиональная карьера М.Я. Басова складывалась вполне успешно: в 1922 г. вышла его монография «Воля как предмет функциональной психологии», в этом же году он стал профессором, в 1928 г. вышло первое издание его фундаментальных «Общих основ педологии», второе издание – три года спустя. Пик активности школы М.Я. Басова приходится на вторую половину 1920-х гг. Но вследствие резко обострившейся в 1930-1931 гг. идеологической критики и последовавшей смерти М.Я. Басова его школа в одночасье была ликвидирована.

Историческое значение школы М.Я. Басова состоит в том, что она явилась одной из составных частей и важным этапом в развитии Санкт-Петербургской (ленинградской) научной школы и советской психологии в целом. Общепсихологические идеи М.Я. Басова оказали большое влияние на концепции А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и В.С. Мерлина – современные исследователи подчеркивают, что именно в школе М.Я. Басова обнаруживаются истоки деятельностного подхода.

Школа К.Н. Корнилова

Школа К.Н. Корнилова – основанная К.Н. Корниловым одна из ведущих научных школ в структуре психологической науки в СССР в период 1920-1930-х гг. Также, как и школа М.Я.

Басова, содержательно относилась к формировавшемуся в эти годы новому направлению – марксистской психологии. После того, как К.Н. Корнилов в конце 1923 г. стал директором Психологического института, у него появилась реальная возможность на руинах школы Г.И. Челпанова (и на материальной базе Психологического института) создать собственную научную школу. Учитывая, что К.Н. Корнилов был смещен с поста директора Института в 1930 г., семь лет – вполне достаточный срок для создания собственной школы.

Оценивая школу К.Н. Корнилова в целом [1; 4-6; 11; 14; 15], следует отметить, что если вычлечь из идейного багажа школы К.Н. Корнилова критическую часть (причем не только в адрес Г.И. Челпанова, но и В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, Э.С. Енчмена, В.Я. Струминского, А.Н. Залманзона и др.), то в позитивной части останутся: 1) лозунг, идея и программа марксистской психологии; 2) эксперименты в рамках реактологии (в том числе по взрывным реакциям); 3) прикладные исследования – московского пролетария и др.; 4) собственно организаторская деятельность К.Н. Корнилова как директора Института и лидера научной школы и вытекающее отсюда значение этой деятельности для консолидации всей психологической науки в СССР на протяжении 1920-х гг. в рамках проекта («лозунга») построения новой, марксистской психологии. Не будем забывать и о том, что первый этап формирования школы Л.С. Выготского (в середине и второй половине 1920-х гг.) фактически проходил внутри и на базе школы К.Н. Корнилова.

Школа Л.С. Выготского

Школа Л.С. Выготского – одна из ведущих научных школ в структуре марксистской психологии и всей психологической науки в СССР в период 1920-1930-х гг. Выделение культурно-исторической теории Л.С. Выготского в качестве одного из основных явлений и событий в истории отечественной общей психологии не требует специального обоснования, тем более, что в настоящее время идеи этой школы не только воспроизводятся, изучаются и обсуждаются, но и всесто-

ронне развиваются и в нашей стране, и за рубежом. Работы Л.С. Выготского 1920-х гг. заложили основы для дальнейшего развития советской психологии, в первую очередь – в работах его учеников, единомышленников и продолжателей (А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина и др.). Оформление культурно-исторической теории произошло уже во второй половине 1920-х гг. А.Н. Леонтьев во вступительной статье к первому тому собрания сочинений Л.С. Выготского писал: «Период научной деятельности Выготского и его сотрудников в 1927-1931 гг. исключительный по насыщенности и значению для последующей истории советской психологии. Именно тогда были разработаны основы культурно-исторической теории развития психики» [21, с. 19], и далее из самых ранних в этом плане указываются работы Л.С. Выготского, относящиеся к 1928-1929 г.г. – статьи «Инструментальный метод в педологии» и «Проблема культурного развития ребенка», «Генетические корни мышления и речи» и др. О том же говорится и у А.А. Леонтьева: «Первой публикацией по культурно-исторической теории является, как известно, статья Выготского “Проблема культурного развития ребенка”» [19, с. 73]. Но уже в первой половине 1930-х гг. в ходе идеологических дискуссий школа Л.С. Выготского была раскритикована и фактически запрещена; дополнительную негативную роль сыграло партийное постановление «О педологических извращениях в системе наркомпросов» (1936).

Историческое значение школы Л.С. Выготского состоит в том, что из нее возникла крупнейшая в советской психологии школа (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, Д.Б. Эльконин и др.). Школа Л.С. Выготского («школа Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева – А.Р. Лурия», «культурно-деятельностная психология») оказала и продолжает оказывать существенное влияние как на отечественную, так и на мировую психологическую мысль.

Харьковская школа

Харьковская школа (В.И. Аснин, Л.И. Божович, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, О.М. Концевая, А.Н. Леонтьев, Г.Д. Луков, А.Р.

Лурия, В.В. Мистюк, К.Е. Хоменко и др.) в настоящее время мало изучена в силу ряда причин. Прежде всего, из-за недостаточности публикаций и труднодоступности архивных материалов, а также вследствие общей ситуации в советской психологии в середине 1930-х гг., после постановления о педологии (1936).

Для исследователя истории советской психологии еще один источник проблем заключается в том, что Харьковская школа обычно берется не как самостоятельный объект исследования, а исключительно как эпизод из научной биографии А.Н. Леонтьева или, шире, – школы Л.С. Выготского. Впрочем, информацию о харьковской школе можно также найти в публикациях о других ее членах – П.И. Зинченко, В.И. Аснине, А.В. Запорожце, в контексте биографий Л.С. Выготского и (особенно) А.Н. Леонтьева. Например, в книге А.А. Леонтьева «Деятельный ум» (2001) (что характерно, А.А. Леонтьев в этой книге пишет о «харьковской группе», а не о «харьковской школе»), в обстоятельной научной биографии А.Н. Леонтьева [20], в которой особенно информативен параграф «Харьков и вокруг него» (с. 40-60), где на первый план выводится роль А.Н. Леонтьева как лидера и организатора. Много новых сведений содержится в статье А. Ясницкого «Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931-1936 гг.» и в других работах этого автора, посвященных Харьковской школе [24; 25].

В 2011 г. был опубликован любопытный архивный документ – подготовленная А.Н. Леонтьевым (по-видимому, в 1945-1946 гг.) справка «Харьковская психологическая школа» [22], с двумя предваряющими комментариями – статьей Е.Е. Соколовой и кратким «Предисловием к публикации» В.П. Зинченко. Из последних крупных работ, посвященных Харьковской школе, следует назвать вышедший в 2012 г. (в 80-летнему юбилею кафедры психологии в Харьковском национальном педагогическом университете) сборник «Харьковская школа психологии: наследие и современная наука» (2012), где в третьем разделе «История Харьковской психологической школы» опубликованы статьи А. Ясницкого, Е.В. Заики и М.А. Кузнецова, Т.В. Сергеевой и других авторов [23]. Сюда же непосред-

ственно примыкает статья В.П. Зинченко «К 80-летию Харьковской психологической школы», написанная, как сказано в аннотации, на основе доклада, сделанного на Международной конференции, посвященной 80-летию Харьковской психологической школы (Харьков, октябрь 2012 г.), организованной Харьковским национальным педагогическим университетом им. Г.С. Сковороды [17].

Школа С.Л. Рубинштейна

Школа С.Л. Рубинштейна – одна из ведущих научных школ в структуре психологической науки в СССР в период 1920-1930-х гг.

В жизни и деятельности С.Л. Рубинштейна выделяются четыре периода – марбургский, одесский, ленинградский и московский. С 1930 г. по 1942 г. С.Л. Рубинштейн возглавлял кафедру психологии Ленинградского государственного педагогического института (ЛГПИ) им. А.И. Герцена. В 1930-е гг. научная карьера С.Л. Рубинштейна резко пошла вверх. Им было опубликовано одиннадцать статей, а также «Основы психологии» (1935) и «Основы общей психологии» (1940) – две большие работы, которые в целом удачно (хотя и, судя по всему, вынужденно) совмещали в себе свойства не только учебника и теоретической монографии, но и методологического исследования, направленного на разработку собственной научно-исследовательской программы. В 1937 г. С.Л. Рубинштейн без защиты (по совокупности работ, главным образом за «Основы психологии») стал доктором наук – в числе первых в психологии, вслед за П.П. Блонским (ставшим доктором наук в 1935 г.), К.Н. Корниловым (также в 1935 г.) и А.П. Болтуновым (в 1936 г.).

Так в научной биографии С.Л. Рубинштейна постепенно складывались формальные предпосылки для создания собственной научной школы. Следующим звеном в этом процессе должна была стать организация коллективной научной деятельности, основой которой является научно-исследовательская программа. И действительно, в ленинградский период С.Л. Рубинштейном на кафедре психологии ЛГПИ им. А.И. Герцена была развернута большая теоретическая и экспери-

ментальная научно-исследовательская работа: по состоянию на конец 1941 г. в школу С.Л. Рубинштейна входили В.А. Горбачева, А.С. Звоницкая, А.Г. Зоргенфрей, А.Г. Комм, Д.И. Красильщикова, А.М. Леушина, Г.Т. Овсепян, С.Ф. Розенфельд, А.П. Семенова, В.Е. Сыркина, И.А. Френкель, С.Н. Шабалин и М.Г. Ярошевский.

Историческое значение школы С.Л. Рубинштейна в рассматриваемый период состояло в том, что во второй половине 1930-х гг. она выступила в качестве системообразующего и консолидирующего фактора в развитии и функционировании всей психологической науки в СССР.

Школа Д.Н. Узнадзе

Психология установки (И.Т. Бжалава, А.С. Прангишвили, Б.И. Хачапуридзе, Р.Г. Натадзе, Ш.Н. Чхартишвили, А.Е. Шерозия, Н.В. Элиава и др.) – одно из ведущих направлений в российской психологии советского периода, представленное грузинской школой Д.Н. Узнадзе. Автором теории установки, создателем и лидером грузинской психологической школы был выдающийся грузинский (советского периода) психолог и философ Дмитрий Николаевич Узнадзе (1886-1950). С формальной точки зрения школа Д.Н. Узнадзе из всех школ, возникших уже в советское время, пожалуй, в наибольшей степени обладает всеми признаками научной школы и потому в наименьшей степени вызывает вопросы относительно своего статуса. Это видно и по ее программе, и по продолжительности существования, и по достигнутым результатам.

Исходя из тех же критериев, что и в случае с остальными школами в советской психологии (Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и других) – достаточно сложившийся и устойчивый коллектив единомышленников во главе с лидером, исследовательская программа, методологическая концепция, конкретные разработки, значимые достижения, соответствующие публикации, материальная база, возможность растить учеников, продолжительность существования, авторитет в научном сообществе, историческое значение – зарождение школы Д.Н. Узнадзе следует отнести к тому же периоду,

что и зарождение школы С.Л. Рубинштейна, т.е. к периоду 1920-1930-х гг.

Школа Д.Н. Узнадзе интересна еще и в том отношении, что дает наглядное представление о том, что могло бы получиться из предпринимавшихся в СССР на протяжении 1920-1930-х гг. многочисленных попыток создания новых психологических школ, если бы эти школы не были полностью подавлены или, подвергнутые кардинальным трансформациям, уложены в Прокрустово ложе советской идеологии, а продолжали бы свое самостоятельное развитие, находясь в относительной изоляции от всей остальной советской психологии. Интеграция школы Д.Н. Узнадзе в систему советской психологии значительно усилилась в послевоенные годы, особенно в первой половине 1950-х гг. Окончательно статус школы Д.Н. Узнадзе как составной части всей советской психологии оформился в 1955 г. Именно в этом году она наконец-то была признана полноправной составной частью «системы советской психологии».

Ключевым событием в драматичном процессе интеграции школы Д.Н. Узнадзе в «систему советской психологии» стало Третье Всесоюзное совещание по психологии. Как показали последующие события, тезис о том, что грузинская школа установки не только формально, но и содержательно – фактически, организационно, на уровне деловых и неформальных связей и отношений, а также на уровне исходных методологических принципов и конечных эмпирических результатов – вошла в систему советской психологии, стала ее составной частью, после Третьего Всесоюзного совещания по психологии ни у кого уже не вызывал сомнений [10; 18]. Развернувшаяся в последующие годы дискуссия (главным образом на страницах журнала «Вопросы психологии» позволила школе Д.Н. Узнадзе упрочить свой научный статус и повысить свой авторитет, причем не только в контексте всей советской психологии, но и на международном уровне [12].

Выводы

1. В начале 1920-х гг. психологическая наука в Советской России (СССР) на уровне научных школ была представлена школами Г.И. Челпанова, В.М. Бехтерева и И.П. Павлова. На протяже-

нии 1920-х гг. в СССР происходило формирование школ марксистской психологии – школ М.Я. Басова, К.Н. Корнилова и Л.С. Выготского. Но уже к середине 1930-х гг. эти школы подверглись критике и фактически прекратили существование. В это же время (в середине 1930-х гг.) оформились еще две школы – Харьковская школа и школа С.Л. Рубинштейна. Кроме того, к периоду 1920-1930-х гг. относится начальный этап развития научной школы («школы-направления») Д.Н. Узнадзе.

2. Марксистская психология как определенное научное направление возникла и формировалась в СССР в 1920-1930-е гг. На протяжении этого периода марксистская психология была представлена школами М.Я. Басова, К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, Харьковская школой и школой С.Л. Рубинштейна.

3. К концу периода 1920-1930-х гг. психологическая наука в СССР в целом на уровне общепсихологических (теоретических) школ и научно-исследовательских центров фактически была представлена Харьковской школой, школой С.Л. Рубинштейна, московским НИИ психологии, а также находящимися на начальном этапе развития школами Б.Г. Ананьева, Г.С. Костюка, А.Н. Леонтьева и Д.Н. Узнадзе. Но с формальной (идеологической, государственной) точки зрения к концу 1930-х гг. в СССР была только одна, особая (самая передовая, монолитная и боевая) психологическая наука – советская психология. И если применительно к 1920-м гг. еще можно говорить о разнообразных школах в отечественной психологической науке, то период 1930-х гг. нам следует характеризовать совсем по-другому: это было не время для школ.

Все это требует дальнейшего изучения развития и функционирования отечественной психологической науки в 1920-1930-е гг. на уровне отдельных научных школ и в целом.

Литература

1. Богданчиков С.А. Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. Саратов: СЮИ МВД России, 2000.

2. Богданчиков С.А. Сквозь время: школа Г.И. Челпанова в ее развитии, основных чертах и историческом значении // *Методология и история психологии*. 2008. Т. 3. Вып. 2. С. 33-50.
3. Богданчиков С.А. К вопросу о персональном составе школы С.Л. Рубинштейна // *Методология и история психологии*. 2008. Т. 3. Вып. 4. С. 159-179.
4. Богданчиков С.А. Современные отечественные авторы о научных школах в советской психологии 1920-1930-х гг. (опыт детального критического анализа) // *Методология и история психологии*. 2009. Т. 4. Вып. 2. С. 7-31.
5. Богданчиков С.А. Научные школы в советской психологии 1920-1930-х годов (историография проблемы) // *История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи», 30 июня – 03 июля 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 447-457.*
6. Богданчиков С.А. История советской психологии: 1920-1930-е годы. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2011.
7. Богданчиков С.А. Изучение творческого наследия М.Я. Басова и его научной школы в отечественной истории психологии // *Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.*
8. Богданчиков С. А. Фигура и фон (к вопросу о месте и роли Г. И. Челпанова в становлении советской психологии) // *Гуманитарный вестник ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет имени Григория Сковороды»*. Дополнение 1 к вып. 29, т. 1: Тематический выпуск «Международные Челпановские психолого-педагогические чтения». Киев: Гнозис, 2013а. С. 14-18.
9. Богданчиков С.А. Открывая Г.И. Челпанова (Г.И. Челпанов и его школа в контексте истории российской психологии: исследования и материалы). Научная монография. М.: Директ-Медиа, 2013б.
10. Богданчиков С.А. Школа Узнадзе в системе советской психологии // *Вопросы психологии*. 2014. № 3. С. 131-141.
11. Богданчиков С.А. Советская исследовательская и практическая психология 1920-1930-х годов (к историографии вопроса) // *Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015а. С. 337-384.*
12. Богданчиков С.А. Школа Д.Н. Узнадзе в контексте советской психологии 1950-1960-х гг.: время дискуссий (по материалам журнала «Вопросы психологии») // *Вопросы психологии*. 2015б. № 5. С. 106-116.
13. Богданчиков С.А. К истории отечественной психологии советского периода: М.Я. Басов и его школа // *История российской психологии в лицах: Дайджест*. 2016. № 6. С. 205-226.
14. Богданчиков С.А. Проблемы истории и историографии советской психологии: монография. М.: АСОУ, 2018.
15. Богданчиков С.А. Становление советской психологии (1920-1930-е годы): учеб. пособие. М.: АСОУ, 2020. (Министерство образования Московской области, Академия социального управления)
16. Богданчиков С.А. Очерки источниковедения истории советской психологии: учебное пособие. М.: АСОУ, 2021. (Министерство образования Московской области, Академия социального управления)
17. Зинченко В.П. К 80-летию Харьковской психологической школы // *Вопросы психологии*. 2012. № 6. С. 133-148.
18. Имедадзе И.В. Школа Узнадзе: штрихи к истории // *Вопросы психологии*. 2015. № 2. С. 120-130.
19. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001.
20. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.

21. Леонтьев А.Н. О творческом пути Л.С. Выготского (Вступительная статья) // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 9-41.
22. Леонтьев А.Н. Харьковская психологическая школа (Справка) // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 134-138.
23. Харьковская школа психологии: наследие и современная наука / Отв. ред. Т.Б. Хомуленко, М.А. Кузнецов. Х.: Изд-во ХНПУ имени Г.С. Сковороды, 2012.
24. Ясницкий А. Очерк истории Харьковской школы психологии: первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института и появление «Харьковской школы психологии» (1938) // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 95-106.
25. Yasnitsky A., Ferrari M. Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // History of Psychology. 2008. V. 11. № 2. P. 101-121.

Статья поступила в редакцию 23.02.2022.

NO TIME FOR SCHOOLS
(on the issue of scientific schools in Soviet psychology in the 1920s and 1930s)

© Sergey A. Bogdanchikov
Ph.D. (psychology), Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
bogdanchsa@gmail.com

The article raises the question of scientific schools in national psychological science in 1920-1930th. A brief characteristic of nine schools is given: G.I. Chelpanov, V.M. Bekhterev, I.P. Pavlov, M.Y. Basov, K.N. Kornilov, L.S. Vygotsky, S.L. Rubinstein, D.N. Uznadze and the Kharkov school. The conclusion of the necessity of further study of this period at the level of scientific schools and in general is made.

Keywords: history of Soviet psychology, scientific schools, period of 1920-1930s, G.I. Chelpanov, V.M. Bekhterev, I.P. Pavlov, M.Y. Basov, K.N. Kornilov, L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev, S.L. Rubinstein, D.N. Uznadze

REFERENCES

1. Bogdanchikov S.A. (2000). Proiskhozhdenie marksistskoj psihologii. Diskussiya mezhdu K.N. Kornilovym i G.I. Chelpanovym v otechestvennoj psihologii 20-h godov [The origin of Marxist psychology. Discussion between K.N. Kornilov and G.I. Chelpanov in the Russian psychology of the 20s.]. Saratov: SYUI MVD Rossii [Saratov: Saratov Law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia].
2. Bogdanchikov S.A. (2008). Skvoz' vremena: shkola G.I. Chelpanova v ee razvitii, osnovnyh chertah i istoricheskom znachenii [Through time: G.I. Chelpanov's school in its development, main features and historical significance] // Metodologiya i istoriya psihologii [Methodology and history of psychology]. V. 3. Issue. 2. P. 33-50.
3. Bogdanchikov S.A. (2008). K voprosu o personal'nom sostave shkoly S.L. Rubinshtejna [On the question of the personal composition of S.L. Rubinstein's school] // Metodologiya i istoriya

- psihologii [*Methodology and history of psychology*], V. 3. Issue 4. P. 159-179.
4. Bogdanchikov S.A. (2009). Sovremennye otechestvennye avtory o nauchnyh shkolah v sovetской psihologii 1920-1930-h gg. (opyt detal'nogo kriticheskogo analiza) [*Modern Russian authors about scientific schools in Soviet psychology of the 1920s-1930s. (experience of detailed critical analysis)*] // Metodologiya i istoriya psihologii [*Methodology and history of psychology*], V. 4. Issue 2. P. 7-31.
 5. Bogdanchikov S.A. (2010). Nauchnye shkoly v sovetской psihologii 1920-1930-h godov (istoriografiya problemy) [*Scientific schools in Soviet psychology of the 1920s-1930s (historiography of the problem)*] // Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: cenit' proshloe, lyubit' nastoyashchee, verit' v budushchee: Materialy mezhdunarodnoj konferencii po istorii psihologii «V Moskovskie vstrechi», 30 iyunya – 03 iyulya 2009 g. / Otv. red. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, YU.N. Olejnik [*History of domestic and world psychological thought: to appreciate the past, to love the present, to believe in the future: Materials of the International conference on the history of psychology "from the V Moscow meetings", June 30 - July 03, 2009. Ed. by A.L. Zhuravlev, V.A. Koltsova, Yu.N. Oleinik*]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"]. P. 447-457.
 6. Bogdanchikov S.A. (2011). Istoriya sovetской psihologii: 1920-1930-e gody [*History of Soviet psychology: 1920-1930s*]. Saratov: Saratovskij gosudarstvennyj social'no-ekonomicheskij universitet [Saratov: Saratov State Socio-Economic University].
 7. Bogdanchikov S.A. (2012). Izuchenie tvorcheskogo naslediya M.YA. Basova i ego nauchnoj shkoly v otechestvennoj istorii psihologii [*Studying the creative heritage of M.Ya. Basov and his scientific school in the national history of psychology*] // Razvitie psihologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznanija. CHast' 2 / Otv. red. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova [*Development of psychology in the system of complex human knowledge. Part 2. Ed. A.L. Zhuravlev, V.A. Koltsova*]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"]].
 8. Bogdanchikov S. A. (2013a). Figura i fon (k voprosu o meste i roli G. I. Chelpanova v stanovlenii sovetской psihologii) [*Figure and background (on the question of the place and role of G. I. Chelpanov in the formation of Soviet psychology)*] // Gumanitarnyj vestnik GVUZ «Pereyaslav-Hmel'nickij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni Grigoriya Skovorody». Dopolnenie 1 k vyp. 29, t. 1: Tematicheskij vypusk «Mezhdunarodnye Chelpanovskie psihologo-pedagogicheskie chteniya» [*Humanitarian Bulletin of the State Pedagogical University "Pereyaslav-Khmelniy State Pedagogical University named after Grigory Skovoroda". Supplement 1 to issue 29, vol. 1: Thematic issue "International Chelpanov psychological and pedagogical readings"*]. Kiev: Gnozis. P. 14-18.
 9. Bogdanchikov S.A. (2013b). Otkryvaya G.I. Chelpanova (G.I. Chelpanov i ego shkola v kontekste istorii rossijskoj psihologii: issledovaniya i materialy). Nauchnaya monografiya [*Opening G.I. Chelpanov (G.I. Chelpanov and his school in the context of the history of Russian psychology: research and materials). Scientific monograph*]. Moscow: Direkt-Media.
 10. Bogdanchikov S.A. (2014). SHkola Uznadze v sisteme sovetской psihologii [*The Uznadze school in the system of Soviet psychology*] // Voprosy psihologii [*Questions of psychology*]. № 3. P. 131-141.
 11. Bogdanchikov S.A. (2015a). Sovetskaya issledovatel'skaya i prakticheskaya psihologiya 1920-1930-h godov (k istoriografii voprosa) [*Soviet research and practical psychology of the 1920s-1930s (to the historiography of the question)*] // Vzaimootnosheniya issledovatel'skoj i prakticheskoy psihologii / Pod red. A.L. Zhuravleva, A.V. YUrevicha [*Relationship of research and practical psychology. Ed. by A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich*]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"]].

- Psychology of the Russian Academy of Sciences*"]. P. 337-384.
12. Bogdanchikov S.A. (2015b). SHkola D.N. Uznadze v kontekste sovetsoj psihologii 1950-1960-h gg.: vremya diskussij (po materialam zhurnala «Voprosy psihologii») [*Uznadze's school in the context of Soviet psychology of the 1950s-1960s: the time of discussions (based on the materials of the journal "Questions of Psychology")*] // Voprosy psihologii [*Questions of Psychology*]. № 5. P. 106-116.
 13. Bogdanchikov S.A. (2016). K istorii otechestvennoj psihologii sovetsoj perioda: M.Ya. Basov i ego shkola [*On the history of Russian psychology of the Soviet period: M.Ya. Basov and his school*] // Istoriya rossijskoj psihologii v licah: Dajzhest [*History of Russian psychology in persons: Digest*]. № 6. P. 205-226.
 14. Bogdanchikov S.A. (2018). Problemy istorii i istoriografii sovetsoj psihologii: monografiya [*Problems of history and historiography of Soviet psychology: monograph*]. M.: ASOU [*Moscow: Academy of Social Management*].
 15. Bogdanchikov S.A. (2020). Stanovlenie sovetsoj psihologii (1920-1930-e gody): ucheb. Posobie [*The formation of Soviet psychology (1920-1930-ies): textbook. manual*]. M.: ASOU, (Ministerstvo obrazovaniya Moskovskoj oblasti, Akademiya social'nogo upravleniya) [*Ministry of Education of the Moscow Region, Academy of Social Management*].
 16. Bogdanchikov S.A. (2021). Oчерki istochnikov istorii sovetsoj psihologii: uchebnoe posobie [*Essays on the source studies of the history of Soviet psychology: textbook*]. M.: ASOU, (Ministerstvo obrazovaniya Moskovskoj oblasti, Akademiya social'nogo upravleniya) [*Ministry of Education of the Moscow Region, Academy of Social Management*].
 17. Zinchenko V.P. (2012). K 80-letiyu Har'kovskoj psihologičeskoj shkoly [*To the 80th anniversary of the Kharkiv psychological school*] // Voprosy psihologii [*Questions of psychology*]. № 6. P. 133-148.
 18. Imedadze I.V. (2015). SHkola Uznadze: shtrihi k istorii [*Uznadze school: touches to history*] // Voprosy psihologii [*Questions of psychology*]. № 2. P. 120-130.
 19. Leont'ev A.A. (2001). Deyatel'nyj um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost') [*Active mind (Activity, Sign, Personality)*]. Moscow: Smysl.
 20. Leont'ev A.A., Leont'ev D.A., Sokolova E.E. (2005). Aleksej Nikolaevich Leont'ev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost' [*Alexey Nikolaevich Leontiev. Activity, consciousness, personality*]. Moscow: Smysl.
 21. Leont'ev A.N. (1982). O tvorčeskom puti L.S. Vygotskogo (Vstupitel'naya stat'ya) [*On the creative path of L.S. Vygotsky (Introductory article)*] // Vygotskij L.S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 1. [*Vygotsky L.S. Sobr. soch.: In 6 vol. V. 1.*]. Moscow. P. 9-41.
 22. Leont'ev A.N. (2011). Har'kovskaya psihologičeskaya shkola (Spravka) [*Kharkiv Psychological School (Reference)*] // Kul'turno-istoričeskaya psihologiya [*Cultural and historical psychology*]. № 3. P. 134-138.
 23. Har'kovskaya shkola psihologii: nasledie i sovremennaya nauka / Otv. red. T.B. Homulenko, M.A. Kuznecov [*Kharkiv School of Psychology: Heritage and Modern Science / Ed. T.B. Khomulenko, M.A. Kuznetsov*]. H.: Izd-vo HNPU imeni G.S. Skovorody [Publishing House of the Kharkiv National pedagogical University by G.S. Skovoroda], 2012.
 24. YAsnickij A. (2009). Oчерk istorii Har'kovskoj shkoly psihologii: pervaya nauchnaya sessiya Har'kovskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta i poyavlenie «Har'kovskoj shkoly psihologii» (1938) [*An essay on the history of the Kharkiv school of Psychology: the first scientific session of the Kharkiv State Pedagogical Institute and the appearance of the "Kharkiv School of Psychology" (1938)*] / Kul'turno-istoričeskaya psihologiya [*Cultural and historical psychology*]. № 2. P. 95-106.
 25. Yasnitsky A., Ferrari M. (2008). Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // *History of Psychology*. V. 11. № 2. P. 101-121.

The article was received 23.02.2022.

Духовно-нравственная психология

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ С.Л. ФРАНКА: ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

© Гостев А.А.

Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии Российской академии наук, Москва, Россия
aagos06@rambler.ru

© Смирнова Е.А.

Магистр психологических наук,
психолог ГБУ «Кризисный центр помощи женщинам и детям», Москва, Россия
enamirnova@gmail.com

Необходимость научного осмысления и исследования духовно-нравственной сферы человеческого бытия все более очевидна ввиду кризиса современной цивилизации. История психологии и историческая психология помогают осмыслению обращением к отечественной философско-психологической мысли дореволюционного периода, в частности, к трудам Семена Людвиговича Франка. В статье рассматривается значение научного наследия С.Л. Франка для развития духовно-нравственной психологии. Отмечены основные вехи творчества. Анализируется влияние его научного наследия на процесс «психологизации гносеологии», вклад мыслителя в макроописание человека. Рассмотрены понятия душа, душевная жизнь, сознание, личность, условия психологического здоровья, а также понимание духовных основ общественной жизни. Подчеркивается, в частности, актуальность идей С.Л. Франка для осмысления информационно-психологических психоманипулятивных воздействий на современного человека. Намечаются пути дальнейших исследований философско-психологического наследия С.Л. Франка.

Ключевые слова: С.Л. Франк, история психологии, историческая психология, философия, духовность, нравственность, душа, душевная жизнь, сознание, личность, общество, психологическое здоровье

Современные теоретико-методологические подходы в психологической науке дают возможность углублять изучение духовно-нравственной сферы человеческого бытия. Сформировалось отдельное направление исследований, в задачи которого входит рассмотрение традиционных для психологии объектов изучения с духовно-нравственных позиций. К изучению духовно-нравственной сферы обратилось значительное количество ученых. Среди них отметим К.А. Абульханову, Н.В. Борисову, Б.С. Братуся, Ф.Е. Василюка, М.И. Воловикovu, А.А. Гостева, В.А. Елисеева, А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, В.А.

Кольцову, В.И. Лутовинова, В.В. Ничипорова, А.А. Остапенко, В.А. Пономаренко, В.И. Слободчикова, Т.А. Флоренскую, В.Д. Шадрикова, Л.Ф. Шеховцову, А.В. Шувалова, А.В. Юревича. В Институте психологии РАН, в частности, вышло значительное количество работ, в том числе монографии, в которых осмысливается психология духовно-нравственной сферы человеческого бытия. Признается, что данное направление расширяет и углубляет понимание природы психики [8; 9; 11; 13; 15; 20; 21; 22; 33].

Отметим, что в поисках теоретико-методологических оснований для изучения пси-

хологических аспектов духовно-нравственной сферы исследователи обращаются к идеям отечественных ученых дореволюционного периода. Анализировать и осваивать их научное наследие помогает совместный познавательный потенциал истории психологии и исторической психологии. Данные направления обосновывают необходимость расширения предметной области психологической науки за счет «внеаучного знания» [15]. В этой связи рассмотрен вклад святоотеческой традиции в исследование образной сферы человека [6], в изучение психологии его религиозного опыта [5]. Изучена роль духовно-нравственного направления отечественной психологии на рубеже XIX-XX веков в развитие психологии личности [2]. Проанализирован вклад в изучение духовно-нравственной сферы творческого наследия И.А. Ильина [10] и идей В.А. Снегирева [16].

Для дальнейшего осмысления теоретико-методологического фундамента духовно-нравственной психологии обратимся к основоположнику «философской психологии» – Семену Людвиговичу Франку, к наследию которого в последнее время обращаются психологи [14; 17; 19; 35]. Рассмотрение вклада Франка в изучение духовно-нравственной сферы полезно начать с обозначения основных событий в жизни мыслителя, сопоставив их с трансформацией его мировоззрения и научных убеждений [31; 32].

Основные вехи творчества С.Л. Франка

1877-1906: детство и «эпоха неверующей юности» (Москва и Н. Новгород)

С.Л. Франк родился в семье польского врача. Воспитанный в религиозной среде иудаизма, он с детства был приобщен к сфере духовности и вопросам о предназначении человека. Рано потеряв отца (в 1882 году), С.Л. Франк оказался под влиянием отчима-народовольца и увлекся идеями Н.К. Михайловского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева. Интерес к «научному социализму» и последовавшее за ним членство в марксистских кружках сподвигли Франка поступить на юридический факультет Московского университета. Во время обучения он продолжил участвовать в

марксистских объединениях. В результате в 1899 г. его арестовали и выслали из студенческих городов. Следующий год, проведенный в Берлине, закончился критическим осмыслением марксизма.

1906-1922: преподавательская деятельность и принятие христианства (Петербург и Саратов)

События первого десятилетия XX века усилили разочарование Франка в революционных идеях. С началом преподавательской деятельности (в Петербурге с 1906 г.) происходит разворот его мысли к антропологии человека в свете христианского миропонимания и содержащихся в нём психологических идей. В 1912 г. Франк принял православие, что дало новый импульс его творчеству в осмыслении духовно-нравственной сферы. Христианство понималось Франком как развитие религиозной жизни, наполнявшей его детство.

Важной творческой вехой стала защита в 1916 г. магистерской диссертации «Предмет знания». Во время пребывания в Саратове (1917-1921), Франк организовал и возглавил историко-филологический факультет Саратовского университета, преподавая, в том числе, психологию. В 1918 г. он издал книгу «Душа человека»¹. Франк стремился вернуть психологии то, что утеряно вместе с развитием её естественнонаучного направления. Психология виделась ему обедненной в силу изъятия из научного дискурса понятия «души», поэтому он делает попытку познания её природы, обозначения свойств душевной жизни.

После 1917 г. идеи Франка оказались чуждыми наступившей эпохи. В сентябре 1922 г. он был выслан из Петрограда (на «философском пароходе» вместе с Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным и др.).

1922-1945: эмиграция (Германия и Франция)

В Берлине Франк вошел в состав «Русской религиозно-философской академии». Немецкий период заканчивается в 1937 году. Его итогом становится труд «Непостижимое» – анализ познания бытия. В 1937 г. Франк с женой эмигри-

¹ Писалась как докторская диссертация, защита не состоялась по политическим причинам [12].

ровал во Францию, где оставался до окончания Второй мировой войны.

1945-1950: послевоенные годы (Англия)

В 1945 году Франк поселился в Лондоне. Его последним, прижизненно изданным трудом стала книга «Свет во тьме» (1949), начатая в 1939 г., но переработанная сообразно событиям военных лет. Осмысляя человека как субъекта христианского мировоззрения, Франк особо подчеркивал необходимость нравственной активности личности.

Завершающая творческий путь Франка книга «Реальность и человек» была напечатана в 1956 году, после смерти философа (в 1950 г.). Она представляет собой синтез жизненного опыта С.Л. Франка и созданной им концепции. Сам Франк называл ее углубленной формулировкой своей философской системы [25].

Вклад С.Л. Франка в «психологизацию гносеологии»

Исходной точкой концепции Франка можно назвать представление об укорененности бытия во внепространственном и вневременном Всеединстве, объединяющем все формы жизни в одно Целое. Франк различает первичную подлинную реальность и объективную действительность, которая «выплывает в сознание из бытия», дана человеку в непосредственном переживании в конкретный момент времени.

Во внутреннем мире человека Франк выделяет душевную жизнь – источник сознания, и «эмпирическое Я» (носитель сознания) – место, где «бушующие стихии» душевной жизни «сгущаются и просветляются». «Я» является моментом обнаружения «Реальностью» самой себя. «Реальность» превосходит человека, властвует над ним, обосновывает и осмысляет его «я».

«Психологизацию гносеологии» в концепции Франка можно проиллюстрировать его идеей о «живом знании» (понятие введено И.В. Киреевским). Франк (также Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский и др.) отмечал кризис научного знания, связанный с парадигмальным расхождением естественнонаучного и герменевтического направлений познания мира [14]. Необходим подход, который не пренебрегал бы ни гносеологией в угоду ме-

тафизике, ни метафизикой в угоду гносеологии. «Живое знание» улавливает имманентность друг другу объекта и субъекта познания в онтологической глубине и демонстрирует логическую непостижимость бытия². Франк формулирует метод «антиномистического монодуализма». Это – интеграция единства, и двойственности, которая выражается в «живом знании», являясь универсальным методом познания.

Предметом знания для Франка становится само бытие человека во времени. Чтобы осуществить «живое знание» надо «обладать» предметом посредством объединения своего «я» и предмета. Обладание происходит через «вчувствование», раскрытие жизни, присущей самому объекту познания [29].

Концепция «живого знания», сформулированная С.Л. Франком, помогает исследовать психологию субъекта и субъективного мира человека. Развитие человека предполагает качественное преобразование самого себя, и в этом процессе – обнаружение и понимание своей субъектности, глубины и богатства внутреннего мира человека. Этому способствует соединение субъекта и объекта в «Я» человека, а это путь для творческого развития его «самости» [3; 22]. Концепция Франка раскрывает духовно-нравственные аспекты в проблеме макроописания человека.

Вклад С.Л. Франка в описание «целостного человека»³

Душа и душевная жизнь. Наследие Франка способствует возвращению в психологию традиционно интегративного понятия «души». Он отмечал отсутствие учения о человеческой душе, представлений о целостном внутреннем мире человека. Термин «психология», изначально соотносимый с изучением души, наполнился иным содержанием [29]. В современной психологии мы находим созвучные идеи: понятие души практически исчезло из концептуально-терминологического аппарата психологической

² Франк говорит о «трансфинитности как непостижимом для нас», и «трансдефинитности как непостижимом в его самобытии».

³ Отчасти, оно соотносится с традициями школы Б.Г. Ананьева. Имеются ввиду понятия *личность, индивидуальность, субъект, индивид*.

науки. Оно было подменено сначала «душевными явлениями», а затем вытеснено термином «психика» [17].

Душа рассматривается Франком в комплексе теолого-метафизических и психологических характеристик. Наука о душе в форме научного знания понимается как посредник между «сверхнаучными областями» (религия, искусство, нравственность) и областью логического знания. Предметом психологии должны стать не проявления жизни души («мозаика» из ощущений, представлений и т.п.), а сущность душевной жизни как таковой – нечто целое, присутствующее в каждое мгновение. Человек способен заметить целостность своей душевной жизни: когда образы, эмоции, настроения, мысли и пр. протекают в нём, будто капли воды в реке, и вместе с тем слитны в одно неразрывное целое. Душевная жизнь не имеет четких пространственных и временных границ, хотя в ней можно умозрительно выделить центральные и периферические части, которые пронизаны силой и характером целого.

С.Л. Франк противопоставляет душевную жизнь, как миру предметов, так и абстрактным понятиям. Выделяются её основные состояния:

1) *Чистая душевная жизнь* как субстрат для развития более сложных состояний душевной жизни: в ней отсутствует субъект и объект в собственном смысле, нет различия между «я» и «не-я», у нее нет временной характеристики. Это состояние «бесформенной общности душевной стихии».

2) *Предметное сознание и самосознание (переживание «я»)*, проявляющиеся посредством выделения содержания предметного сознания и образованием противостоящего индивидуально-единичного «я». В отличие от чистой душевной жизни, самосознание и предметное сознание существуют в конкретный момент времени, а потому обладают временными характеристиками. Предметное сознание и самосознание Франк называет проявлениями сферы «духовности» в душевной жизни.

3) *Духовная жизнь* как актуализация потенции чистой душевной жизни, выраженная в единстве сознания и переживания. Это состояние не имеет конкретной протяженности во времени, однако, в

отличие от чистой душевной жизни, оно не вневременное, а сверхвременное. В духовной жизни в новой форме происходит воссоздание первичного единства «душевной жизни» и «Реальности». Оно понимается как идеал, к которому призван стремиться человек в своем развитии.

Субъектом душевной жизни выступает душа как «целестремительная формирующая энергия». В процессе формирования состояний душевной жизни проявляются начала самоопределения человека: чувственно-эмоциональное («хочу»), сверхчувственно-волевое («должно») и идеально-разумное (духовное). Душевная жизнь протекает в двуединстве форм выражения человеческого естества: *душевной* (психическое) и *телесной* (психофизиологическое).

Условием существования и развития человека Франк называет свободное творчество, тревогу духа [24]. Оно определяет вневременное развитие душевной жизни, в которой прошлый опыт не отменяется новыми переживаниями, а соединяется с ними. В нем же скрыто и нравственное начало в человеке, способность «творить закон добра». Если процесс свободного творчества отсутствует, возникает состояние самозамкнутости, в котором душа не развивается к лучшему.

О связи души человека, «духовного я», «сверхчувственного горнего мира» в последние десятилетия заговорили многие из перечисленных выше исследователей психологии духовно-нравственной сферы. Идея возвращения душе центрального места в психологии также становится темой научных работ [17; 33]. Препятствием для реализации этой идеи является отсутствие единого категориального аппарата в силу сложности рассматриваемого предмета. В.Д. Шадриков в своих работах различает два понимания души – теологический, соотносящий душу с метафизикой и психологический – душа как внутренний, психический мир человека, потребностно-эмоционально-информационная субстанция [33, с. 89-92]. Идеи Франка актуальны для строительства «мостика» между этими формами понимания человеческой души. Тем более, что психология духовно-нравственной сферы призвана осваивать междисциплинарные связи с

теологическими описаниями психологических реалий через историю психологии [10; 15].

Итак, наследие Франка способствует выстраиванию психологического прочтения метафизических основ психологии духовно-нравственной сферы, выводит психологию на научное осмысление сущности психологических реалий, вложенных, в частности, в святоотеческое понимание души. Идеи Франка подтверждают, что проработка глубинных структур психики невозможна без нахождения человеком «высшего/сущностного/истинного я» – «светлого ядра» душевной жизни, в котором она «просветляется», и откуда душевная жизнь управляется энергией сознания.

О системе сознания. Сознание определяется Франком как «единство переживания и направленности на предмет», установление отношений между «эмпирическим Я» и объектом познания [24]. Сферы, где сознание ослабляет свою деятельность, Франк называет «подсознательным». Выделяются высшие формы проявления сознания.

- самосознание – специфическое ядро, изнутри сдерживает и управляет душевной жизнью, образует человека как личность, и реализуется на почве предметного сознания;
- предметное сознание ограничивает душевную жизнь извне.

Сознание как непосредственное переживание совпадает с душевной жизнью (хотя последняя не исчерпывается сознанием). Предметное сознание и самосознание одновременно, словно берега, с двух сторон ограничивают стихийную душевную жизнь, и в этом смысле являются проявлениями «духовного я», опирающимся на высшую силу. Теоретически значимым представляется выделение предметного сознания из «сознания-переживания» – выделение из последнего «не-я», что естественным образом рождает и «я» [29].

В контексте проблематики самопознания, изучения отражения человеком духовных смыслов бытия, возрастает значимость познания себя и мира как *переживания* (улавливание человеком смыслов в потоке сознания). Идеи Франка о пси-

хологическом значении «сознания – переживания» использованы в разработке концепции образной сферы человека для обоснования феноменологически-герменевтического подхода к её изучению, раскрытию трансляционной функции образной сферы. Подчеркивается непосредственная данность образного опыта в целостности, которая выступает объектом переживания, важным для понимания образных посланий из собственного внутреннего мира. Особое значение придается отражению образной сферой человека духовного измерения бытия [6].

Психологические идеи Франка находят свое развитие в изучении состояний сознания, особенно в связи с тематикой образов измененных состояний сознания. Чем более утончается самонаблюдение, подчеркивает Франк, тем очевиднее становится непрерывность перехода по неким «степеням сознания» – по его ясности и интенсивности. Сознание, взятое как непосредственное переживание, за исключением предметного сознания и самосознания, может проследить до его субъективного исчезновения. В различных состояниях сознания по-разному отражается взаимодействие атрибутов человека (личности, субъекта, индивидуальности, индивида) с внутренним миром и внешней средой [6].

Личность. Одной из главных характеристик духовно-нравственной сферы является нравственное самосознание человека как личности-индивидуальности, пронизанной действием высших сил. Только личность в таком понимании является двигателем общества. В отношении к ней общество выступает инструментом передачи волевого устремления человека-субъекта. Такое понимание социальной активности личности созвучно субъектно-деятельностному подходу С.Л. Рубинштейна⁴.

В курсе лекций «Личность и мир...» личность характеризуется Франком «неотмирностью», призвание которой – быть устремленной к Богу. На этом пути человек встречает два препятствия:

⁴ Как известно, С.Л. Рубинштейн писал о взаимозависимости глубины личности и богатства её связей с миром, подчеркивая, что личность это не пассивно отражающее среду существо, а активный субъект отношений с окружающим миром.

избыточное упование на технический прогресс и стремление преодолеть человеческое в человеке, изжить из него зло, что в итоге приводит к усилению влияния зла в мире [4]. Франк, апеллируя к христианской нравственности, говорит о неподсудности человеческому суду онтологической глубины личности (пространства реализации и добра, и зла).

Психология личности немислима без тематики любви. Размышления Франка, основанные на христианском идеале любви, актуальны уже тем, что его духовно-нравственная реализация не является для современной психологии приоритетным предметом исследования, тем более не соотносится с психологическими и духовно-нравственными аспектами глобальной трансформации [8; 9].

Франк выделяет две «морали отношений»: между равнозначными «ты» и «я», и между «Высшим» (Богом) и низшим – «человеческое я». Для познания единства «Другого» и «Я» предлагается метод «трансценденции» – «вовне» для отношений «я – ты», и «вовнутрь» для отношений «Бог – я». Личность существует только в преодолении «своего эгоистического я» (по сути «истинное я» появляется тогда, когда есть «ты»). Преодоление своего «я» открывает путь для познания бытия [26]. В этой мировоззренческой установке Франк находится в оппозиции по отношению к философским концепциям, которые с середины XVII в. за точку отсчета брали эгоцентрическую «я-философию». Франк предлагает взамен «мы-философию», в которой «мы» – это «подлинное органическое единство неоднородного, различных членов» [27]. В то же время, «мы» не приоритетно перед «я»: как «я» существует только по отношению к «ты», так и «мы» существует лишь как единство «я» и «ты».

Любовь рассматривается Франком как таинственное трансрациональное предельное выражение отношений «я – ты», наиболее полно раскрывающая глубину непознаваемости рациональными средствами самобытия человека. Франк отмечает, что человек, в первую очередь, носитель Эго, и, в силу этого, Другой на его пути существует как реальность в форме «ты для меня». Любовь трансформирует реальность из я-

центричной в полицентричную. Другой становится равнозначным (по отношению к самому человеку) центром, и принадлежит человеку лишь посредством того, что сам человек сознает себя принадлежащим Другому [26, с. 49]. Любовь ярко проявляет «антиномистический монодуализм»: одновременно и преодолевается, и сохраняется несходность «я» и «ты». При этом форма бытия «мы» понимается не как сумма двух частей «я + ты», а отдельная, третья форма бытия.

Важно отметить, что Франк считает невозможным полное преодоление различия «я» и «ты». Препятствие к этому – субъективность внутренней самости человека. Отмечается, что в глубине своего внутреннего мира он всегда остается на малую долю отчужден от близких, и задача любви здесь в бережном отношении к не постижимой части внутреннего мира Другого [18].

Подчеркнем произошедшую сегодня подмену понятия «любви», на которую психология личности не отреагировала. В русле современных тенденций основой человеческого бытия называется «любовь к себе», выраженная индивидуальность. От этого резко отличается позиция Франка, так как бытие «Я емь» возможно лишь при условии признания равнозначности бытия «Ты». Любовь – предельное выражение отношения «я – ты» в форме «я для тебя».

*Об общественных отношениях*⁵. Сущность общественной жизни должна быть нравственной. Поэтому взгляд на человека как на средство достижения социальных целей недопустим. Нравственным императивом должно быть уважение человеческой личности. При этом подчинение людей «социально-должному» происходит не как следствие страха перед законом, а свободно, как выражение их единства с Богом. Человек в «глубине сердца» соприкасается с абсолютной божественной реальностью, которая в своем действии на людей предстает нравственным началом. Коллективная ответственность обнаружива-

⁵ Общественные отношения являлись предметом теоретико-методологического исследования многих современников Франка (например, М. Бубер, М.М. Бахтин, Г.Г. Шпет).

ется там, где нравственная жизнь определена мотивом любви, степенью включенности сознания в судьбу ближних [23; 27]. Франк отмечает, что греховная самочинная воля человека есть причина трагедии любого «государственно-политического творчества». Но и принуждающая государственная власть над людьми содержит элемент греховности⁶.

Духовная составляющая социальных отношений реализуется через «соборность». Совместная жизнь людей, исторически объединенных духовно-культурным содержанием, образует онтологически-реальное внутреннее единство «мы» – в этом суть «соборности». Франк разграничивает понятия «соборности» и «общественности»: «общественность» – внешнее явление человеческого бытия, характеризующееся множественностью отдельных «я». Применительно к социальной жизни бытие «мы» раскрывается Франком как внешняя реальность, определяющая человека, выраженная «мистической реальностью, действующей на нас как реальное существо предметного мира», а потому безличной [26, с. 54].

Мысли Франка о духовных основах общественной жизни представляются интересными для развития социальной, политической, исторической психологии, а также для «диалогической психотерапии» (М.Ю. Колпакова, А.Ф. Копьев, Т.А. Флоренская).

О проблеме психологического здоровья. Поскольку экзистенциальная основа личности заключается в «Я – Ты» отношении, главным условием психологического здоровья Франк называет самораскрытие навстречу «Другому»⁷. В преодолении позиции «ты для меня» и актуализации единства «мы» происходит оздоровление не

⁶ Например, сегодня озабоченность вызывают общие тенденции построения глобального цифрового общества – средства тотального социального контроля [7; 9; 13; 21; 22; 34].

⁷ Сегодня образование «человеческого в человеке» подорвано детоцентрированным подходом в воспитании [32]. Встречая в лице родителей лишь источник материальных благ, ребенок лишается возможности полноценного предстояния перед Другим. Усложняется процесс нахождения ребенком своего места в общем «мы» семьи.

только самого человека, но и всего общества [23].

Другое условие – опора на «подлинную реальность» – предполагает принятие «горечи реальности», ее отдаленности от идеалистических мечтаний, а также постоянная борьба с «низшими силами» вне и внутри себя, способствующая открытию подлинной реальности. Но такое понимание не должно приводить к переживанию человеком своего ничтожества и бессилия. Это важные идеи для преодоления искажений в познании/понимании духовных смыслов, а также для адекватной оценки влияния на современный мир т.н. позитивной психологии, порой уводящей человека от реального в иллюзии⁸.

Необходимым условием психологического здоровья является гармонизация внутреннего и внешнего мира. Человек существует в двух мирах – внутреннем, из которого рождается ощущение самобытности, жизненный путь, система отношений, и внешнем, в котором человек – часть мирового целого. Для психологического и духовно-нравственного здоровья человека необходима гармонизация жизни в этих мирах, преодоление как замыкания на внутреннем мире, так и умаления его значимости⁹.

При реконструкции психологических идей в наследии Франка желательнее вскрывать «параллели-стыковки» с подходами в психологической науке, особенно относительно гуманистической,

⁸ Данное условие психологического здоровья распространяется на виртуализацию человеческого бытия на основе цифровых технологий. Объективная действительность сливается в сознании с симулякр, подменяющим действительность. Самонаблюдение подменяется погруженностью человека в интернет-среду с поглощением информации без творческого осмысления [7; 9].

⁹ Идеи Франка полезны для оценки толерантности, снимающей необходимость овладения силами «низшего я» и восхождения по «духовной вертикали». Общество обещает принять человека в любом проявлении, физиологические (гендерные) или социальные границы расцениваются как насилие над личностью. Как следствие, отсутствие внешних социокультурных рамок лишает развивающуюся психику поддержки в самоопределении. Предоставленный сам себе, ребенок не справляется с возложенной на него ответственностью формирования собственного «я», в результате чего могут развиваться различные психофизиологические деформации.

экзистенциальной психологии с её практически-ориентированными направлениями. Вспомним, что творческий путь Франка связан с именами А.Ф. Лазурского и Л. Бинсвангера и образует своеобразный «мостик» между двумя психологическими (психотерапевтическими) школами первой половины XX века: петербургской и швейцарской.

С А.Ф. Лазурским С.Л. Франк сблизился во время работы приват-доцентом Психоневрологического института в Санкт-Петербурге (1912-1927). Это вылилось не только в написании совместной психологической работы (А.Ф. Лазурский, С.Л. Франк «Программа исследования личности в ее отношениях к среде», 1912), но стали поворотным пунктом в развитии теории психологии отношений А.Ф. Лазурского [36]. Их идеи, основанные на взаимозависимости активности психики и психических отношений, получили свое развитие в трудах Б.Я. Басова и В.Н. Мясищева, оказали плодотворное влияние на становление отечественной медицинской психологии и психотерапии [1].

С Л. Бинсвангером С.Л. Франк познакомился в 1934 году, и их дружба продлилась до самой смерти Франка. Как отмечал Л. Бинсвангер, эта встреча была «драгоценным событием» [30]. Найдя во Франке единомышленника по многим онтологическим вопросам, Бинсвангер называет его своим учителем философии. Подход Франка к общению оказал значительное влияние на Бинсвангера [28]. Тем самым идеи Франка были заложены в фундамент экзистенциальной психологии.

Перспективы изучения творческого наследия С.Л. Франка

Философско-психологическое наследие С.Л. Франка актуально для развития многих направлений психологической науки, особенно для психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. Созданная им концепция имеет выраженный духовно-нравственный характер с религиозным содержанием. Она может использоваться не только в психологической науке, но и в качестве теоретико-методологического элемента в других областях человекознания для со-

пряжения рационального и трансрационального знания. Наследие С.Л. Франка способно выступить посредником между «сверхнаучными областями» (религия, искусство и пр.) и понятийно-логическим знанием в психологической науке. Показательно в этом плане учение о душе, которое призывает к познанию «живого целостного внутреннего мира человека» в форме научного знания.

Для развития теоретико-методологических основ психологической науки могут быть использованы следующие положения наследия С.Л. Франка

- Человек обладает потенциальным знанием о высшем смысле своего существования. Психология духовно-нравственной сферы призвана способствовать его нахождению и пониманию.
- На этом пути необходимо глубокое осознание того, что человек существует как «онтологическое единство душевного и телесного». «Телесным» он принадлежит предметному миру, а посредством «душевного», в сфере которого находится «ядро личности», прикасается к «вселенскому Всеединству». «Истинное я» как «ядро душевной жизни» становится местом, откуда душевная жизнь управляет самосознанием.
- Основной характеристикой человека является индивидуальность («самость»), обладающая свободной волей и способностью к познанию высших смыслов человеческого бытия.
- Сознание – единство переживания и направленности на предмет, установление отношений между «эмпирическим я» и объектом познания. Истинный способ познания – «живое мыслящее переживание» предмета познания, предполагающее выход за пределы природной самоцентричности (самотрансценденция).
- Человек в аспекте своего макроописания (как индивидуальность, личность, субъект и индивид) формируется самосознанием. Пробуждение самосознания возможно лишь при встрече человека с «Другим». Необходимость свободного творческого преодоления человеком эгоцентрических ценностно-смысловых установок становится нравственно-психологическим

императивом. На смену эгоцентрической индивидуальности предлагается созидательная любовь к ближнему.

- Выход из самоцентричности – единственный путь к реализации заложенного в человеке «потенциального богоподобия». Этот путь является творческим свободным волевым актом.

Историко-психологическое исследование наследия Франка ставит задачу раскрыть его вклад в понимание и изучение многоуровневости и многокачественности системы актуального и потенциального сознания, в частности, отражение в различных видах и состояниях сознания взаимодействия человека (как личности, субъекта, индивидуальности, индивида) с внутренним миром и внешней средой различного уровня и масштаба.

Для развития психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия интересно балансирование идей Франка между позитивностью и необходимостью привнесения в научную психологию метафизического знания о душе и душевной жизни и недосказанностью об этих реалиях с точки зрения глубины понимания сущности духовности православно-христианской традиции.

При реконструкции психологических идей в наследии Франка желательно вскрывать возможные «параллели-стыковки» с различными подходами психологической науки. Мы указывали на связи Франка с именами А.Л. Лазурского и Л. Бинсвангера. Интересным представляется анализ влияния наследия Франка на становление культурно-исторического подхода в психологии. Принцип интенциональности, делающий возможным познание общественно-исторических феноменов, позволил вывести на передний план основы культурно-исторического бытия человека.

На острие методологических поисков в психологии по-прежнему остается вопрос С.Л. Франка о душе как о традиционном предмете психологии. Эта тема сегодня раскрывается, например, В.Д. Шадриковым [33], который с психологической точки зрения рассматривает понятия души, «душевной жизни» и «внутренне-

го мира человека». В перспективе нам представляется важным соотнести концепцию Франка с современными тенденциями в поиске определения места понятия души в концептуально-понятийном аппарате психологической науки.

Не менее значимым может стать анализ пересечений наследия С.Л. Франка с субъектно-деятельностным подходом. Идеи С.Л. Рубинштейна перекликаются с идеями С.Л. Франка. Оба говорят о непостижимости рационального познания Бытия, выделяют из Бытия «объективную действительность», определяют Бытие как синтез «субъекта» и «объекта». Вопрос о полноте человеческой жизни понимается С.Л. Франком как вопрос об отношении человека к миру и людям, как вопрос этики. Близко к его концепции звучат идеи о социальной сущности человека: самоопределение человека как этического субъекта возможно в отношении к Другому как к личности, «я не существую без другого; я и другой сопринадлежны». Эти положения нашли дальнейшее развитие в трудах К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского и др.

Вопросы осмысления глубины онтологических оснований человеческого бытия, которые Франк ставит перед психологической наукой, становятся актуальнее в связи с усиливающимся влиянием идеологии трансгуманизма. В этом свете идеи Франка могут выступить одним из лучших путеводителей среди опасностей появления нео-постчеловечества [9].

В целом же в рамках дальнейшего исследования психологических аспектов творчества Франка нам хотелось бы детально реконструировать его историко-психологическую концепцию внутреннего мира человека. Проанализировать идеи о сопряжении рационального и трансрационального знания как методологической проблемы психологической науки. Сопоставить научное наследие С.Л. Франка с работами гуманистической и экзистенциальной психологии и психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. Использовать результаты подобного анализа-синтеза в решение актуальных теоретических, методологических и практических проблем психологической науки.

Литература

1. Акименко М.А., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б. От психоневрологии к медицинской психологии: научная система В.М. Бехтерева и В.Н. Мясищева // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 4. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 01.09.2021)
2. Аншакова В.В. Проблема личности в экспериментальном, эмпирическом и духовно-нравственном направлениях отечественной психологической мысли в конце XIX – начале XX столетия. Автореф. дисс... д-ра психол. наук. Астрахань, 2005.
3. Брушлинский А.В. Психология субъекта / Отв. ред. проф. В. В. Знаков. М.: Институт психологии РАН; СПб.: издат. «Алетейя», 2003.
4. Гапоненков А.А., Цыганков А.С., Оболевич Т. «Личность и мир»: последний лекционный курс С.Л. Франка // Философский журнал. 2018. №4. С. 153-159
5. Гостев А.А. О проблемах становления религиозно-ориентированного психологического знания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4. С. 35-45.
6. Гостев А.А. Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Изд-во «Генезис», 2008.
7. Гостев А.А. Психологические аспекты изучения глобальной психоманипуляции // Психологический журнал, Т. 38. № 4. 2017. С. 17-28.
8. Гостев А.А. Направленная трансформация сознания как духовно-нравственная проблема современности: методология научного исследования // Вопросы истории, теории и методологии современных психологических исследований: к 125-летию со дня рождения Алексея Федоровича Лосева: историко-психологический альманах. М.: Изд-во «ООО «ОнтоПринт», 2018.
9. Гостев А.А. Психологические и духовно-нравственные проблемы современного человека: риски-угрозы-вызовы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 4 (20). С. 35-66.
10. Гостев А.А., Борисова Н.В. Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: На путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
11. Духовно-нравственные проблемы современной личности / Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
12. Ермичев А.А. Магистерская диссертация С.Л. Франка и ее критики // Соловьевские исследования. 2015. №4 (48). С. 67-86.
13. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4-14.
14. Зинченко В.П., Щедрина Т.Г., Пружинин Б.И. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: Изд-во «РОССПЭН», 2010.
15. Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
16. Костригин А.А. Актуальность философско-психологического наследия В.А. Снегирева для современной психологии. Дисс. ...канд. психол. наук. Москва, 2019.
17. Мазилев В.А. De anima: предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. 2019. №6. С. 70-80.
18. Некрасова Е.Н. С.Л. Франк / Науч. ред. д.ф.н. Т.Ю. Сидорина. М.: Изд-во «НИМП», 2000.
19. Новочихина И.В. Философско-психологические взгляды С.Л. Франка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание». 2018. №6. С. 65-70.
20. Проблемы нравственной и этической психологии / Отв. ред. М.И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
21. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы

- современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
22. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. Учебное пособие. М.: Изд-во «ПСТГУ», 2014.
23. Франк С.Л. Духовные основы общества: сборник. Москва: Изд-во «Республика», 1992.
24. Франк С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания // С.Л. Франк. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Изд-во «Наука», 1995. С. 37-365.
25. Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Изд-во «Республика», 1997. С. 208-425.
26. Франк С.Л. Непостижимое. М.: Изд-во «АСТ», 2007.
27. Франк С.Л. Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии. Минск: Изд-во «Белорусский экзархат», 2011.
28. Франк С.Л. «Я» и «Мы» (к анализу общения) // История философии. 2011. №16. С. 246-264.
29. Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М.: Изд-во «Книжный клуб Книговек». 2015.
30. Цыганков А.С., Оболевич Т. История семьи и творчества С.Л. Франка в переписке Л. Бинсвангера и Т.С. Франк // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 2. № 2. С. 134-155.
31. Цыганков А.С., Оболевич Т. Немецкий период философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: Изд-во «Институт философии РАН», 2019.
32. Человек между восхождением и нисхождением. Опыт научной дискуссии. М.: Изд-во «Народное образование», 2021.
33. Шадриков В.Д. Возвращение души: Теоретические основания и методология психологической науки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
34. Шувалов А.В. Психологическое здоровье в свете христианского мировоззрения // Консультативная психология и психотерапия. 2009. Т. 17. № 3. С. 50-82.
35. Шувалов А.В. Методологические аспекты психологического человекознания // Национальный психологический журнал. 2014. №3(15). С.16-26.
36. Яковлева А.А. Психологическая концепция личности в трудах А.Ф. Лазурского и В.Н. Мясищева. Дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 2003.

Статья поступила в редакцию 22.01.2022.

S.L. FRANK'S PSYCHOLOGICAL IDEAS: CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE SPIRITUAL AND MORAL SPHERE OF HUMAN EXISTENCE

© **Andrey A. Gostev**

Doctor of Psychological Sciences, Leading Researcher at the Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
aagos06@rambler.ru

© **Elena A. Smirnova**

Master of Psychological Sciences,
psychologist of "Crisis Center for Women and Children", Moscow, Russia
enamirnova@gmail.com

The need for scientific understanding and research of the spiritual and moral sphere of human existence is becoming more and more obvious due to the crisis of modern civilization. The history of psychology and

historical psychology help to comprehend by referring to the Russian philosophical and psychological thought of the pre-revolutionary period, in particular, to the works of Semyon Ludvigovich Frank. The article examines the significance of S.L.Frank's scientific heritage for the development of spiritual and moral psychology. The main milestones of creativity are marked. The influence of his scientific heritage on the process of "psychologization of epistemology", the thinker's contribution to the macro description of man is analyzed. The concepts of soul, mental life, consciousness, personality, psychological health conditions, as well as understanding of the spiritual foundations of social life are considered. In particular, the relevance of S.L.Frank's ideas for understanding information and psychological psychomanipulative effects on modern man is emphasized. The ways of further research of the philosophical and psychological heritage of S.L.Frank are outlined.

Keywords: S.L. Frank, history of psychology, historical psychology, philosophy, spirituality, morality, soul, mental life, consciousness, personality, society, psychological health

REFERENCES

1. Akimenko, M.A., Vasserman, L.I., Iovlev, B.V., Karpova, E.B. (2011). Ot psihonevrologii k medicinskoj psihologii: nauchnaya sistema V.M. Bekhtereva i V.N. Myasishcheva [From psychoneurology to medical psychology: the scientific system of V. M. Bekhterev and V. N. Myasishchev] // Medicinskaya psihologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn. [Medical psychology in Russia: electron. scientific journal] №4. URL: <http://medpsy.ru> (date of application 01.09.2021). (In Russ.).
2. Anshakova, V.V. (2005). Problema lichnosti v eksperimental'nom, empiricheskom i duhovno-nravstvennom napravleniyah otechestvennoj psihologicheskoy mysli v konce XIX – nachale XX stoletiya [The problem of personality in the experimental, empirical and spiritual-moral directions of Russian psychological thought at the end of the XIX-beginning of the XX century] / Avtoref. diss... d-ra psihol. nauk. Astrahan' [Abstract. diss... Dr. of psychological sciences. Astrakhan]. (In Russ.).
3. Brushlinskij, A.V. (2003). Psihologiya sub"ekta [Psychology of the subject. Ed. V.V. Znakov]. M.: Institut psihologii RAN; SPb.: izdat. «Aletejya» [Moscow. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg. Publ. "Aleteya"]. (In Russ.).
4. Gaponenkov, A.A., Cygankov, A.S., Obolevich, T. (2018). «Lichnost' i mir»: poslednij lekcionnyj kurs S.L. Franka [“Personality and the world”: the last lecture course of S.L. Frank] // Filosofskij zhurnal [Philosophical Journal]. №4. P. 153-159.
5. Gostev, A.A. (2007). O problemah stanovleniya religiozno-orientirovannogo psihologicheskogo znaniya [On the problems of the formation of religiously-oriented psychological knowledge] // Psihologiya. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. V.4. P. 35-45. (In Russ.).
6. Gostev A.A. (2008). Psihologiya i metafizika obraznoj sfery cheloveka [Psychology and metaphysics of the figurative sphere of man]. M.: Izd-vo «Genezis» [Moscow. Genesis Publishing House]. (In Russ.).
7. Gostev, A.A. (2017). Psihologicheskie aspekty izucheniya global'noj psihomanipulyacii [Psychological aspects of the study of global psychomanipulation] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal], V. 38. № 4. P. 17-28.
8. Gostev, A.A. (2018). Napravlennaya transformaciya soznaniya kak duhovno-nravstvennaya problema sovremennosti: metodologiya nauchnogo issledovaniya [Directed transformation of consciousness as a spiritual and moral problem of modernity: methodology of scientific research] // Voprosy istorii, teorii i metodologii sovremennyh psihologicheskikh issledovanij: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya Alekseya Fedorovicha Loseva: istoriko-psihologicheskij al'manah. M.: Izd-vo «OOO «OntoPrint» [Questions of history, theory and methodology of modern psychological research: to the 125th anniversary of the birth of Alexey Fedorovich Losev: historical and Psychological

- almanac. Moscow. Publishing House "OntoPrint"]. (In Russ.).
9. Gostev, A.A. (2020). Psihologicheskie i duhovno-nravstvennye problemy sovremennogo cheloveka: riski-ugrozy-vyzovy [Psychological and spiritual and moral problems of modern man: risks-threats-challenges] // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology]. V.5. № 4 (20). P. 35-66. (In Russ.).
 10. Gostev, A.A., Borisova, N.V. (2012). Psihologicheskie idei v tvorcheskom nasledii I.A. Il'ina: Na putyah sozdaniya psihologii duhovno-nravstvennoj sfery chelovecheskogo bytiya [Psychological ideas in the creative legacy of I. A. Ilyin: the ways of creating a psychology of spiritual and moral spheres of human existence]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow. Publ. "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"]. (In Russ.).
 11. Duhovno-nravstvennye problemy sovremennoj lichnosti / Otv. red. M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. (2018) [Spiritual and moral problems of modern identity / Ed. edited by M. I. Volovikova, A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow. Publ. "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"]. (In Russ.).
 12. Ermichev, A.A. (2015). Magisterskaya dissertaciya S.L. Franka i ee kritiki [Master's thesis of S.L. Frank and its critics] // Solov'evskie issledovaniya [Solovyov studies]. №4 (48). P. 67-86. (In Russ.).
 13. Zhuravlev, A.L., Yurevich, A.V. (2013). Psihologiya npravstvennosti kak oblast' psihologicheskogo issledovaniya [Psychology of morality as a field of psychological research] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. V. 34. № 3. P. 4-14. (In Russ.).
 14. Zinchenko, V.P., SHCHedrina, T.G., Pruzhinin, B.I. (2010). Istoki kul'turno-istoricheskoy psihologii: filosofsko-gumanitarnyj kontekst [The Origins of cultural-historical psychology: philosophical-cultural context]. M.: Izd-vo «ROSSPEN» [Moscow. Publ. "ROSSPEN"].
 15. Kol'cova, V.A. (2008). Istoriya psihologii: problemy metodologii [History of psychology: problems of methodology]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow. Publ. "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"].
 16. Kostrigin, A.A. (2019). Aktual'nost' filosofsko-psihologicheskogo naslediya V.A. Snegireva dlya sovremennoj psihologii [Relevance of philosophical and psychological heritage of V.A. Snegirev for modern psychology]. Diss. ...kand. psihol. nauk. Moskva [Dissertation of PhD (psychological sciences). Moscow]. (In Russ.).
 17. Mazilov, V.A. (2019). De anima: predmet psihologii i granicy ego postizheniya [De anima: the subject of psychology and the limits of its comprehension] // Vysshee obrazovanie segodnya [Higher education today]. №6. P. 70-80.
 18. Nekrasova, E.N. (2000). S.L. Frank / Nauch. red. d.f.n. T.YU. Sidorina [S.L. Frank. / Scientific ed. T.Y. Sidorina]. M.: Izd-vo «NIMP» [Moscow. Publishing house "NIMP"]. (In Russ.).
 19. Novochihina, I.V. (2018). Filosofsko-psihologicheskie vzglyady S.L. Franka [Philosophical and psychological views of S.L. Frank] // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki». Seriya «Poznanie» [Modern science: actual problems of theory and practice". The series "Cognition"]. №6. P. 65-70.
 20. Problemy npravstvennoj i eticheskoy psihologii / Otv. red. M.I. Volovikova. (2011). [Problems of moral and ethical psychology / Ed. by M.I. Volovikova]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow. Publ. "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"]. (In Russ.).
 21. Psihologicheskoe zdorov'e lichnosti i duhovno-nravstvennye problemy sovremennogo rossijskogo obshchestva / Otv. red. A.L. Zhuravlev, M.I. Volovikova, T.V. Galkina. (2014). [Psychological health of the individual and spiritual and moral problems of modern Russian society / Ed. A.L. Zhuravlev, M.I. Volovikova, T.V. Galkina]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow. Publ. "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"]. (In Russ.).
 22. Slobodchikov, V.I., Isaev, E.I. (2014). Psihologiya razvitiya cheloveka. Razvitie sub"ektivnoj real'nosti v ontogeneze [Psychology of human development. The development of subjective reality in ontogenesis. Textbook]. M.: Izd-vo «PSTGU» [Moscow. Publishing house "PSTSU"]. (In Russ.).
 23. Frank, S.L. (1992). Duhovnye osnovy obshchestva: sbornik [Spiritual foundations of society: collection]. Moskva: Izd-vo «Respublika» [Moscow: Publishing house "Republic"].
 24. Frank, S.L. (1995). Predmet znaniya. Ob osnovah i predelah otvlechnogo znaniya [The subject of

- knowledge. *On the basics and limits of abstract knowledge*. SPb.: Izd-vo «Nauka» [St. Petersburg: Nauka Publishing House]. P. 37-365. (In Russ.).
25. Frank, S.L. (1997). *Real'nost' i chelovek [Reality and man]*. M.: Izd-vo «Respublika» [Moscow. Publishing house "Republic"]. P. 208-425.
26. Frank, S.L. (2007). *Nepostizhimoe [The Incomprehensible]*. M.: Izd-vo «AST» [Moscow. AST Publishing House]. (In Russ.).
27. Frank, S.L. (2011). *Svet vo t'me: Opyt hristianskoj etiki i social'noj filosofii [Light in darkness: The experience of Christian ethics and social philosophy]*. Minsk: Izd-vo «Belorusskij ekzarhat» [Minsk: Publishing house "Belarusian Exarchate"]. (In Russ.).
28. Frank, S.L. (2011). «YA» i «My» (k analizu obshcheniya) [*"I" and "We" (to the analysis of communication)*] // *Istoriya filosofii [History of philosophy]*. №16. P. 246-264. (In Russ.).
29. Frank, S.L. (2015). *Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psihologiyu [The soul of man. The experience of introduction to philosophical psychology]*. M.: Izd-vo «Knizhnyj klub Knigovok» [Moscow. Publishing house "Book Club of Booksellers"]. (In Russ.).
30. Cygankov, A.S., Obolevich, T. (2018). *Istoriya sem'i i tvorchestva S.L. Franka v perepiske L. Binsvanger i T.S. Frank [The history of the family and creativity of S.L. Frank in the correspondence of L. Binswanger and T.S. Frank]* // *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]*. V.21. № 2. P. 134-155. (In Russ.).
31. Cygankov, A.S., Obolevich, T. (2019). *Nemeckij period filosofskoj biografii S.L. Franka (novye materialy) [German period philosophical biography of S. L. Frank (new content)]*. M.: Izd-vo «Institut filosofii RAN» [Moscow. Publishing house "Institute of philosophy of Russian Academy of Sciences"]. (In Russ.).
32. Chelovek mezhdru voskhozhdeniem i niskhozhdeniem. *Opyt nauchnoj diskussii. (2021). [The man between ascension and descent. The experience of scientific discussion]*. M.: Izd-vo «Narodnoe obrazovanie» [Moscow. Publishing House "Public Education"]. (In Russ.).
33. Shadrikov, V.D. (2021). *Vozvrashchenie dushi: Teoreticheskie osnovaniya i metodologiya psihologicheskoy nauki [The return of the soul: Theoretical foundations and methodology of psychological science]*. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow. Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"]. (In Russ.).
34. Shuvalov, A.V. (2009). *Psihologicheskoe zdorov'e v svete hristianskogo mirovozzreniya [Psychological health in the light of the Christian worldview]* // *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya [Counseling psychology and psychotherapy]*. V17. № 3. P. 50-82. (In Russ.).
35. Shuvalov, A.V. (2014). *Metodologicheskie aspekty psihologicheskogo chelovekoznaniya [Methodological aspects of psychological human knowledge]* // *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]*. №3(15). P.16-26. (In Russ.).
36. Yakovleva, A.A. (2003). *Psihologicheskaya koncepciya lichnosti v trudah A.F. Lazurskogo i V.N. Myasishcheva [Psychological concept of personality in the works of A.F. Lazursky and V.N. Myasishchev]*. Diss. ... kand. psihol. nauk. Moskva [Dissertation of PhD (psychological sciences). Moscow]. (In Russ.).

The article was received 22.01.2022.

Кросс-культурная психология

ПСИХОЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ РИСКА: ГИПОТЕЗА ОБ ЭМИГРАЦИИ НА ВЫНОСЛИВОСТЬ

© Волченков Д.

хабилитированный доктор наук (Франция, Германия), лауреат премии Гумбольдта (Германия) и Плана 1000 талантов (Китай), профессор Сычуаньского университета науки и технологий (Китай) и Техасского Технологического университета (США)
dr.volchenkov@gmail.com

Целью заключительной части работы «Психология Выживания в Глобальном Обществе Риска» является обоснование гипотезы об «эмиграции на выносливость» как стратегии регулярного обновления семьи. Подобно бегу на выносливость видимо сыгравшему решающую роль в антропогенезе на ранних этапах эволюции человека, регулярная эмиграция может вывести семью из экологической ловушки устаревших специализаций и отживших традиций путем повышения степени лабильности жизни. Предлагаемая стратегия приобретает особое значение в условиях быстрых и непредсказуемых изменений, происходящих в глобальном обществе риска.

Ключевые слова: социальная психология, глобальное общество риска, политическая психология, психология выживания, модели времени

Введение

В первой части работы мы ввели понятие «глобального общества риска» для описания состояния общества, видящего будущее в свете воображаемых угроз, потенциально затрагивающих интересы всех народов планеты [1]. Острота конкуренции в глобализованном мире, а также скорость и непредсказуемость социальных и экономических изменений в нем делают использование прежних механизмов социальной адаптации малоэффективным.

Для описания конфликта между привычным жизненным укладом и условиями жизни в глобальном обществе риска, обладающим высокой степенью неопределенности в свете глобальных проблем и угроз, была использована метафора двух моделей времени. Предполагалось, что жизненному укладу глобального общества риска отвечает «авраамическая» модель времени, в которой будущее известно через осознание рисков и уяснение целей движения, а настоящее реконструируется через будущее в рамках стратегического планирования. Обычная реакция человека

линейной модели времени, живущего в согласии с принципами «где родился, там и пригодился», на открывшуюся необходимость изменить свою жизнь ради будущего, клинически соответствует синдрому отложенной жизни, при котором достижение поставленной цели постоянно откладывается на неопределенный срок, желательно – на следующее поколение.

Переход от модели линейного к авраамическому времени соответствует смене стратегии выживания – от стабилизирующего к диверсифицирующему отбору внутри одной популяции, против устоявшихся норм, если они не способствуют снижению конкуренции в условиях быстро меняющейся среды обитания. К явным признакам перехода к диверсифицирующему отбору в стремительно глобализирующемся обществе можно отнести защиту меньшинств, пропаганду девиантного поведения, компрометацию и атаки на традиционные ценности в рамках концепции нового гуманизма. Например, американский мужчина, сменивший пол, может ежемесячно претендовать на пять оплачиваемых не-

рабочих дней во время своих критических дней, индуцируемых приемом химических препаратов.

Во второй части работы формулируем гипотезу о важности регулярной «эмиграции на выносливость» для обновления семьи – подобно тому, как бег на выносливость, видимо, сыграл решающую роль в антропогенезе на ранних этапах эволюции человека как биологического вида [7].

Выживание в условиях высокой неопределенности

Если условия окружающей среды изменяются внезапно, адаптации, которые прежде повышали приспособленность биологического вида к условиям обитания, могут стать дезадаптивными и даже привести к его исчезновению [18, 29, 32, 35]. Перед лицом неопределенности высока вероятность того, что квалифицированные специалисты, профессионалы потерпят неудачу, потому что навыки не играют роли в повышении будущих шансов на успех, когда первоначальный успех случаен или маловероятен. Группы, сталкивающиеся с высокой неопределенностью результатов своих действий, могут оказаться в ловушке повторения одного и того же пагубного сценария поведения, не производя попыток к его улучшению, поскольку из предыдущего опыта нельзя извлечь никаких уроков. В условиях неопределенности часто оказывается более важно не *что* нужно делать, но *когда* следует предпринимать действия к изменению курса и стратегии поведения: чем выше степень неопределенности окружающей среды, тем короче шаги планирования и ближе горизонт доступных целей движения [38].

Согласно экологической теории, различные биологические организмы используют широкий спектр репродуктивных стратегий. Некоторые организмы (рудералы), у которых большинство потомства не доживает до взрослой жизни, могут следовать *r*-стратегии, заключающейся в быстром размножении и выделении ограниченных ресурсов потомству. Другие организмы в большей степени выживают благодаря индивидуальной приспособленности, следуя *k*-стратегии (конкурентного) отбора – производят относительно мало потомков, но тратят больше ресур-

сов на воспитание и защиту каждого потомка в отдельности [31].

Известно, что качество экологии человеческих сообществ также может ориентировать своих обитателей к более быстрым или медленным поведенческим стратегиям [27]. Суровая и непредсказуемая экология, как правило, связана с появлением большего числа детей, рискованным поведением и импульсивностью ее обитателей. Люди из неблагоприятной среды имеют тенденцию к более раннему деторождению, словно бы отдавая предпочтение количеству детей над качеством их воспитания. У девочек, растущих без отца, раньше наступают первые месячные, случается первый секс, и рождается первый ребенок, поскольку отсутствие отца может сигнализировать о высоком уровне мужской смертности и нестабильных семейных отношениях в обществе [11]. Быстрые поведенческие стратегии, связанные с очень тяжелой экологией, предполагают большую свободу и меньшую стабильность партнерских связей, чем медленные поведенческие стратегии, ассоциированные с обнадеживающей экологией [27]. Экспериментально было продемонстрировано, что, когда высокая смертность становится очевидной, люди оказываются склонны к более рискованному поведению, а их цели ориентированы на настоящее [16]. В частности, те, кто вырос с более низким социально-экономическим статусом, проявляют большее желание иметь детей в ближайшем будущем [17].

Как чересчур суровая, так и слишком благоприятная экологии в равной степени угрожают успеху выживания. Сообществу, оказавшемуся в суровых условиях существования, просто не хватает времени, чтобы компенсировать высокую смертность. И наоборот, отсрочка или даже полное пренебрежение воспроизводством в сообществе в условиях низкой смертности и высокой стабильности окружающей среды может привести к критическому уменьшению ее численности. В долгосрочной перспективе, наибольшее ожидаемое количество потомства будет наблюдаться в частично стабильной среде, где комбинаторный взрыв числа потомков уравновешивается ожидаемой продолжительностью жизни,

достаточной для воспроизводства. Таким образом, оптимальная стратегия выживания в любой обозримый период времени требует регулярной смены обстановки за счет инноваций, дестабилизирующих среду обитания, и систематических миграций в другие среды [38].

Выживание на ранних этапах эволюции: гипотеза выносливого бега

Разумно ожидать, что эволюция биологического вида, господствующего на планете, должна быть запечатлена в специфических адаптациях, помогающих избегать экологические ловушки стабильной среды обитания. На ранних этапах эволюции такой особенностью могла быть способность постоянно перемещаться, нигде не задерживаясь [38]. В работе D. Bramble и D. Lieberman было высказано предположение, что эволюцию определенных физических характеристик человека можно рассматривать как результат естественного отбора для бега на выносливость [7]. Хотя люди плохие спринтеры по сравнению со многими другими животными, человеческие способности к бегу на выносливость уникальны. Примечательно, что со статистической точки зрения высокая скорость бега в неопределенных и опасных условиях не так важна для успеха выживания, как выносливость [38].

Бег включает в себя физический механизм «массовой пружины» для обмена потенциальной и кинетической энергий с использованием сухожилий и связок, что менее затратно с точки зрения энергии при более высоких скоростях, но не дает преимуществ при ходьбе. Кроме того, потовые железы человека позволяют выделять больше пота на единицу площади поверхности, чем у любых других биологических видов. Лишенные шерсти бегущие люди лучше отводят тепло, выделяемое при выполнении физических упражнений. Вертикальная ориентация позволяет им изменять характер своего дыхания в зависимости от походки. Эта гибкость в частоте дыхания и беговой походке способствует тому, что люди имеют более широкий диапазон энергетически выгодных скоростей бега, чем многие другие биологические виды [8].

Благодаря своим превосходным способностям к терморегуляции, современные люди-охотники

продолжают преследование добычи в течение многих часов, доводя животных до гипертермии, истощения и смерти [24]. Бег на выносливость, очевидно, играл важную роль для людей в добыче пищи. Хотя бег на выносливость больше не является необходимым для выживания, мы наблюдаем удивительные достижения бегунов ультра-марафонцев, которые могут бегать много дней и ночей без остановки. Похоже, что возраст бегунов не имеет большого значения для их выносливости. Так, например, Ким Аллен, мать четырех детей, пробежала без остановки 500 км за 86 часов 11 минут в возрасте 47 лет. Дин Карназес в возрасте 43 лет пробежал 563 км за 80 часов 44 минут, а в возрасте 50 лет преодолел 4800 км за 75 дней. Судя по всему, возможности человека к бегу на выносливость практически безграничны.

Линейная модель времени: выживание эгалитарных сообществ

В линейной модели время течет из прошлого через настоящее в будущее, единосущное прошлому [1]. Неопределенность и риски будущего смягчаются в ней при помощи страхового контракта, гарантирующего застрахованному лицу возмещение потерь, которые могут случиться в результате наступления страховых случаев, сохраняемых в коллективной памяти общины о прошлом [25, 29]. Добытое таким образом линейное время принадлежит не лично человеку, а всему сообществу «общей памяти», основной целью которого становится сохранение страховой базы через сохранение единства общины [1].

Эгалитарный этос присущ общинам охотников и собирателей, в которых никто не должен выделяться из группы. Палеоантропологи утверждают, что сопротивление доминированию в эгалитарных общинах было ключевым фактором, способствовавшим эволюционному возникновению человеческого сознания, языка и социальной организации [6]. Люди, которые настойчиво стремятся получить преимущество над сотоварищами, могут быть исключены из группы или даже убиты ради поддержания эгалитарного духа. Их высокофункциональные, чрезмерно успешные черты не наследуются, но исключаются из генетического пула группы и из пула ли-

нейного времени. Богатые исторические данные и повседневные наблюдения свидетельствуют о том, что люди могут сотрудничать, чтобы изгнать из своей среды лучших среди равных. Синдром высокого мака¹ – систематическое преследование людей, чьи таланты, достижения и качества возвышают их над соплеменниками и нарушают единство группы, – есть повсеместное явление, не ограничивающееся архаическими обществами [12].

М. Вебер высказал предположение, что престиж и власть суть ограниченные ресурсы, а приобретение их в обществе можно рассматривать как игру с нулевой суммой, в которой выигрыш каждого участника точно уравновешивается потерями других. Таким образом, каждый чрезмерно успешный член сообщества подрывает положение всех остальных и рассматривается ими как преступник, который должен быть исключен из группы [39].

В свою очередь, мы можем предположить, что чересчур успешная адаптация отдельных представителей к условиям относительно стабильной среды обитания может вызывать в группе обоснованное беспокойство, что нарабатываемые поведенческие черты впоследствии могут стать дезадаптивными, а скорость индуцируемых ими социальных изменений окажется слишком высока, так что безопасность и единство общины могут быть скомпрометированы. Перед лицом неопределенности группа может избавиться от своих чрезмерно успешных членов, чтобы избежать возможной экологической ловушки. По сути, синдром высокого мака, выражающийся в постоянной готовности общины отказаться от самого лучшего, включая мораль, социальные нормы и культурные достижения, вместе с их наиболее выдающимися носителями, является продолжением стратегии бегства на выносливость [38].

¹ Секст Тарквиний спросил своего отца, римского тирана Тарквиния Гордого, о том, что ему делать дальше в Габии. Тарквиний пошел в свой сад, взял палку и метнул ее, срезав головки самых высоких маков, которые там росли. Секст понял, что отец хотел, чтобы он казнил всех самых выдающихся людей Габии, что он и сделал.

Трагическим примером проявления синдрома высокого мака в российской истории можно считать внесудебные преследования и депортации успешных единоличников во время политической кампании уничтожения кулаков, провозглашенной И.Сталиным в 1929-1933 годах и активно поддержанной массами крестьянских общин. Около 20% крестьянского населения России приняли участие в аграрной реформе, начатой премьер-министром Петром Столыпиным в 1906-1911 гг. Реформа сделала ставку на сильных и трезвых крестьян – «кулаков», привязка которых к частным земельным владениям могла бы привести к появлению ориентированных на прибыль, политически консервативных фермеров. Люди, которые когда-то осмелились выделиться из крестьянской общины и получили поддержку правительства, были затем уничтожены в ходе большевистской кампании, восстановившей социальные нормы и обычаи мезолитических сообществ на селе.

На протяжении всей истории человечества легко найти множество других примеров, в которых лучшие и наиболее выдающиеся члены общества и меньшинства были безжалостно уничтожены в ходе геноцидных чисток. Во всех случаях они были одними из лучших представителей своих групп, прекрасно адаптированными к социальной и природной среде [38].

Линейная модель времени подразумевает переход к авторитаризму

Сталкиваясь с кризисом, люди, совместно владеющие линейным временем общины, вспоминают великие кризисы прошлого, которые рано или поздно подходили к концу, и надеются на лучшее будущее, как правило, не совершая никаких личных усилий для улучшения своей судьбы. Ведь любые лично предпринятые действия не только исключают человека из группы, но автоматически лишают его права на пользование линейным временем общины [1]. Необходимость самостоятельного планирования времени вызывает у члена общины линейного времени синдром отсроченной жизни, будто его настоящая жизнь откладывается на неопределенный срок и

начнется когда-нибудь потом – по воссоединению с социумом [4].

По мере усугубления кризиса люди не только сомневаются в том, что их действия могут влиять на обстоятельства жизни, но и сами силы, которые формируют их личные и социальные дела, становятся им неясны [36]. Социальные институты прекращают исполнять предписанные функции, поскольку традиционные нормы теряют свою регулирующую силу, прежние ценности отвергаются, а люди начинают испытывать неуверенность в средствах для достижения своих жизненных целей [38]. В условиях социальной аномии фактическое управление осуществляется поверх институтов, малой группой лиц или даже единолично. И напрасно гражданские активисты готовятся к предстоящим выборам и протоколируют правонарушения, ведь собранные доказательства больше некому предъявлять.

Перед авторитарным лидером и общиной линейного времени в условиях кризиса стоит одна и та же задача – исключить конкуренцию, исход которой неясен – и это обуславливает их долговременный политический симбиоз. С одной стороны, лидер должен постоянно обнаруживать, сдерживать и уничтожать конкурентов, подтверждая свою монополию на власть [34]. Многие политические лидеры в Европе и других частях мира традиционно разыгрывали для этого «перманентную революцию без плана» – долгую политическую игру, направленную сначала на создание, а затем на постепенное обострение ситуации неопределенности и хаоса с целью вызвать чувства страха и незащищенности у населения [3]. Используя все имеющиеся в его распоряжении средства, авторитарный лидер становится главным источником хаоса, беспорядка и неразберихи, хотя в глазах общественности он же и является тем избранным, который может спасти группу от хаоса, спровоцированного им самим [2].

С другой стороны, для населения, испытывающего чувства гнева, негодования и беспомощности, любые относительно успешные сограждане, знающие иностранные языки, люди, пытающиеся улучшить жизнь своей семьи с помощью собственного труда, выглядят «высокими маками», которых, в конечном итоге, приходится сре-

зать [38]. Однако, утолить жажду социальной мести в рамках обычного институционального политического дискурса невозможно. И когда ограничения, связанные с законами и конституцией, наконец, теряют силу, авторитарный режим превращается в тиранию. Длительность симбиоза между общиной линейного времени и тираном ограничивается лишь смертью последнего, поскольку политически слабое население лишено социальных институтов и будет защищать тиранию всеми способами, обменивая политическую власть на право жаловаться лидеру на свои повседневные проблемы [3].

Однако, каким бы ужасным и деспотичным ни был правящий режим, ему неизбежно приходит конец. Профессиональные риски неизбежно перерастают в личные качества, заставляя диктатора преследовать как реальных, так и воображаемых врагов. Даже несмотря на то, что все противники тирана, возможно, были устранены, образовавшаяся вертикаль управления постепенно становится все менее эффективной и, в конечном итоге, теряет стабильность из-за неуклонно возрастающей некомпетентности ее звеньев. Ведь диктатор никогда не может знать наверняка, насколько он успешен в предотвращении угроз собственной власти, и вынужден выбирать своих подчиненных, руководствуясь критерием их некомпетентности, чтобы гарантировать, что они менее способны, чем он сам. Руководители, попавшие наверх в результате негативного отбора, должны делать то же самое с теми, кто ниже их в правящей иерархии. В результате, растущая вертикаль власти постепенно заполняется все менее и менее компетентными людьми, становится крайне неэффективной и рушится в первый критический момент, например, когда умирает диктатор [34].

По сути, всякое сообщество линейного времени в авторитарной фазе своего развития является миллениаристской сектой, которая живет ожиданием приближающейся катастрофы. Ее члены держатся вместе под страхом изгнания, угрожающего им синдромом отсроченной жизни (возникающим при необходимости планировать время самостоятельно). Ее целью является спасение, которое неразрывно связано с личностью лидера и без его участия невозможно [3]. Про-

цесс перехода от демократии к тирании известен с древних времен и в деталях описан в книге Платона «Республика».

Новизна современной ситуации состоит в том, что описанные процессы перехода к авторитаризму происходят не в отдельном государстве, а в планетарном масштабе: в России и Китае, в Европе и Америке – синхронно и одинаково. Глобальная миллениаристская секта проповедует изменение климата, системный экономический кризис и пандемию – неизбежную катастрофу, после которой «всё изменится» в ходе Великой перезагрузки. Социальные мифы, представляющие будущее в свете угроз, затрагивающих судьбы всех народов планеты, активно продвигаются международными организациями, надгосударственными союзами и глобальными транснациональными корпорациями. Ни человеческие жертвы, ни военные и экономические катастрофы не убеждают новых революционеров в абсурдности их планов по достижению «новой устойчивости», наоборот – массовые жертвы, утверждающие в общественном восприятии правоту мифа о будущем как о катастрофе, только укрепляют их решимость в проведении масштабного и рискованного эксперимента.

Актуализация авраамической модели времени в ходе эмиграции

Невозможно перейти к авраамической модели времени, оставаясь вернакулярным прежнему сообществу. Стремление коллектива сохранить равенство во имя поддержания линейной модели времени проявляется в нетерпимости к незаурядным членам общества – в «крабовой ментальности» и синдроме высокого мака [13, 28, 33, 40]. Разрыв с обществом исхода, подразумевающий отказ от чувства вины перед ушедшими предками, и неприятие стыда собственной инаковости (отсталости) перед обществом транзита, суть ключевые элементы в победе личности (эмигранта) над психологическим давлением общества, навязывающего ему линейную модель времени.

«Ни власть, ни богатство, ни образование не спасают семью от вырождения и вымирания, но

эмиграция может дать ей новый шанс»². Это высказывание может показаться абсурдным, поскольку эмиграция, сознательный отказ от всех социальных гарантий, ассоциируется с незащищенностью и неопределённостью: мигранты могут недостаточно свободно говорить на другом языке, им может не хватать социальных связей в другом обществе, а их иностранная квалификация может быть не признана местными работодателями.

Действительно, мигранты чаще дискриминируются на рынке труда, хотя обычно имеют избыточную квалификацию для выполняемой работы [30]. Однако, в то время как для коренных жителей создание стабильной и успешной карьеры является нормативным ожиданием и необходимым предварительным условием начала семейной жизни и отцовства, для мигрантов ожидание улучшения экономических условий за счет накопления ресурсов и получения постоянного рабочего места может быть нереальным вариантом.

Недовольство своей работой и карьерным положением усиливает их желание искать устойчивые и полноценные личные отношения в семье. Опыт незащищенности на рынке труда только усиливает потребность в доверии и надежности личных отношений, а связи между родителями и детьми в эмиграции оказываются самыми крепкими из всех возможных [37]. Кроме того, вероятность стать отцом значительно выше для тех мужчин, которые улучшают свое положение, чем для тех, кто только поддерживает его. Мигранты, которым удалось преодолеть свою национальную и социальную судьбу, регулярно выходят по отцовству на первое место! Хотя и коренные жители, и мигранты сталкиваются с одинаковой неопределенностью на рынке труда, они пытаются сделать свое будущее более предсказуемым, следуя противоположным стратегиям: в то

² Эта мысль принадлежит моему старшему коллеге, профессору Филиппу Бланшару – швейцарцу, уроженцу Женевы, прожившему жизнь в Германии. Его отец был основателем Международной организации труда ООН в Женеве, дед соблазнял тайландскую принцессу в интересах Французской республики, а пра-прадед вручал Николаю I ноту французского правительства о начале Крымской войны.

время как коренные жители вначале инвестируют все усилия в сферу карьеры, иммигранты предпочитают отцовство как компенсационные отношения, потому что им нечего терять, но есть что выиграть, вкладывая средства в рождение детей [5].

Неудивительно, что у иммигрантов обычно больше детей, чем у коренных жителей развитых стран, преимущественно живущих в линейной модели времени. Во-первых, заведомо ограниченные возможности карьерного роста уменьшают вероятность того, что мигранты будут находить социальные и экономические стимулы для того, чтобы вкладывать больше средств в меньшее число детей, чем вкладывать доступные средства во многих детей.

Во-вторых, большинство культурных и поведенческих идей и символов, генерируемых людьми с высоким статусом и транслируемых массовой культурой принимающих обществ, сокращают количество детей. Популярные телешоу, музыкальные видеоклипы и рекламные ролики показывают успешных бездетных людей в окружении красивых вещей. Мода на бездетность, некогда появившаяся среди высококвалифицированных специалистов и политиков, теперь распространилась в нижних социальных слоях [19].

В-третьих, агрессивная пропаганда гомосексуализма, экологического экстремизма, смены пола детям без согласия родителей и других видов девиантного поведения и патологического мировосприятия в принципе не подразумевают воспроизводство.

В-четвертых, мало того, что окно биологической и социальной поры продолжения рода в развитых странах сокращено на десятилетия за счет получения образования, так еще и требование соблюдения гендерного равенства, провозглашенное «необходимой основой для достижения мира, процветания и устойчивого развития»³, превратили мужчину и женщину в конку-

рентов, борющихся за одни и те же позиции и одинаковый социальный статус – победа одного из участников этой борьбы неминуемо обращается поражением для другого [19].

Снижение численности коренного населения, происходящее во многих социальных государствах линейной модели времени, имеет объективные причины. С одной стороны, сдерживание реального экономического роста во имя смягчения социального неравенства приводит к тому, что сокращение рождаемости воспринимается как естественный инструмент для увеличения уровня дохода на душу населения – номинальный экономический рост. С другой стороны, многодетность в условиях ограниченных возможностей для самореализации, с помощью которых взрослеющие амбициозные молодые люди могут получить достойный социальный статус, чревата гражданской войной или революцией. Ведь родина, которая не может предложить больше, чем у нее есть, становится системой структурного насилия, которая направлена против ее членов [19].

Эмиграция позволяет избежать экологическую ловушку, в которую попадает коренное население в социальном государстве. С одной стороны, будучи чуждыми местной массовой культуре, иммигранты свободны от необходимости разделять ее идеи и следовать социальным практикам, которые лежат в основе снижения рождаемости. С другой стороны, для многих иммигрантов многокультурный опыт создает возможность также освободить себя от повиновения одиозным традициям общества исхода. Принимая семейную ориентацию родителей и разделяя важный социальный опыт, полученный в большой семье, иммигранты во втором поколении, выросшие с братьями и сестрами, имеют более высокую склонность к созданию собственной семьи [20]. Напротив, взросление в одиночестве и нестабильность в родительской семье значительно снижают скорость перехода мужчины к отцовству [5].

Простая мысль о том, что квартиру, доставшуюся от бабушки, не придется делить между детьми, но перед ними открыты просторы всех континентов планеты, коренным образом меняет репродуктивное поведение, создавая условия для

³ Цели ООН в Области Устойчивого Развития. Цель 5: Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. Резолюция 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 2015 года.

возникновения «молодежного пузыря» (youth bulge) в отдельно взятой семье среди вымирающего общества. Когда на одного отца приходится несколько сыновей, они начинают вступать в противоречия и конфликты за статус с самого детства, меняя свой темперамент по мере роста семьи [19].

Свобода перемещения предоставляет возможности выбора условий и качества жизни, поэтому дети в эмигрантских семьях, как правило, получают хорошее питание, перспективное образование и уникальный многокультурный опыт, помноженные на неутолимую жажду доказать собственную важность в глазах братьев и сестер. Напряжение внутрисемейного конфликта, подогреваемого конкуренцией детей за влияние и достоинство, экспортируется из эмигрантских семей наружу, превращаясь в механизм насильственной колонизации принимающего общества. Взаимодействие детей в таких семьях напоминает боевое товарищество участников крестового похода – реконкисты, готовых отчаянно и бесстрашно бороться за завоевание более привлекательного жизненного пространства.

Психология и достижения второго поколения иммигрантов

Молодые иммигранты в первом и втором поколении с большей вероятностью создают полные семьи, чем их сверстники-автохтоны, поскольку глубокая потребность в доверии и надежности личных отношений обычно защищает семьи недавних эмигрантов от распада. Более того, родители-иммигранты, как правило, более авторитарны и авторитетны в глазах своих детей, чем родители в автохтонных семьях [26]. С одной стороны, такие родители более строги и требовательны, надежнее контролируют своих детей [15]. С другой стороны, они же более склонны оказывать своим детям безусловную эмоциональную поддержку и практическую помощь при решении новых и сложных задач, демонстрируя преданность и стойкость своей приверженности консервативным семейным ценностям [9, 10].

Высокая степень вовлеченности родителей в процессы образования и воспитания детей играет ключевую роль в обычно высокой успеваемости

молодых иммигрантов в первом и втором поколении [9]. Благодаря установлению надежной и доверительной обратной связи с родителями, дети - иммигранты более эффективно ориентируются при получении высшего образования и проявляют большую внутреннюю мотивацию в улучшении успеваемости, чем их местные сверстники. И наоборот, отсутствие поддержки со стороны родителей приводит к снижению успеваемости в школе: снисходительный и непричастный стиль воспитания, присущий многим автохтонным семьям, отрицательно коррелирует с уровнем образования детей [23].

Авторитарный стиль воспитания детей оказывается более результативным для поддержки восходящей социальной мобильности молодых иммигрантов, потому в нем делается упор на то, чтобы их дети делали все, что в их силах для достижения высокой цели, а не на саморазвитие и индивидуализм, что характерно для многих семей коренных жителей [26]. Родители-иммигранты идентифицируют себя с достижениями своего ребенка, испытывая гордость, когда тот успешно справляется со школьными заданиями, и смущаются, если ребенок терпит неудачу. Поскольку личные академические достижения подчеркивают Эго, недавние иммигранты могут больше доверять получению высшего образования с отличием в целях достижения восходящей мобильности⁴, чем коренные жители [9, 23]. Соответственно, молодые иммигранты могут иметь более высокие образовательные устремления, а также более сильную веру в важность и полезность образования, чем их более пессимистичные сверстники-автохтоны [26].

Литература, в которой обсуждается важность образования для улучшения благополучия, обширна [22]. Более высокий уровень образования

⁴ Параг Агравал, назначенный в начале декабря 2021 главой социальной сети «Твиттер», пополнил собой добрую дюжину выходцев из Индии, которые занимают ключевые посты в самых влиятельных компаниях Кремниевой долины. Сатья Наделла из Microsoft, Сундар Пичаи из Alphabet, топ-менеджеры IBM, Adobe, Palo Alto Networks, VMWare и Vimeo – все они индийского происхождения – при том, что этнические индийцы составляют всего один процент населения США и 6% сотрудников Кремниевой долины. <https://www.bbc.com/russian/news-59562866>

помогает улучшить качество жизни людей и развивает навыки, необходимые для поиска хорошей работы, получения достаточного дохода и создания стабильной семьи. Напротив, мужчины с низким уровнем образования также имеют низкую фертильность [21].

Пора собираться в путь

Однако с каждым поколением академическая мотивация и средний балл в аттестатах потомков иммигрантов снижаются. Например, в то время как молодые латиноамериканские и азиатские студенты – иммигранты в первом поколении делают огромные успехи при получении образования в США в сравнении со своими родителями, тенденция к восходящей мобильности среди них обращается вспять уже к третьему поколению [20].

Наряду со сверстниками коренного происхождения, потомки иммигрантов в третьем поколении, по-видимому, придерживаются фаталистической точки зрения на свою жизнь, и академический успех больше не является для них вариантом продвижения в обществе. Их охватывает разочарование, когда они видят множество препятствий на возможном пути к продвижению вверх, что лишает их иллюзий по поводу использования многообещающих возможностей в бизнесе и индустрии и часто заставляет переключиться к политическому активизму (в крупных городах). Культивируя рафинированность ощущений и показное себялюбие, они с огромным пессимизмом смотрят в будущее, ожидая неизбежной безработицы и ухудшения своего материального положения [20].

Возможно, третье поколение – самое подходящее время для планирования нового маршрута миграции, поскольку, эмигранты не могут себе позволить предаваться упадническим настроениям и пессимистическим ожиданиям среди жителей новой страны. После того, как они оторвались от своего прежнего образа мыслей и прошли короткий период адаптации, они становятся активными членами нового общества [14]. И тогда благотворный цикл обновления может повториться снова. В конце концов, эмиграция, совершенная в нужное время, может уберечь высо-

кие маки от риска быть остриженными в родной стране.

Заключение

Время привычной нам линейной модели времени принадлежит коллективу, а не человеку. Эволюция человеческих сообществ может быть процессом поиска равновесия, в котором наиболее приспособленными индивидами оказываются те, кто уклоняется от соревнования, а не те, кто стремится добиться конкурентного превосходства над своими товарищами, подвергая себя риску последующего исключения из группы совместными усилиями ее менее успешных членов.

Адаптируясь к условиям жизни в обществе, человек ограничивает свое репродуктивное поведение в надежде, что отлаженные социальные институты обеспечат выживание его рода даже в случае единственного ребенка в семье. Однако, время существования любого человеческого сообщества, как правило, ограничено лишь несколькими поколениями, в течение которых действенность его социальных институтов снижается, а система управления становится все менее эффективной из-за неуклонно возрастающей некомпетентности ее элементов. Рассогласование между стимулами, используемыми при принятии жизненных решений, и последствиями таких решений в условиях социальной аномии, может поставить семью в рискованное положение, а то и погубить. Глобализация не меняет сути происходящих социальных процессов, но лишь синхронизует их в планетарном масштабе.

Регулярная (раз в несколько поколений) «эмиграция на выносливость», подобная бегу на выносливость, когда-то обеспечившая выживание человеку как биологическому виду на ранних этапах его эволюции, может вывести семью из экологической ловушки путем поддержания и повышения степени лабильности жизни. Приобретая способность планировать свои действия самостоятельно, без оглядки на коллектив, эмигранты не стесняются иметь больше детей, чем было принято, как в стране их происхождения, так и в стране пребывания.

Благодарности

Автор выражает сердечную признательность А.Н. Лебедеву за организацию Академического дискуссионного клуба Института психологии РАН, а также всем участникам заседания дискуссионного клуба за полезные обсуждения, последовавшие за докладом автора по теме «Выживание в условиях неопределенности» (<https://www.youtube.com/watch?v=sv9JXkLwnjA>). Автор выражает признательность редакторам журнала за помощь в адаптации статьи для русскоязычного читателя.

Литература

1. Волченков Д. Психология выживания в глобальном обществе риска: модели времени // Ученые записки Института психологии РАН. 2021. Том 1. № 2. С. 51-68.
2. Морозов А. Консервативная революция. Смысл Крыма. 17 марта 2014. <http://www.colta.ru/articles/society/2477>.
3. Павловский Г.О. Система РФ в войне 2014 года. De Principatu Debili. М.: Издательство Европа. 2014.
4. Серкин В.П. Социально-психологические причины миграции населения Северо-Востока России // Личность в экстремальных условиях. Сборник научных трудов. Ч. 1. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. С.161-177.
5. Bernardi L., Klärner A., von der Lippe H. Job insecurity and the timing of parenthood: a comparison between Eastern and Western Germany // European Journal Population. 2008. № 24(3). P. 287-313.
6. Boehm C. Hierarchy in the Forest: The Evolution of Egalitarian Behavior. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.
7. Bramble D., Lieberman D. Endurance running and the evolution of Homo // Nature. 2004. №432 (7015). P.345-352.
8. Carrier D.R., Kapoor A.K., Kimura T., Nickels M.K., Satwanti, Scott E.C., So J.K., Trinkaus E. The energetic paradox of human running and Hominid evolution // Current Anthropology. 1984. № 25 (4). P. 483-495.
9. Cruz V. Educational attainment of first and second generation immigrant youth. New findings from national longitudinal data (Research guided by R. Capps, T. Vericker, D. Kuehn) at Urban Institute, Summer Academy for Public Policy Analysis and Research, Research Brief № 5. 2009.
10. Danner E.W., Lonky E. A cognitive-developmental approach to the effects of rewards on intrinsic motivation // Child Development. 1981. № 52. P. 1043-1052.
11. Ellis B.J. Timing of pubertal maturation in girls: an integrated life history approach // Psychological Bulletin. 2004. №130. P. 920-958.
12. Feather N.T. Attitudes towards the high achiever: the fall of the tall poppy // Australian Journal of Psychology. 2011. № 41(3). P. 239-267.
13. Garland D. The Tall Poppy Syndrome: Modern Guide to an Ancient Metaphor. Kindle Edition. 2020. <https://www.amazon.com/dp/B08R7YCC72>
14. Glubb J.B. The Fate of Empires and Search for Survival. Edinburgh: William Blackwood and Sons. 1978.
15. Gonzalez N.A., German M., Kim S.Y., Preethy G. Mexican American adolescents' cultural orientation, externalizing behavior and academic engagement: the role of traditional cultural values // American Journal of Community Psychology. 2008. №41. P. 151-164.
16. Griskevicius V., Tybur J.M., Delton A.W., Robertson T.E. The influence of mortality and socioeconomic status on risk and delayed rewards: a life history theory approach // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. №100. P. 1015-1026.
17. Griskevicius V., Delton A.W., Robertson T.E., Tybur J.M. Environmental contingency in life history strategies: the influence of mortality and socioeconomic status on reproductive timing // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. № 100(2). P. 241-254.

18. Hagman M., Phillips B.L., Shine R. Fatal attraction: adaptations to prey on native frogs in imperilsnakes after invasion of toxic toads // Proceedings of the Royal Society: Biological Sciences. 2009. № 276. P. 2813-2818.
19. Heinsohn G. Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Zürich: Orell Füssli Verlag, 2003.
20. Huinink J., Wagner M. Regionale Lebensbedingungen, Migration und Familienbildung // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1989. № 41(4). P. 669-689.
21. Huinink J. Warum noch Familie? Zur Attraktivität von Partnerschaft und Elternschaft in unserer Gesellschaft. Frankfurt/Main; New York; Campus, 1995.
22. Krauss A., Graham C. Subjective wellbeing in Colombia: some insights on vulnerability, job security, and relative incomes. World Bank, Washington, D.C., Policy research working papers. 2013. № 6672.
23. La Guardia J.G. Developing who I am: a self-determination theory approach to the establishment of healthy identities // Educational Psychologist. 2009. № 44(2). P. 90-104.
24. Lieberman D.E., Bramble D.M., Raichlen D.A., Shea J.J. The evolution of endurance running and the tyranny of ethnography: a reply to Pickering and Bunn // Journal of Human Evolution. 2007. № 53(4). P. 439-442.
25. Melucci A. Inner time and social time in a world of uncertainty // Time and Society. 1998. №7. P. 179.
26. Min P.G. Major issues related to Asian American experiences. In: Asian Americans: Contemporary Trends and Issues. 2nd ed. Pine Forge Press, Thousand Oaks. 2006. P. 80-108.
27. Neuberg S.L., Sng O. A life history theory of social perception: Stereotyping at the intersections of age, sex, ecology (and race) // Social Cognition. 2013. № 31(6). P. 696-711.
28. Peeters B. Tall poppies and egalitarianism in Australian discourse: From key word to cultural value // English World-Wide. 2004. №25 (1). P. 1-25.
29. Reith G. Uncertain times: the notion of 'risk' and the development of modernity // Time and Society. 2004. №13(2-3). P. 383-402.
30. Report OECD: International Migration: The Human Face of Globalization. 2009. file:///C:/Users/user/AppData/Local/Temp/43569069.pdf
31. Ridley M. Evolution. 3rd ed. Blackwell Publishing, Hoboken, 2004.
32. Robertson B.A., Hutto R.L. A framework for understanding ecological traps and an evaluation of existing evidence // Ecology. 2006. № 87. P. 1075-1085.
33. Robin L., Peng B. Good Intentions Are Not Enough: Why We Fail At Helping Others. World Scientific, 2016.
34. Schedler A. The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism. Oxford Studies in Democratization Series. Oxford University Press, Oxford, 2013.
35. Singer M.C., Parmesan C. Lethal trap created by adaptive evolutionary response to an exotic resource // Nature. 2018. № 557. P. 238-241.
36. Tong Y. Mass alienation under state socialism and after // Communist Post-Communist Studies. 1995. № 28(2). P. 215-237.
37. Tölke A., Diewald M. Insecurities in employment and occupational careers and their impact on the transition to fatherhood in Western Germany // Demographic Research. 2003. №9(3). P. 41-68.
38. Volchenkov D. Survival under Uncertainty an Introduction to Probability Models of Social Structure and Evolution. Springer Series: Understanding Complex Systems, Berlin / Heidelberg, 2016.
39. Weber M., Baehr P.R., Wells G.C. The Protestant Ethic and the 'Spirit' of Capitalism and Other Writings. London: Penguin, 2002.
40. Wilder L.D. Son of Virginia: A Life in America's Political Arena. Lyons Press, 2015.

Статья поступила в редакцию 26.12.2021.

PSYCHOLOGY OF SURVIVAL IN A GLOBAL RISK SOCIETY: THE HYPOTHESIS OF EMIGRATION FOR ENDURANCE

© Dr. Dmitry Volchenkov

Habilitated Doctor of Science (France, Germany), Alexander von Humboldt laureate, the 1000 Talent Plan of China winner, professor of the Sichuan University of Science and Technology (China) and Texas Tech University (USA)

The purpose of the final part of our work "The Psychology of Survival in the Global Risk Society" is to substantiate the hypothesis of "endurance emigration" as a strategy for regular family renewal. Like the endurance running, which apparently played a decisive role in anthropogenesis at the early stages of human evolution, regular emigration can lead a family out of the ecological trap of outdated specializations and obsolete traditions by increasing the degree of lability of life. The proposed strategy is of particular importance in the context of rapid and unpredictable changes taking place in the global risk society.

Keywords: social psychology, global risk society, political psychology, survival psychology, risk psychology, linear time model

REFERENCES

- Volchenkov, D. (2021). Psihologiya vyzhivaniya v glo-bal'nom obshchestve riska: modeli vremeni [*Psychology of survival in a global risk society: models of time*] // Uchenye zapiski Instituta psihologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V 1. № 2. P. 51-68.
- Morozov, A. (2014). Konservativnaya revolyuciya. Smysl Kryma [*The Conservative revolution. The meaning of Crimea*]. 17 march 2014. <http://www.colta.ru/articles/society/2477>.
- Pavlovskij, G.O. (2014). Sistema RF v vojne 2014 goda. De Principatu Debili [*The system of the Russian Federation in the war of 2014. De Principatu Debili*]. M.: Izdatel'stvo Evropa [*Moscow: Publishing House Europe*].
- Serkin, V.P. (2012). Social'no-psihologicheskie prichiny migracii naseleniya Severo-Vostoka Ros-sii [*Socio-psychological causes of migration of the population of the North-East of Russia*] // Lichnost' v ekstremal'nyh usloviyah. Sbornik nauchnyh trudov [*Personality in extreme conditions. Collection of scientific papers*]. Part 1. Issue. 2. Petropavlovsk-Kamchatskij: KamGU im. Vitusa Beringa. P.161-177.
- Bernardi, L., Klärner, A., von der Lippe, H. (2008). Job insecurity and the timing of parenthood: a comparison between Eastern and Western Germany // *European Journal Population*. № 24(3). P. 287-313.
- Boehm, C. (2001). *Hierarchy in the Forest: The Evolution of Egalitarian Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bramble D., Lieberman D. Endurance running and the evolution of Homo // *Nature*. 2004. №432 (7015). P.345-352.
- Carrier, D.R., Kapoor, A.K., Kimura, T., Nickels, M.K., Satwanti, Scott, E.C., So, J.K., Trinkaus, E. (1984). The energetic paradox of human running and Hominid evolution // *Current Anthropology*. № 25 (4). P. 483-495.
- Cruz, V. (2009). Educational attainment of first and second generation immigrant youth. New findings from national longitudinal data (Research guided by R. Capps, T. Vericker, D. Kuehn) at Urban Institute, Summer Academy for Public Policy Analysis and Research, Research Brief № 5.
- Danner, E.W., Lonky, E. (1981). A cognitive-developmental approach to the effects of rewards on intrinsic motivation // *Child Development*. № 52. P. 1043-1052.

11. Ellis, B.J. (2004). Timing of pubertal maturation in girls: an integrated life history approach // *Psychological Bulletin*. №130. P. 920-958.
12. Feather, N.T. (2011). Attitudes towards the high achiever: the fall of the tall poppy // *Australian Journal of Psychology*. № 41(3). P. 239-267.
13. Garland, D. (2020). *The Tall Poppy Syndrome: Modern Guide to an Ancient Metaphor*. Kindle Edition.
<https://www.amazon.com/dp/B08R7YCC72>
14. Glubb, J.B. (1978). *The Fate of Empires and Search for Survival*. Edinburgh: William Blackwood and Sons.
15. Gonzalez, N.A., German, M., Kim, S.Y., Preethy, G. (2008). Mexican American adolescents' cultural orientation, externalizing behavior and academic engagement: the role of traditional cultural values // *American Journal of Community Psychology*. №41. P. 151-164.
16. Griskevicius, V., Tybur, J.M., Delton, A.W., Robertson, T.E. (2011). The influence of mortality and socioeconomic status on risk and delayed rewards: a life history theory approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. №100. P. 1015-1026.
17. Griskevicius, V., Delton, A.W., Robertson, T.E., Tybur, J.M. (2010). Environmental contingency in life history strategies: the influence of mortality and socioeconomic status on reproductive timing // *Journal of Personality and Social Psychology*. № 100(2). P. 241-254.
18. Hagman, M., Phillips, B.L., Shine, R. (2009). Fatal attraction: adaptations to prey on native frogs in imperiled snakes after invasion of toxic toads // *Proceedings of the Royal Society: Biological Sciences*. № 276. P. 2813-2818.
19. Heinsohn, G. (2003). *Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zürich: Orell Füssli Verlag.
20. Huinink, J., Wagner, M. (1989). Regionale Lebensbedingungen, Migration und Familienbildung // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. № 41(4). P. 669-689.
21. Huinink, J. (1995). *Warum noch Familie? Zur Attraktivität von Partnerschaft und Elternschaft in unserer Gesellschaft*. Frankfurt/Main; New York; Campus.
22. Krauss, A., Graham, C. (2013). Subjective wellbeing in Colombia: some insights on vulnerability, job security, and relative incomes. World Bank, Washington, D.C., Policy research working papers. № 6672.
23. La Guardia, J.G. (2009). Developing who I am: a self-determination theory approach to the establishment of healthy identities // *Educational Psychologist*. № 44(2). P. 90-104.
24. Lieberman, D.E., Bramble, D.M., Raichlen, D.A., Shea, J.J. (2007). The evolution of endurance running and the tyranny of ethnography: a reply to Pickering and Bunn // *Journal of Human Evolution*. № 53(4). P. 439-442.
25. Melucci, A. (1998). Inner time and social time in a world of uncertainty // *Time and Society*. №7. P. 179.
26. Min, P.G. (2006). Major issues related to Asian American experiences. In: *Asian Americans: Contemporary Trends and Issues*. 2nd ed. Pine Forge Press, Thousand Oaks. P. 80-108.
27. Neuberg, S.L., Sng, O. (2013). A life history theory of social perception: Stereotyping at the intersections of age, sex, ecology (and race) // *Social Cognition*. № 31(6). P. 696-711.
28. Peeters, B. (2004). Tall poppies and egalitarianism in Australian discourse: From key word to cultural value // *English World-Wide*. №25 (1). P. 1-25.
29. Reith, G. (2004). Uncertain times: the notion of 'risk' and the development of modernity // *Time and Society*. №13(2-3). P. 383-402.
30. Report OECD: *International Migration: The Human Face of Globalization*. 2009. <file:///C:/Users/user/AppData/Local/Temp/43569069.pdf>
31. Ridley, M. (2004). *Evolution*. 3rd ed. Blackwell Publishing, Hoboken.
32. Robertson, B.A., Hutto, R.L. (2006). A framework for understanding ecological traps and an evaluation of existing evidence // *Ecology*. № 87. P. 1075-1085.
33. Robin, L., Peng, B. (2016). *Good Intentions Are Not Enough: Why We Fail At Helping Others*. World Scientific,
34. Schedler, A. (2013). *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*. Oxford Studies in Democratization Series. Oxford University Press, Oxford.
35. Singer, M.C., Parmesan, C. (2018). Lethal trap created by adaptive evolutionary response to an exotic resource // *Nature*. № 557. P. 238-241.

36. Tong, Y. (1995). Mass alienation under state socialism and after // *Communist Post-Communist Studies*. № 28(2). P. 215-237.
37. Tölke, A., Diewald, M. (2003). Insecurities in employment and occupational careers and their impact on the transition to fatherhood in Western Germany // *Demographic Research*. №9(3). P. 41-68.
38. Volchenkov, D. (2016). *Survival under Uncertainty an Introduction to Probability Models of Social Structure and Evolution*. Springer Series: Understanding Complex Systems, Berlin / Heidelberg.
39. Weber, M., Baehr, P.R., Wells, G.C. (2002). *The Protestant Ethic and the 'Spirit' of Capitalism and Other Writings*. London: Penguin.
40. Wilder, L.D. (2015). *Son of Virginia: A Life in America's Political Arena*. Lyons Press.

The article was received 26.12.2021.

Экзистенциальная психология

МУДРЕЕ ДРЕМАТЬ И ПОМАЛКИВАТЬ ОБ ЭВТАНАЗИИ

© Новоселов В.М.

главный врач, АНО «Научно-медицинский геронтологический центр», Москва, Россия
Председатель секции геронтологии МОИП при МГУ, Москва, Россия
novoselovvm@mail.ru

Страх смерти – один из главных страхов в жизни любого человека. Но бывает и обратное, когда сам человек уже жаждет смерти. Особенно это стало заметно последние несколько десятилетий XX века, когда люди начали жить в целом значительно дольше, появились методы и средства, продлевающие жизнь самым тяжело больным людям. В связи с этим возникает вопрос: а может ли сам человек разумный, живущий в болезнях и немощи в условиях современного общества, осознанно и по доброй воле отказаться от продления своей жизни и твердо выбрать выход из страданий с помощью эвтаназии? Или решать такой вопрос прерогатива общества, врачей и юристов? В этой дискуссионной статье обсуждаются разные подходы к добровольному прекращению своей жизни и возможные направления развития данной сложнейшей этической темы постаревшего мира.

Ключевые слова: смерть, страдания, старение, эвтаназия

Введение

Ни для кого не секрет, что старость в истории человечества была всегда, но доживало до нее не так много людей, как в наши дни. Когда говорят, что раньше люди жили в 2-3 раза меньше, чем сегодня, то это не совсем так. Речь идет о расчетном показателе – ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Этот показатель век назад называли «вероятной продолжительностью жизни». А она действительно была очень низкой на фоне того, что в начале XX века 55% вкладом в показателе общей смертности в Российской империи была младенческая и детская смертность до 5 лет. Однако, всегда были и те, кто доживал до старости и даже до долголетия. И тут важны более четкие очертания в цифрах.

Например, по данным демографического отдела Ленинградского управления народного хозяйства из 2,733 тыс. населения на 1 января 1932 года только 4,75% приходилось на людей старше 60 лет. А людей старше 80 лет тогда было 0,15% от всего населения Ленинграда, что составляло лишь 4100 человек. Для сравнения на 1 января

2021 года в том же городе Санкт-Петербург женщин старше 80 лет – 194043 человека, а мужчин того же возраста 70897, что в 65 раз больше, чем 90 лет назад. При этом количество населения города выросло за этот период только в два раза и составляет на 2021 год 5384342 человека [1].

Если взять всю картину старения населения в России, где традиционно долго не живут, то людей старческого возраста стало довольно много. Напомню, что старым человеком считается любой, кто дожил до 75 лет. Например, женщин в нашей стране (на 1 января 2021 года) в возрасте 75-79 лет было – 1 877 315 человек, в возрасте 80-84 года – 2 666 012 человек, в возрасте 85-89 лет – 1 033 017, 90-94 года 482 484, 95-99 года – 98 198, а в 100 и старше лет – 20 639 человек.

Мужчин также немало: в возрасте 75-79 лет – 820 804 человек, 80-84 года – 946 974, в 85-89 лет – 325 238, в возрасте 90-94 года – 144 025, 95-99 лет – 33 334 человека, в возрасте 100 лет и старше – 9 781 человек. Если сложить все эти цифры от Федеральной службы государственной статистики РФ, то получим цифру около 8,5 млн. че-

ловек. С учетом размера всего населения России это означает, что каждый 17-й житель нашей страны находится в возрасте 75 и старше лет [5].

Да, это особенность нашего мира – он сильно постарел. Постарела не только Россия, но и вся планета. Но следующая и не менее важная сторона этого вопроса состоит в том, что произошло это очень быстро, всего лишь за прошлый век или даже его вторую половину. И это несмотря на две мировые войны, которые подарил нам XX век.

История эвтаназии

Следующая особенность процесса старения населения состоит в том, что это явление продолжает набирать ход. Например, уже к 2050 году, количество людей старше 85 лет на нашей планете увеличится в 4 раза, количество людей старше 100 лет в 7 раз. А количество людей старше 65 лет достигнет к середине XXI века цифры в 2 млрд. человек, тогда как сегодня их только около 700 млн. [6].

Ни для кого не секрет, что старость – это период самых тяжелых заболеваний и страданий, когда люди часто сами жаждут окончания своих мучений, а значит жизни. Громкие события, когда люди в нашей стране, сами заканчивали свою жизнь, не вынеся мучений болезни, всем хорошо известны. Понятно, что они хотели бы выбрать не такой вариант выхода из жизни, а эвтаназию.

Эвтаназия в переводе с греческого означает «хорошая смерть» или «спокойная и лёгкая смерть». Трактовка этого термина в разных странах различается, например, используется термин «ассистированное самоубийство» или «помощь в самоубийстве» [7], но суть от этого не меняется.

Вот такие определения этого явления можно встретить сегодня: эвтаназия – это добровольный акт прекращения жизни другого человека с целью облегчения его страданий; ассистированный суицид – это окончание собственной жизни с помощью другого человека; помощь при смерти – определение, которое часто используется политиками, когда законопроекты вносятся в парламент; самоубийство с помощью медицинского сотрудника – окончание собственной жизни с помощью медицинского сотрудника с целью прекращения его страданий. В данной статье по-

лутона и тона различий терминологии не рассматриваются.

Тема эвтаназии не новая, а очень и очень старая. Термин пришел из Греции, а значит на горизонте острейшей проблемы нашего времени, центром которой является разрешать или не разрешать эвтаназию, были древние греки. В клятве отца медицины древнегреческого врача Гиппократата есть важная для врача деонтологическая мысль: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла». Афинский мыслитель Платон в «Государстве» выступил сторонником эвтаназии, его позиция выглядит так: «не лечить больного, если он неизлечим, но если излечим, то нужно лечить».

Ученик Платона Аристотель в трактате «Риторика» занимает противоположную позицию – «лечить, если (и только если) лечение возможно, а если неизлечим, то не лечить». В обоих случаях именно знания врача о возможности лечения – важнейшее условие для того, чтобы лечить или не лечить пациента.

История эвтаназии находит продолжение и в XX веке. Так, король Георг V окончил жизнь с помощью своего врача, о чем стало известно только полвека спустя. Также известно, что основоположник психоанализа Зигмунд Фрейд попросил своего врача о большой дозе морфия, получил ее и избавил себя от мучений в 1939 году. Печальный исторический факт, но в этом же году в фашистской Германии была принята государственная программа принудительной эвтаназии, в ходе которой около 275 тыс. человек были признаны бесполезными для общества и отправлены в газовые камеры.

Вопрос о законности эвтаназии встал особенно остро именно во второй половине XX века, когда население планеты стало не просто жить значительно дольше, но и чаще доживать до своих мучительных страданий и зависимости немогущей жизни от постоянной помощи. И еще больше проблема обострилась в последние 20-25 лет. В 1995 году была совершена неудачная попытка осудить врача Джейкоба Кеворкяна, который получил прозвище «Доктор смерть» за то, что помог осуществить суицид 130 людям, страдающим неизлечимыми заболеваниями. После

этого события прокурор штата Мичиган инициировал рассмотрение поправок в законодательство штата. В итоге в 1999 году Кеворкян был обвинен в прямом убийстве второй степени, приговорен и провел в тюрьме более 8 лет. И, хотя тема помощи ухода из жизни в истории человечества, по сути, стара как мир, тем не менее, именно в этот раз вопрос стал очень остро – так что же это было, преступление против морали общества или же глубинный запрос от этого же общества на добровольное завершение жизни отдельного человека?

Зарождающиеся социальные сети постепенно показывали миру, как много людей думают об этой проблеме; о том, что многие не могут избежать страданий; о том, как много стало беспомощных стариков, и как много людей, которые опасаются оказаться именно в таком состоянии. Многие на этом моменте отвернутся от проблемы, а некоторые отложат статью, полагая, что эту табуированную нашим сознанием тему лучше обойти стороной. Может и так! Но не потому ли это происходит, что людям просто никто и никогда не говорил о последних днях их жизни, которые могут быть в крайне плачевном состоянии?

Эвтаназия: за и против

Одна сторона дискуссии говорит о праве на эвтаназию. Человек имеет право выбирать время своего ухода из жизни сам. Особенно это важно при сильнейших страданиях, постоянных болях и тотальной немоции. Сегодня в России каждый год умирает около 2 млн. человек, и далеко не все могут быть обеспечены паллиативной помощью и уходом. О каком достоинстве жизни или последних дней умирающего здесь может идти речь? Докажите государству, что мы не приматы и нам присуща человечность даже в таком тяжелейшем вопросе.

С одной стороны, со дня рождения Иисуса Христа ничего не изменилось – человек не только смертен, но и внезапно смертен. Но с другой стороны, он может жить долго и очень долго. При этом никто не освобождает его от мучений. Замечу, что более всего людей, уходящих из жизни, по моему опыту, волнуют два самых важных вопроса: как не потерять связь с бли-

жайшими родственниками до самой смерти и будет ли своевременно и в достаточном объеме купироваться боль. И это очень важный вопрос, особенно в рамках нашей бюрократизированной медицины.

Сегодня в мире существует много сторонников, защищающих право любого человека покончить с жизнью в связи с мучениями. Именно не право жить, а завершить свою жизнь. Причем завершить ее тогда, когда человек уже не видит смысла ее продолжать.

Несмотря на то, что споры об эвтаназии не утихают, сегодня уже есть страны (их около десяти), где за человеком официально признано право прибегнуть к добровольному выходу из жизни. А стран, где эта тема обсуждается законодателями, гораздо больше. Например, в Великобритании, где в целом довольно консервативное общество, ряд организаций выступает за легализацию добровольной эвтаназии: «Assisted Dying Coalition» в составе «Моя смерть мое решение», «Гуманисты Великобритании», «Гуманистическое общество Шотландии», «Friends at the End».

В Швейцарии суициды «с медицинским сопровождением» находятся в ведении частных организаций, и чтобы получить врачебное заключение, на основании которого человек получил бы право добровольно уйти из жизни, он обязан пройти исключительно детальное психологическое и медицинское тестирование. Но есть ли у девяностолетнего или столетнего человека, который часто и сидеть-то уже не может, силы, чтобы пройти такие тесты? Не только сильнейшие хронические боли способны сделать жизнь человека невыносимой, но и пролежни, глухота, слепота или недержание мочи и кала. А также те заботы, которые приносят эти люди своим ближним родственникам. Это даже не заботы, это остановка всех их планов и самой их жизни в целом.

Другая сторона спора говорит так – зачем вообще бороться за подобное право, если жизнь сама подойдет к логическому концу? Нужно обезболить человека, наладить ему паллиативный уход – пусть живет, пока жизнь не оборвется сама.

Эта часть общества настаивает на необходимости удерживать больного на этом свете до последнего, пытаясь сделать для него что-то чисто медицинскими методами. Их позиция – признать жизнь высшим благом, и именно по этому эвтаназия недопустима.

Вот как говорит об этом мой коллега, профессор, известный московский врач-гериатр Юрий Владимирович Конев: «Человек не должен страдать. Есть ливерпульский консенсус, который расписывает последние 48 часов умирающего больного. Паллиативная помощь позволяет пациенту практически не ощущать боли. Также на уровне психики происходят довольно явные изменения, такие как депрессия, которая приводит к решению о преждевременном уходе из жизни. Если медицине удастся убрать эти предпосылки, то и решение такое не будет приниматься» [8].

Приверженцы позиции «за эвтаназию» считают, что такой подход можно приравнять едва ли не к пытке. Их мнение, что человеку надо дать право управлять не только своей жизнью, но и правом выхода из нее. Это как вождение автомобиля, ведь водитель имеет право не только управлять, но и выйти из своей машины, как и вообще закинуть свои права на вождение и стать пешеходом или велосипедистом.

Вне зависимости от отношения к этому вопросу, обе стороны уже не скрывают, что проблема добровольного ухода из своей собственной жизни, когда огромное количество людей в возрасте старости и долголетия испытывают не радость от жизни, а только мучения, явно есть.

Этико-правовые и религиозные взгляды на эвтаназию

Есть и еще одна сторона этого вопроса. В 2007 году в СМИ была опубликована информация о том, что известный английский писатель Терри Пратчетт, суммарный тираж книг которого составил около 80 миллионов экземпляров, болен болезнью Альцгеймера. Таких больных в мире очень и очень много. Речь о десятках миллионов людей, но важно то, что их будет еще больше. По мнению экспертов в России, например, их уже около 1,5 млн. человек, что означает, что

каждый сотый житель страны находится в той или иной форме деменции [2].

Когда Пратчетт заболел ранней формой болезни Альцгеймера, он самоуверенно заявил, что зря эта болезнь связалась с ним. А в 2011 году он, уже оценив сложившуюся ситуацию, начал оформление документов для швейцарской организации «Dignitas», которая применяет разрешенную в этой стране эвтаназию. Одновременно вышел документальный фильм ВВС под названием «Терри Пратчетт: выбирая смерть». На эту же тему есть его лекции и выступления на youtube, в которых писатель освещает проблему эвтаназии. В 2012 году состояние Пратчетта ухудшилось, а через три года он ушел из жизни, так и не воспользовавшись услугами эвтаназии. Он просто уже не мог ими воспользоваться. И это тоже проблема, когда люди, потерявшие в пространстве и времени, не могут осуществить задуманное, пока они еще имели остатки интеллекта, воли и памяти.

В ноябре 2021 года парламент Португалии проголосовал за легализацию эвтаназии во второй раз в этом году, утвердив пересмотренный законопроект, направленный на устранение возражений, выдвинутых Конституционным судом. Законодатели проголосовали 138 против 84 при пяти воздержавшихся в поддержку измененного предложения, в котором разъясняются обстоятельства, при которых врачи могут оказывать помощь пациентам с «тяжелыми, неизлечимыми и необратимыми» состояниями, которые хотят покончить с собой. Если закон будет принят, Португалия присоединится к небольшой группе стран, где эвтаназия является законной, включая Испанию (которая приняла аналогичный закон в июне 2021), Бельгию, Нидерланды, Люксембург и Канаду. В некоторых штатах США разрешен уход из жизни с медицинской помощью. Закон о легализации эвтаназии в Новой Зеландии вступил в силу после его одобрения на референдуме в декабре 2021 года.

Самое последнее из событий по этой теме сообщила газета «TheTimes» 14 января 2022 года. Королевская прокуратура Великобритании предлагает смягчить свою позицию в отношении убийств из соображений милосердия, чтобы уменьшить вероятность того, что причастные к

ним лица будут привлечены к уголовной ответственности. В тех случаях, когда подозреваемый «полностью руководствуется состраданием» или когда человек принял «добровольное, твердое и осознанное решение покончить с собой», прокурорам будет сообщено, что дело может не отвечать общественным интересам.

В России сегодня эвтаназия запрещена законом и считается убийством, влекущим за собой уголовную ответственность. Общество и религия также в большинстве случаев выступают в роли ярых противников подобных шагов и медицинских мер, направленных на произвольный уход из жизни по воле самого человека.

Статья 45 Федерального закона РФ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» от 21.11.2011 запрещает врачу «удовлетворять просьбы больного об ускорении его смерти». Противники эвтаназии также как довод приводят статью 20 Конституции РФ, где закреплено право человека на жизнь.

Позиция протоиерея Сергия Александровича Горшкова (клирика храма Вознесения господня на Гороховом поле в г. Москве) об эвтаназии такова: «Все, что дается человеку, дается от Бога. И даже страдания. И этот этап должен быть пройден. И не только человеком, но и его родственниками».

В декабре 2021 года Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства заявила следующее: «В огромной опасности и другая человеческая святыня, тесно связанная с семьей, – речь идет о человеческой жизни. Вместо признания ценности и необходимости защиты жизни каждого человека с момента зачатия и до естественной смерти сознательно навязывается одобрение разных форм аборта и эвтаназии – то есть уничтожения самых незащищенных, самых уязвимых людей – младенцев, тяжело больных, стариков.

Все это приводит к трагедиям в жизни людей: в частности, новое исследование, проведенное на основе данных из 62 стран, демонстрирует серьезную связь между уровнем самоубийств и уровнем абортов в различных государствах. Исследование опубликовано в «Азиатском журнале психиатрии». Идеологическим следствием укоренения абортивного мышления в медицинском про-

фессиональном сообществе и в общественном сознании сегодня фактически становится такое духовно губительное явление, как эвтаназия (в частности, осенью 2021 года Британская медицинская ассоциация в ходе голосования приняла решение перестать выступать против легализации эвтаназии, заняв «нейтральную» позицию по этой проблеме. Решение принято 149 голосами против 145)» [9].

В то же время на сайте РПЦ церковно-общественного совета по биоэтике 3 марта 2021 года размещена такая информация: «Компания «Медицинские информационные решения» представила исследование, посвященное отношению российских врачей к проблеме эвтаназии. С помощью сервиса поддержки принятия врачебных решений «Справочник врача» было опрошено 4772 специалиста с высшим медицинским образованием со всей страны.

Участникам исследования предложили выбрать из нескольких вариантов определений то, которое больше всего подходит для термина «эвтаназия». Большая часть врачей – 1989 (42%) опрошенных – сочла, что речь должна идти о праве человека на смерть без мучений. Реализацией права человека распоряжаться своей жизнью назвали эвтаназию 1448 (30%) опрошенных. Еще 445 (9%) врачей считают ее убийством из сострадания, 464 (10%) – самоубийством, ассилируемым врачом. Оставшиеся 9% опрошенных считают эвтаназию обычным убийством, ничем не отличающимся от любого криминального.

На вопрос о том, являются ли они сторонниками эвтаназии, 58% респондентов ответили «Да». Остальные 42% считают, что эвтаназия недопустима, нужно лечить пациента до последнего вздоха» [10].

На мой взгляд, для России ответа на этот глубинный запрос от нашего, хоть и быстро стареющего общества, пока нет и быть не может. Или же он будет слишком сложным, особенно в рамках такого тяжелого бюрократического аппарата, когда в нем запутаются сами юристы, которые волей-неволей должны будут заниматься правовыми вопросами ухода из жизни. Тем более, в этом моменте истины нужно избежать любых криминальных накладок. В рамках нашей действительности наибо-

лее продуктивным будет предложение таких альтернативных способов решения проблемы, как паллиативный или просто более тщательный уход за умирающим человеком. И конечно, должно быть больше сострадания и помощи таким людям со стороны нашего государства, чем мы это видим сегодня.

Но все меняется, люди не только перестраивают свои взгляды и отношения, но и само время быстро корректирует взгляды людей. По моему личному мнению, проблема эвтаназии, так как это очень гуманный запрос со стороны самого быстро стареющего общества, разрешится сам собой к 2050 году, когда наш мир постареет настолько основательно, что это станет глобальной проблемой номер один [3, 4]. А пока тут к месту будут слова великого сказочника Евгения Шварца: *«Когда тебе тепло и мягко, мудрее дремать и помалкивать, чем копаться в неприятном будущем».*

Литература:

1. Новоселов В.М. Азбука долгожителя. Москва: Эксмо, 2021.

2. Новоселов В.М. Альцгеймер. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2022.
3. Новоселов В.М. Почему мы стареем. Москва: Эксмо, 2019.
4. Новоселов В.М. Как в России жить долго. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2021.

Интернет источники:

5. www.fedstat.ru
6. www.afro.who.int/sites/default/files/2017-06/9789244565049_rus.pdf
7. Austria to allow tightly limited right to assisted suicide. AP News. 17 December, 2021. <https://apnews.com/article/health-europe-austria-assisted-suicide-403a113e0b1dde3f6a07b3a13b16dcfc>
8. https://www.bbc.com/russian/society/2015/09/150911_5floor_euthanasia_debate
9. <http://www.patriarchia.ru/db/text/5869119.html>
10. <https://cosb-mp.ru/novosti/issledovanie-pochti-60-rossijskikh-vrachej-podderzhivayut-pravo-patsienta-na-evtanaziyu>

Статья поступила в редакцию 29.01.2022.

BETTER NOT TALKING ABOUT EUTHANASIA

© Valery M. Novoselov

Chief Physician, Scientific Medical Gerontological Center, Moscow, Russia
Chairperson of the Gerontology Section at Moscow State University, Moscow, Russia
novoselovvm@mail.ru

The fear of death is one of the main fears in the life of any person. But the opposite also happens, when the person himself already longing for death. This has become especially noticeable in the last few decades of the twentieth century, when people generally began to live longer and methods and means appeared that prolong the life of the most seriously ill people. In this regard, the question arises: can a reasonable person himself, living in illness and infirmity in the conditions of modern society, arbitrarily and of his own free will refuse to extend his personal life and choose a way out of suffering with the help of euthanasia? Or is it the prerogative of society, doctors and lawyers to solve such a question? This article discusses different approaches to the voluntary termination of one's life and possible directions for the development of this most complex ethical topic of the aged world.

Keywords: death, suffering, aging, euthanasia

REFERENCES

1. Novoselov, V.M. (2021). Azbuka dolgozhatelya. [*Longevity alphabet*]. Moskva. [Moscow. Publ. Eksmo].
2. Novoselov, V.M. (2022). Al'cgejmer. [*Alzheimer*]. Moskva. [Moscow. Publ. GEOTAR-Media].
3. Novoselov, V.M. (2019). Pochemu my stareem. [*Why do we age*]. Moskva. [Moscow. Publ. Eksmo].
4. Novoselov, V.M. (2021). Kak v Rossii zhit' dolgo. [*How to live long in Russia*]. Moskva. [Moscow. Publ. GEOTAR-Media].
5. Internet sources:
www.fedstat.ru
6. www.afro.who.int/sites/default/files/2017-06/9789244565049_rus.pdf
7. Austria to allow tightly limited right to assisted suicide. A.P. News. December 17, 2021
<https://apnews.com/article/health-europe-austria-assisted-suicide-403a113e0b1dde3f6a07b3a13b16dcfc>
8. https://www.bbc.com/russian/society/2015/09/150911_5floor_euthanasia_debate
9. <http://www.patriarchia.ru/db/text/5869119.html>
10. <https://cosb-mp.ru/novosti/issledovanie-pochti-60-rossijskikh-vrachej-podderzhivayut-pravopatsienta-na-evtanaziyu>

The article was received 29.01.2022.

Эволюционная психология

МОДЕЛЬ РИТУАЛЬНО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ УСТАНОВОК, СПОСОБНОСТЕЙ И ЗАБОТ

© Розов Н.С.

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук
(ИФПР СО РАН), Новосибирск, Россия,
nrozov@gmail.com

В статье предложена концептуальная модель – комплекс понятий и связывающих их положений – предназначенная для объяснения происхождения речи и сознания как уникальных человеческих свойств. Соответствующие способности формируются в онтогенезе на основе имеющихся врожденных задатков. Понятия, раскрывающие механизмы процессов социализации и инкультурации, построены для последующего эволюционного объяснения речевых и когнитивных задатков в ходе антропогенеза.

Ключевые слова: речевые способности, когнитивные способности, глоттогенез, ноогенез, коммуникативные заботы, интерактивный ритуал, интериоризация, установка, сознание, структура «Я», воля, социальный порядок, социоприродная ниша

Почему палеопсихология отстает от исследований происхождения языка

Очевидное качественное различие – огромный разрыв – между психикой животных и человека, уникальность человеческого языка и сознания указывают на необходимость выявления эволюционных механизмов формирования этих черт. Главная трудность изучения данных механизмов состоит в отсутствии прямых эмпирических данных [6; 15].

Вместе с тем, в последние три десятилетия в мировой науке бурно развиваются исследования происхождения языка – глоттогенеза [4; 6; 25; 30; 36; 37; 40; 43; 46; 48]. Лингвисты в основном согласны между собой, как устроен язык [31]. Таким образом исследователи глоттогенеза знают, по крайней мере, каков финальный пункт этого этапа языковой эволюции [4; 6].

Гораздо меньше работ по палеопсихологии – изучения становления человеческих психики и сознания – ноогенеза [19; 23; 26; 29; 34], причем с явным перевесом нейронаук над психологиче-

ским подходом [9; 23; 38; 39; 41]¹. Вероятная причина – разрозненность и разнородность психологических понятий, что препятствует их согласованному применению в сложнейшей эволюционной проблематике.

Требуется охватывающий понятийный каркас для реконструирования, объяснения явлений и процессов эволюции от вполне животной психики предков гоминид до человеческих психики и сознания сапиенсов верхнего палеолита.

Объясняемые явления

Речь, речевая (вербальная) активность – непосредственно воспринимаемые процессы чужого и собственного говорения.

Индивидуальное сознание в качестве предмета объяснения предстает в виде «субъективной реальности», которую воспринимает некое «Я» как свой «внутренний опыт». Последнему принято

¹ Книга Б.Ф. Поршнева [21] не привлекла ученых к палеопсихологии, а, скорее, отпугнула.

приписывать свойства непрерывности, подконтрольности, потенциальной всеохватности. Предполагается, что структура «Я» ответственна за принятие решений, управление поведением благодаря волевым способностям, осуществление внутренних актов (мышления, воображения, воспоминания), в той или иной мере осознанных и произвольных.

В философских и теоретических рассуждениях о свойствах сознания, основанных на интроспекции, принято подчеркивать его единство, ясность, простоту и непосредственную данность – «прозрачность», свободу и произвольность, рефлексивность, иногда даже рядоположенность миру – «тотальность» [1; 38; 39; 41]. Не отрицая субъективной реальности таких представлений, принимаем здесь множественную (плюралистичную) концепцию сознания как сложной системы, объединяющей чувственный опыт восприятия, элементы внутреннего опыта, способности и установки,² которые, прежде всего, требуют эволюционного объяснения. В качестве рабочего понятия примем следующее определение: «Сознание (в своем полном развитии) – это целостное поле чувственных и смысловых представлений со способностями: перемещать фокус внимания от предмета к предмету, учитывать происходящее в других местах и временах, ориентироваться в этом пространстве, перемещаться в смысловых контекстах³, использовать ранее накопленные представления для распознавания и обдумывания происходящего, принятия решений и соответствующего поведения» [25, с. 69].

Ментальные механизмы

*Способности*⁴, в том числе, речевые, высшие когнитивные⁵ и волевые, – свойства инструментального характера, позволяющие индивидам проявлять себя, воспринимать происходящее и действовать определенным образом [22].

² Ср. с идеями модулярной природы сознания [9], когнитивного плюрализма [23], ментальных ресурсов субъекта [22].

³ Перемещение в контекстах может обозначаться, в том числе как «когнитивная гибкость» [10, с. 179].

⁴ Каждая способность реализуется внутренними механизмами, с необходимостью включающими исполнительные функции [10].

⁵ Ср. с «высшими психологическими функциями» [11].

Установки (аттитюды в широком смысле) – сформированные в онтогенезе регулятивные структуры психики, управляющие процессами, актами сознания и поведения [1; 28]⁶. В данной модели установки разного типа считаются внутренними причинами мотивов, интересов, желаний, убеждений, принятых принципов и правил поведения, святынь, ценностей⁷.

Язык трактуется как взаимосвязь лингвистических (фонетических, лексических, грамматических, синтаксических, семантических) элементов и конструкций. До возникновения письменности каждый язык существовал только в речевых способностях и речевой активности индивидов соответствующих сообществ. С другой стороны, в каждый период своего развития в речи использовались только составляющие языка. Поэтому далее язык и речь не противопоставляются друг другу, а считаются двумя аспектами (системным и процессуальным) одного комплексного явления. Язык и речь имеют одновременно социальную (коммуникативные взаимодействия), психическую (способности, установки), культурную (трансляция в поколениях), генную и церебральную (врожденные задатки к освоению любого языка) природу⁸.

Структура «Я» трактуется как особый комплекс установок и способностей. Базовая когнитивная схема (*фрейм*) этого комплекса включает «субъекта» (воспринимающей, решающей, действующей инстанции [5]) и «опыт» в самом широком смысле, включающий воспринимаемое органами чувств окружение, а также содержания «внутренней жизни» (воображаемое, мыслимое, вспоминаемое) [2; 18; 38; 39; 45]. Сам этот фрейм у каждого индивида складывается в раннем детстве (2-3 года) через интериоризацию представлений о других людях, которые также

⁶ Установки по большей части являются составными структурами с когнитивными, нормативными, эмоциональными, бихевиоральными и другими компонентами [24].

⁷ В данную упрощенную модель не включаем сложные темы, касающиеся самосознания, субъектности, произвольности, свободы выбора и т.п. [1; 3; 18; 23; 41].

⁸ В генах или нейронных структурах мозга младенца заложены не «универсальные грамматики» (по Н. Хомскому), а задатки по усвоению в сензитивный период любых языков с их грамматиками.

что-то видят, слышат, чувствуют (Theory of Mind [25, с. 256]). Главные способности сознания, связанные со структурой «Я», заключаются в ориентации (постоянном отслеживании своего местонахождения во времени и пространстве, в социальной ситуации), в направлении, перемещении внимания с разной степенью произвольности на разные предметы и контексты вплоть до себя самого, своих переживаний и внутренних действий (самосознание, рефлексия) [25, с. 215-223; 36; 40].

Нормативность – наличие в психике действительных однотипных установок, управляющих ментальными и поведенческими актами соответственно установленным в данном социальном порядке (см. ниже) запрещающим, разрешающим и предписывающим правилам. Эти нормативные установки формируются в нормативных ритуалах как особом типе интерактивных ритуалов (см. ниже). Нормативность – важнейшее универсальное свойство человеческих социальных порядков, культур, психики, которое, судя по всему, формировалось еще на ранних стадиях глоттогенеза и ноогенеза [25, с. 83-106; 37].

*Волевые процессы*⁹ трактуются как акты самопринуждения, когда управляющая роль передается одному комплексу нормативных установок – ценностям, целям, принципам долженствования, «супер-эго» – при подавлении другого комплекса установок, обычно связанного с базовыми органическими и социальными потребностями, такими как: получение удовольствия, достижение комфорта, престижа, осуществление материальных интересов и т.п. Волевые способности формируются в интерактивных ритуалах, когда соответствующие символы, установки накапливают эмоциональную энергию [24; 35]. Воля укрепляется в последующих практиках самопринуждения, которые также имеют ритуально-эмоциональную природу, обычно являются подготовкой успешного выступления в будущих реальных взаимодействиях. Волевые процессы значимы в палеопсихологии, поскольку осуществляют нормативность.

⁹ Психология воли довольно активно обсуждается в отечественной литературе, в том числе в эволюционном аспекте [11; 12; 16; 18; 26].

Внешние и внутренние условия формирования психики и поведения

Техноприродные ниши – материальная среда жизни групп социальных гоминид и людей, использующих орудия, обустроивающих стоянки, жилища, очаги, прокладывающих тропы и т.д. [42; 46].

Социальные порядки – структуры отношений, позиций, норм, доступа к благам и ресурсам в живущих вместе группах особей одного вида (в том числе, гоминид и людей) [7; 25, с. 48-50; 37; 47].

Культурные образцы – всевозможные знаки, значения, образные содержания, составные смыслы, которые транслируются в поколениях через социальное обучение с использованием символизации [43]. Формирование в психике индивида структур (установок) вследствие этого обучения позволяет распознавать соответствующие объекты, адекватно реагировать на них, а также самостоятельно использовать усвоенные образцы [2; 3]¹⁰.

Обеспечивающее сообщество – связанные социальным порядком индивиды (семья, клан, сплоченная группа, организация), благодаря практикам которых их члены получают защиту, средства пропитания и благосостояния, престиж и социальный статус, ресурсы для влияния, власти, доминирования и т. п. В локалистских культурах каждый индивид включен лишь в одно обеспечивающее сообщество, в рамках которого проходят все ритуалы, все процессы социализации и инкультурации. В космополитических культурах (например, в крупных современных городах) таких сообществ у каждого индивида может быть несколько, соответственно разнотипные ритуалы ведут к разнотипным установкам – усложнению структуры личности [5; 35].

Базовые потребности – врожденные, органически и инстинктивно заданные нужды в сферах пропитания, безопасности, положения и отношений среди соплеменников, сексуальности, роди-

¹⁰ Дифференцированные сигналы и всевозможные умения, паттерны поведения и отношений, передаваемые высшими млекопитающими своему потомству, не сводимые к инстинктам [8; 12; 13; 44], правильно называть «предкультурными образцами». Человеческие культура и культурные образцы неразрывно связаны с языковой символизацией.

тельства. Многие из этих потребностей универсальны для высших млекопитающих, в том числе антропоидов, людей, а значит и гоминид [7; 8; 30; 44; 47].

Врожденные задатки, позволяющие всем способностям развиваться в онтогенезе. При известном разнообразии человеческих задатков как между индивидами, полами, так и между этносами, в данной модели будем учитывать только универсальные задатки психики вида *Homo sapiens*. Задатки обладают большой общностью своего потенциала, поскольку в разной социальной и культурной среде, в разных типах обучения и воспитания в онтогенезе на основе одних и тех же задатков формируются соответствующие среде способности [43]. Нейронные и другие задатки предоставляют как возможности, так и ограничения для формирования способностей [41]. Сами способности под действием практик, обретенных способностей существенно меняются, особенно в детстве [32; 43; 47]. Задатки имеют генные основы, объяснение которых возможно только при обращении к эволюции [17; 20; 27].

Формирование ментальных механизмов в онтогенезе

Инкультурация и социализация – аспекты процессов включения индивидов в отношения, социальные порядки, приобщения к опыту охватывающего общества [11; 12; 15; 35; 41; 43]. В инкультурации акцент делается на освоение культурных образцов, прежде всего, в качестве когнитивных и ценностно-нормативных установок; в социализации – на освоение умений и навыков взаимодействия с окружающими, прежде всего в качестве установок идентичности и поведенческих стереотипов. Инкультурация (в том числе освоение языка ребенком) и социализация отнюдь не означают пассивность индивида и только «вкладывание» в него образцов. Эти процессы обычно интерактивны, тем более, когда индивид мотивирован. Индивид делает пробы по использованию полученного опыта, обычно получает корректирующую обратную связь, однако его активность не сводится к «пробам и ошибкам». Так, осваивающий язык ребенок делает свои речевые пробы на основе сложившихся «внутренних гипотез» о правильных конструкциях

(например, склонениях или спряжениях) [32; 33]. Эти подкрепленные «гипотезы» как раз и составляют основу способности продуцировать речевые высказывания соответствующей формы.

Заботы – индивидуальные и групповые установки, направленные на достижение приемлемых состояний самих индивидов, своей группы или фрагмента охватывающей техноприродной ниши, социального окружения. Заботы всегда прямо или опосредованно связаны с базовыми потребностями (см. выше), но не сводятся к ним. Заботы как установки формируются во взаимодействии индивида с конкретным окружением, а именно проявлениями социального порядка и техноприродной ниши [25, с. 31-37].

Типы забот многообразны, но для палеопсихологии достаточно выделить когнитивные заботы (строить приемлемые для своих установок и пригодные для практики картины происходящего), материальные (получать нужное, избавляться от опасного в техноприродной нише) и социальные (сохранять, налаживать нужные отношения, сохранять или что-то менять в охватывающем социальном порядке) [25, с. 33-36, 60-61].

Подтипы социальных забот (особенно значимых для психики, сознания, языка): *коммуникативные заботы* (передавать сообщения с требуемым и доступным уровнем полноты, точности, убедительности, распознавать и понимать их), *нормативные заботы* по установлению, оспариванию, модификации правил поведения, взаимодействия и *организационные заботы* слаженности, координации совместных действий [25, с. 31-37; 54-61; 37].

Обеспечивающие структуры – это комплексы практик (в том числе речевых), материальных, организационных, институциональных и прочих средств, а также психических установок и способностей индивидов и групп, с тем или иным успехом удовлетворяющие актуальные заботы вышеуказанных типов.

Практики (повторяющиеся действия с коррекцией) трактуются как обеспечивающие (заботу) структуры, обычно включающие способности, ресурсы, средства, координацию и пр. [25, с. 58-61].

Вербальная активность на любом уровне развития речи трактуется либо как рутинная ре-

акция (что неплохо объясняется в духе Б. Скиннера), либо как новый ответ на новый вызов (см. ниже), чаще всего также вербальный, либо как речевая практика, обеспечивающая определенную коммуникативную заботу. В обоих последних случаях речь индивида порождается имеющимися установками и способностями, полученными ранее [27; 32; 33].

Формирование установок и способностей на уровне ультрамикро

Интерактивный ритуал – радикально расширенное понятие ритуала («явного», или «натурального»), означающее любое взаимодействие в ситуации «здесь и сейчас», где проявляется какой-то социальный порядок (правила), есть общий фокус внимания и при посредстве символов, символизации осуществляется эффективное воздействие на психику участников [15, 24; 25, с. 63-64, 35]. Наиболее значимы полноценные успешные ритуалы – эмоционально впечатляющие действия с синхронизацией действий (включая речи, пение, молитвы), психофизиологических ритмов, формированием общих сильных чувств относительно друг друга (например, моральная солидарность, ощущение единства), и предметов, символов, на которых сфокусировано общее внимание.

Нормативный ритуал – тип интерактивного ритуала, прямо направленного на формирование определенных нормативных установок участников, обычно через явное групповое поощрение «правильного» поведения и порицание «неправильного» [25, с. 99-109].

Ритуал переименования и отгадывания — предположительно базовая практика обновления языковых конструкций и одновременного развития речевых способностей в эпоху глоттогенеза [25, с. 145-153]. Ритуал возобновлялся при каждом вызове отсутствия или затруднений во взаимопонимании между членами группы (позднее – в межгрупповых коммуникациях). Найденная и понятная собеседникам звуковая формула (новое протослово, протофраза, пиджин-предложение и проч. [4]) многократно повторялась и закреплялась в качестве установки и способности последующего использования в сходных обстоятельствах [25, с. 40-43].

Интертериоризация – механизм превращения частей или аспектов социальных взаимодействий во внутренние психические структуры [11; 12; 27; 35]. Точнее, некоторые структуры психики индивида (в качестве ингредиентов) трансформируются, уподобляясь социальным взаимодействиям, в которых этот индивид участвовал. Интертериоризация – главный микросоциальный и психологический механизм формирования установок участников интерактивных ритуалов [25, с. 61-66].

Оперантное обусловливание, положительное и отрицательное подкрепления – успешные поведенческие попытки (в том числе, речевые) закрепляются в качестве психических структур, управляющих ответами на подобные стимулы. Неудачные, провальные попытки не закрепляются. Если бывшие ранее успешными ответы терпят очевидный провал или систематически не приводят к ожидаемому результату, то активизируется поисковая и конструктивная активность, предпринимаются новые попытки, пока вновь не будут отобраны и не закрепятся успешные. Вполне вероятно, что в свернутом виде сходные процессы происходят в распознавании образов, речи, где «попытками» являются перцептивные гипотезы (таковы процессы сличения в экспериментах с сознанием) [2; 9].

Эмоциональная энергия — внутренний ресурс потенциальной активности индивида и группы. В механизмах ритуалов успех участника, его близость к центру внимания ведет к повышению его эмоциональной энергии и укреплению соответствующих установок (энтузиазм, чувство «моральной силы» по Э. Дюркгейму) [15].

Эмоции (субъективные, нервные, гормональные, двигательные возбуждения разной модальности) трактуются в модели как следствия сопоставления элементов опыта с уже имеющимися установками.

Обновление и развитие психических структур

Вызовы (расширение известного концепта А. Тойнби) – воздействия, возмущения, изменения любой природы, которые либо могут нанести, уже наносят ущерб предметам забот (*вызовы-угрозы*), либо открывают новые перспективы

для лучшего удовлетворения определенных забот (*вызовы-возможности*). Главные вызовы обычно прямо или косвенно связаны с базовыми потребностями.

Пробы ответов – индивидуальные или групповые попытки восстановить или улучшить параметры предметов заботы, на которые направлены вызовы [25, с. 58-60]. Успешные пробы закрепляются, неудачные отвергаются согласно принципам оперантного обусловливания (см. выше). Возобновляющиеся вызовы приводят к формированию новых *забот* (как особых установок). Успешные пробы в таких случаях образуют средствами, способностями и превращаются в *обеспечивающие структуры* [25, с. 35-36].

Ингредиенты проб и обеспечивающих структур включают ранее обретенные психические, поведенческие установки и способности, социальные взаимодействия и отношения, культурно транслируемые правила, знаковые средства, символы, а также материальные средства (от орудий и сырья до предметов ландшафта и природных явлений). Каждая новая обеспечивающая структура является потенциальным источником ингредиентов новых проб на вызовы, а значит новых структур для новых забот [25, с. 34-37; 79-80].

Издержки – непреднамеренные следствия активности обеспечивающей структуры, ведущие к новым напряжениям, вызовам, ухудшению предметов тех или забот по разным параметрам [25, с. 33-34]. Активность каждой новой обеспечивающей структуры, особенно в своих материальных и социальных составляющих, ведет к новым издержкам, что нередко производит новые вызовы и заботы, требующие новых ответов и обеспечивающих структур.

Зона ближайшего эволюционного развития (ЗБЭР)¹¹ является пространством возможностей для структур следующей ступени, которые дают структуры предыдущей, их потенциал модификаций и сочетаний [25, с. 31-33].

¹¹ Здесь вполне прозрачна аналогия с «зоной ближайшего развития» в онтогенезе [11]. Практически идентичное понятие «эволюционная зона ближайшего развития» использует Г.Г. Филиппова [29].

Постулаты модели

Принцип практики как отбора проб. В онтогенезе способности формируются в практиках – повторяющихся действиях, обычно входящих в обеспечивающие структуры забот. В меняющихся обстоятельствах способности совершенствуются благодаря закреплению успешных проб и подавлению, отсеиванию неудачных. С одной стороны, новые и более развитые способности (и соответствующие задатки при смене поколений через эффект Болдуина, генно-культурную коэволюцию и культурный драйв) [14; 17; 42; 43] являются побочными результатами практик как обеспечения забот, с другой стороны, они ведут к новым вызовам-возможностям, соответственно, к новым пробам и формированию новых способностей [25, с. 25-30].

Принцип «практики из забот». Каждая практика (повторы действий, в том числе при меняющихся условиях) осуществляется, только если мотивирована той или иной заботой, снабженной достаточным уровнем эмоциональной энергии.

Принцип «установки из ритуалов». Основные установки каждого индивида когда-то сформированы посредством механизмов интериоризации и положительного подкрепления в эмоционально насыщенных ритуалах, цепочках таких ритуалов, в которых он участвовал [24; 35]. Таким образом, в психике индивида запечатлеваются черты прошлых ритуалов: происходит интериоризация отношений к символам и к другим участникам в форме установок типа: «так устроено», «вот что важно и к чему буду стремиться», «я – такой-то по отношению к таким-то другим», «я должен и буду поступать так-то».

Принцип «практики подкрепляются ритуалами». Поскольку практики движимы заботами, а заботы, будучи комплексами установок, складываются в результате интерактивных ритуалов и их цепочек (см. выше), то исходными причинами практик являются успешные ритуалы, в которых также возрастает эмоциональная энергия как необходимый ресурс активности.

Принцип «ритуалы из порядков и образцов». Все ритуалы проводятся индивидами, которые уже связаны какими-то отношениями, а все отношения – часть действующего социального порядка (см. выше).

Принцип приверженности. Для каждого индивида, как правило, наиболее впечатляющие и действенные ритуалы происходят в его *обеспечивающих сообществах* (см. выше).

Принцип отсутствия полных эволюционных разрывов. Правомерно экстраполировать известные сходные черты начальной и конечной точек некоторого эволюционного периода на неизвестную середину; если на ранних ступенях или сходных с ними уровнях эволюции члены вида имели некую выраженную черту и явно сходная черта имеется у гораздо более эволюционно продвинутых видов – предположительных потомков, то резонно предполагать наличие этой черты в неизвестных нам промежуточных ступенях [14]. Поэтому у гоминида имелись когнитивные способности, практики, социальные порядки, инкультурация и социализация, даже заботы, установки, пусть гораздо более ограниченные, примитивные, чем у людей.

Модель как эвристика – источник проверяемых гипотез

Большое количество понятий и связей между ними могут создать впечатление о заявке на теорию. На самом же деле представленная модель является не теорией, положения которой позволяют объяснять и предсказывать конкретные явления, а только каркасом для открытого множества гипотез. Только если комплекс гипотез будет проверен и подкреплён, можно будет говорить о теории.

Главное свойство предложенных понятий и постулатов состоит в том, что они приложимы к современности, доступной для наблюдений, сравнений, обобщений, экспериментирования, к историческому прошлому, сведения о котором историки, исторические психологи и социологи черпают, главным образом, из текстов, артефактов, а также к преистории – дописьменной эпохе *Homo sapiens* и жизни гоминид, о чем можно судить лишь по весьма разнородным косвенным данным.

Эти данные всегда отрывочны и недостаточны для реконструкции процессов и явлений далекого прошлого, тем более для их объяснения. Разработанная методология такой работы, основана на расширении объяснительной схемы К.

Гемпеля [25, с. 44-47]. Представленный каркас психологических, микросоциологических и эволюционных понятий необходим для реконструкции ранних этапов развития характерных для человека речевых и когнитивных способностей, соответствующих задатков, чему будет посвящена следующая статья.

Литература

1. Акопов Г.В. Проблема сознания в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Выпуск 3. С. 43-64.
2. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. (Экспериментальная психологика, Т. 1). СПб: Изд-во ДНК, 2000.
3. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Изд-во Смысл. 2002.
4. Бикертон Д. Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Изд-во Языки славянских культур. 2012.
5. Богданович Н.В. Субъект как категория отечественной психологии: история и современное состояние // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 58-84.
6. Бурлак С.А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Изд-во Альпина Диджитал. 2019.
7. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). М.: Изд-во Наука. 1993.
8. Вааль Ф. Последнее объятие Мамы. М.: Альпина Диджитал. 2019.
9. Величковский Б.М., Соловьев В.Д. Компьютеры, мозг и познание: Успехи когнитивных наук. М.: Изд-во Наука, 2008.
10. Виленская Г.А. Исполнительные функции. В кн.: Разработка понятий в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 174-200.
11. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо. 2005.

12. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Изд-во Педагогика Пресс, 1993.
13. Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: Поведение. М.: Изд-во Мир. 1992.
14. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор / Дарвин Ч. Сочинения. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР. 1953. С. 119-658.
15. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии. (Введение, гл. 1.). / Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Изд-во Канон+. 1998. С. 174-230.
16. Иванников В.А. Шляпников В.Н. Воля как продукт общественно-исторического развития человечества // Психологический журнал, 2012, Т. 33. №3. С. 111-121.
17. Ламсден Ч. Дж., Уилсон Э. Прометеев огонь. Размышления о происхождении разума. М.: Изд-во УРСС; Ленланд. 2017.
18. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Изд-во Смысл, 2000.
19. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981.
20. Марков А.В. 2020. Козволюция мозга и культуры – вероятный механизм становления человеческого разума / Элементы. URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/433657/Koevo_lyutsiya_mozga_i_kultury_veroyatnyy_mekhanizm_stanovleniya_chelovecheskogo_razuma (Дата обращения 15.03.2022).
21. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Изд-во Мысль, 1974.
22. Разработка понятий в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», Т.1. 2018. Т.2. 2019.
23. Ревонсуо А. Психология сознания. Спб: Изд-во Питер, 2013.
24. Розов Н.С. Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета // Ценности и смыслы, 2010. № 5(8). С. 50-67.
25. Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. Новосибирск: Изд-во Манускрипт, 2022.
26. Симонов П.В. О филогенетических предпосылках воли // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 84-88.
27. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2011.
28. Узнадзе Д. Психологические исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1966.
29. Филиппова Г.Г. Эволюционная зона ближайшего развития с позиции дифференционно-интеграционного подхода. В кн.: Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2. / Сост. и ред. Н.И. Чуприкова, Е.В. Волкова. М.: Изд-во Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 327-342.
30. Фитч У.Т. Эволюция языка. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2013.
31. Хоккетт Ч.Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. 1970. Выпуск 5. С. 45-76.
32. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи. М.: Изд-во ВЛАДОС, 2000.
33. Чуковский К.И. От двух до пяти. М.: Изд-во Мелик-Пашаев, 2013.
34. Эволюционная и сравнительная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. А.Н. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
35. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton. NJ: Princeton University Press, 2004.
36. Donald M. A Mind So Rare: The Evolution of Human Consciousness. New York: Norton, 2001.
37. Dor D., Knight Chr., Lewis J. (Eds.). The Social Origins of Language. Oxford University Press, 2014.
38. Fabbro F., Cantonec D., Feruglioia S., Crescentinia C. Origin and evolution of human consciousness // Progress in Brain Research. 2019. V. 250. P. 317-343.
39. Feinberg T.E., Mallatt J.M. The Ancient Origins of Consciousness. How the Brain Created Consciousness. The MIT Press, Cambridge, 2016.
40. Gabora L., Smith C.M. Two Cognitive Transitions Underlying the Capacity for Cultural Evolution // Journal of Anthropological Sciences, 2018. V. 96. P. 1-26.

41. Graziano M. *Consciousness and the Social Brain*. Oxford University Press, New York, 2015.
42. Laland K.N. *Darwin's Unfinished Symphony. How Culture Made the Human Mind*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2017.
43. Richerson P.J., Boyd R. *Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution*. University of Chicago Press, 2005.
44. Rumbaugh M.D. *With Apes in Mind: Emergents, Communication & Competence*. Create Space, 2013.
45. Searle J.R. *Consciousness* // *Annual Review of Neuroscience*, 2000. № 23. P. 557-578.
46. Sterelny K. *Cumulative Cultural Evolution and the Origins of Language* // *Biological Theory*, 2016. P. 173-186.
47. Turner J.H., Machalek R. *The New Evolutionary Sociology: Recent and Revitalized Theoretical and Methodological Approaches*. New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2018.
48. Wildgen W. *Language evolution as a cascade of behavioral bifurcations* // *Estudios de Linguística Universidad de Alicante*, 2012. № 26. P. 359-382.

Статья поступила в редакцию 12.02.2022.

THE MODEL OF RITUAL-SYMBOLIC DETERMINATION OF ATTITUDES, ABILITIES, AND CONCERNS

© Nikolai S. Rozov

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
nrozov@gmail.com

The article proposes a conceptual model designed to explain the origin of speech and consciousness as unique human properties. The corresponding abilities are formed in ontogenesis on the basis of the existing innate potential. Concepts revealing the mechanisms of socialization and enculturation processes are constructed for the subsequent evolutionary explanation of speech and cognitive abilities assignments during anthropogenesis.

Keywords: speech abilities, cognitive abilities, glottogenesis, noogenesis, communicative cares, interactive ritual, interiorization, installation, consciousness, self-structure, will, social order, socio-natural niche

REFERENCES

1. Akopov G.V. (2007) Problema soznaniya v sovremennoj psihologii [*The Problem of Consciousness in Modern Psychology*] // Metodologija i istorija psihologii [*Methodology and History of Psychology*]. V. 2. № 3. P. 43-64. (In Russ., abstr. In Engl.).
2. Allakhverdov V.M. (2000). Soznanie kak paradoks. (Jeksperimental'naja psihologika, T.1) [*Consciousness as a paradox. (Experimental Psychology, Vol. 1)*]. Saint-Petersburg: DNA. [Saint-Petersburg. Publ. DNA]. (In Russ.).
3. Asmolov A.G. (2002). Po tu storonu soznaniya: metodologicheskie problem neklassicheskoj psihologii [*On the Other Side of Consciousness: Methodological Problems of Non-Classical Psychology*]. M.: Smysl [Moscow. Publ. Smysl]. (In Russ.).
4. Bickerton D. (2012). Jazyk Adama: kak ljudi sozdali jazyk, kak jazyk sozdal ljudej [*Adam's language: how people created language, how language created people*]. M.: Jazyki slavjanskih

- kul'tur [Moscow. *Languages of Slavic cultures Publ.*]. (In Russ.).
5. Bogdanovich N.V. (2005). Sub'ekt kak kategorija otechestvennoj psihologii: istorija i sovremennoe sostojanie [The subject as a category of domestic psychology: history and current status] // Sub'ekt, lichnost' i psihologija chelovecheskogo bytija [Subject, personality and the psychology of human existence. In Znakov V., Ryabikina Z.I. eds.]. M.: Institut psihologii RAN [Moscow. Publishing house "Institute of philosophy of Russian Academy of Sciences"]. P. 58-84. (In Russ.).
 6. Burlak S.A. (2019). Proishozhdenie jazyka. Fakty, issledovanija, gipotezy [The origin of language. Facts, research, hypotheses]. M.: Alpina Digital [Moscow. Alpina Digital Publ.]. (In Russ.).
 7. Butovskaya M.L., Feinberg L.A. (1993). U istokov chelovecheskogo obshhestva (Povedencheskie aspektyj evoljucii iceloveka) [At the origins of human society (Behavioral aspects of human evolution)]. M.: Nauka [Moscow. Nauka Publ.]. (In Russ.).
 8. Waal F. (2019). Poslednee ob'jatie Mamy [The Last Embrace of Mama]. M.: Alpina Digital [Moscow. Alpina Digital Publ.].
 9. Velichkovsky B.M., Solovyov V.D. (2008). Komp'jutery, mozg i poznanie: Uspehi kognitivnyh nauk [Computers, brain and cognition: Advances in the cognitive sciences]. M.: Nauka [Moscow. Nauka Publ.]. (In Russ.).
 10. Vilenskaya G.A. (2019). Ispolnitel'nye funkcii [Executive Functions] // Razrabotka ponjatij v sovremennoj psihologii [Development of concepts in modern psychology. In Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. eds.]. M.: Institut psihologii RAN [Moscow. Publishing house "Institute of philosophy of Russian Academy of Sciences"]. P. 174-200. (In Russ.).
 11. Vygotsky L.S. (2005). Psihologija razvitiya cheloveka [Psychology of human development]. M.: Smysl; Eksmo [Moscow. Smysl; Eksmo Publ.]. (In Russ.).
 12. Vygotsky L.S., Luria A.R. (1993). Etjudy po istorii povedenija: Obez'jana. Primitiv. Rebenok [Etudes on the history of behavior. The Primitive. The Child]. M.: Pedagogika [Moscow. Pedagogika Publ.]. (In Russ.).
 13. Goodall J. (1992). Shimpanze v prirode: Povedenie [Chimpanzees in Nature: Behavior]. M.: Mir [Moscow. Mir Publ.]. (In Russ.).
 14. Darwin Ch. (1953). Proishozhdenie cheloveka i polovoj otbor. Tom 5 [Origin of man and sexual selection. Works, vol. 5]. M.: AN SSSR [Moscow. Academy of Sciences of the USSR]. P. 119-658. (In Russ.).
 15. Durkheim E. (1998). Jelementarnye formy religioznoj zhizni. Totemisticheskaja sistema v Avstralii. (Vvedenie, glava 1.) [Elementary forms of religious life. The totemistic system in Australia. (Introduction, chapter 1.)] // Mistika. Religija. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedenija. Antologija [Mysticism. Religion. Science. Classics of World Religious Studies. Anthology]. M.: Kanon+ [Moscow. Kanon+ Publ.]. P. 174-230. (In Russ.).
 16. Ivannikov V.A., Shlyapnikov V.N. (2012). Volja kak product obshhestvenno-istoricheskogo razvitiya chelovechestva [Will as a product of socio-historical development of mankind] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. V. 33, № 3, P. 111-121. (In Russ., abstr. in Engl.).
 17. Lumsden C.J., Wilson E. (2017). Prometeev ogon'. Razmyshlenija o proishozhdenii razuma [Promethean fire. Reflections on the origin of mind]. M.: URSS; Lenland [Moscow: URSS; Lenland]. (In Russ.).
 18. Leontiev A.N. (2000). Lekcii po obshhej psihologii [Lectures on general psychology]. M.: Smysl [Moscow. Smysl Publ.]. (In Russ.).
 19. Leontiev A.N. (1981). Problemy razvitiya psihiki [Problems of the development of the psyche]. M.: MGU [Moscow State University Publ.]. (In Russ.).
 20. Markov A.V. (2020). Kojevoljucija mozga i kul'tury – verojatnyj mehanizm stanovlenija chelovecheskogo razuma [Co-evolution of brain and culture – a probable mechanism of human mind formation] / Jelementy [Elements]. URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/433657/Koevoljucija_mozga_i_kul'tury_veroyatnyj_mekhanizm_stanovleniya_chelovecheskogo_razuma (date of application 15.03.2022). (In Russ.).
 21. Porshnev B.F. (1974). O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsihologii) [On the beginning of human history (problems of paleopsychology)]. (In Russ.).

- ning of human history (*Problems of paleopsychology*). M.: Mysl [Moscow. Mysl Publ.]. (In Russ.).
22. Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. (2018, 2019). Razrabotka ponjatij v sovremennoj psihologii [*Development of Concepts in Modern Psychology*]. M.: Institut psihologii RAN [Moscow. Publishing house "Institute of philosophy of Russian Academy of Sciences"]. Vol. 1, 2. (In Russ.).
23. Revonsuo A. (2013). Psihologija soznanija [*Psychology of consciousness*]. Saint-Petersburg: Peter [Saint-Petersburg. Peter]. (In Russ.).
24. Rozov N.S. (2010). Ritualy, instituty i resursy: social'nye osnovy transformacii mentaliteta [*Rituals, institutions and resources: social foundations of the transformation of mentality*] // Cennosti i smysly [*Values and meanings*]. № 5(8). P. 50-67. (In Russ., abstr. in Engl.).
25. Rozov N.S. (2022). Proishozhdenie jazyka i soznanija. Kak social'nye porjadki i kommunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti [*The Origin of Language and Consciousness. How social orders and communicative concerns gave rise to speech and cognitive abilities*]. Novosibirsk. Manuscript [Novosibirsk. Manuscript Publ.]. (In Russ.).
26. Simonov P.V. (1971). O filogeneticheskikh predposylkah voli [*On phylogenetic preconditions of the will*] // Voprosy psihologii [*Studies in Psychology*]. № 4. P. 84-88. (In Russ., abstr. in Engl.).
27. Tomasello M. (2011). Istoki chelovecheskogo obshhenija [*The origins of human communication*]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur [Moscow. Languages of Slavic cultures Publ.]. (In Russ.).
28. Uznadze D. (1966). Psihologicheskie issledovanija [*Psychological research*]. M.: AN SSSR [Moscow. Academy of Sciences of the USSR]. (In Russ.).
29. Filippova G.G. (2014). Jevoljucionnaja zona blizhajshego razvitija s pozicii differencionno-integracionnogo podhoda [*Evolutionary zone of the nearest development from the position of the differential-integrative approach*] // Differencionno-integracionnaja teorija razvitija. Kniga 2 [*Differentiative and Integrative Theory of Development, book 2*]. In: Chuprikova N.I. Volkova E.V. (eds.). M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury [Moscow. Languages of Slavic cultures Publ.], P. 327-342. (In Russ.).
30. Fitch W.T. (2013). Jevoljucija jazyka [*The evolution of language*]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur [Moscow. Languages of Slavic cultures Publ.]. (In Russ.).
31. Hockett Ch.F. (1970). Problema jazykovyh universalij [*The problem of linguistic universals*] // Novoe v lingvistike [*New in Linguistics*]. № 5. P. 45-76. (In Russ.).
32. Zeitlin S.N. (2000). Jazyk i rebenok: lingvistika detskoj rechi [*Language and the child: linguistics of children's speech*]. M.: VLADOS [Moscow. VLADOS Publ.]. (In Russ.).
33. Chukovskij K.I. (2013). Ot dvuh do pjati [*From two to five*]. M.: Melik-Pashaev [Moscow. Melik-Pashaev Publ.]. (In Russ.).
34. Haritonov A.N. (2013). (ed.) Jevoljucionnaja i sravnitel'naja psihologija v Rossii: tradicii i perspektivy [*Evolutionary and Comparative Psychology in Russia: Traditions and Prospects*]. M.: Institut psihologii RAN [Moscow. Publishing house "Institute of philosophy of Russian Academy of Sciences"]. (In Russ.).
35. Collins R. (2004). Interaction Ritual Chains. Princeton, NJ: Princeton University Press.
36. Donald M. (2001). A Mind So Rare: The Evolution of Human Consciousness. New York: Norton.
37. Dor D., Knight Chr., Lewis J. (2014). (Eds.). The Social Origins of Language. Oxford University Press.
38. Fabbro F., Cantonec D., Feruglio S., Crescentinia C. (2019). Origin and evolution of human consciousness // Progress in Brain Research. V. 250. P. 317-343.
39. Feinberg T.E., Mallatt J.M. (2016). The Ancient Origins of Consciousness. How the Brain Created Consciousness. The MIT Press, Cambridge.
40. Gabora L., Smith C.M. (2018). Two Cognitive Transitions Underlying the Capacity for Cultural Evolution // Journal of Anthropological Sciences. V. 96. P. 1-26.
41. Graziano M. (2015). Consciousness and the Social Brain. Oxford University Press, New York.
42. Laland K.N. (2017). Darwin's Unfinished Symphony. How Culture Made the Human Mind. Princeton & Oxford: Princeton University Press.

43. Richerson P.J., Boyd R. (2005). *Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution*. University of Chicago Press.
44. Rumbaugh M.D. (2013). *With Apes in Mind: Emergents, Communication & Competence. Create Space*.
45. Searle J.R. (2000). *Consciousness // Annual Review of Neuroscience*. № 23. P. 557-578.
46. Sterelny K. (2016). *Cumulative Cultural Evolution and the Origins of Language // Biological Theory*. P. 173-186.
47. Turner J.H., Machalek R. (2018). *The New Evolutionary Sociology: Recent and Revitalized Theoretical and Methodological Approaches*. New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
48. Wildgen W. (2012). *Language evolution as a cascade of behavioral bifurcations // Estudios de Linguística Universidad de Alicante*. № 26. P. 359-382.

The article was received 12.02.2022.